
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ОГОРОДНИКОВ. Навстречу Победе	3
Алексей ФЕДОТОВ. Кто привёл к власти Гитлера	54
Исраэль ШАМИР. Битва за Освенцим	68
Сергей ХОЛОДОВ. Война в прямом эфире	132
Алексей ЧИЧКИН. Забытые сталинские удары	142

ПОЭЗИЯ

Георгий КОЛЬЦОВ. Послевоенная весна. Стихи	26
Анатолий АВРУТИН. Птица русского слова. Стихи	75
Светлана СЫРНЕВА. Северные песни. Стихи	83
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Рассвет на родине. Стихи	146
Ольга ГОНЧАРОВА. Шёпот дождя. Стихи	152
Стихи брянских поэтов	187

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ. Позднее возвращение. Рассказ	36
Фёдор ОШЕВНЁВ. Полонез Огинского. Рассказ	89
Валерий СЕРЯКОВ. Рассказы	158

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Народ,
не признаваемый властью** 176

УРОКИ ИСТОРИИ

Александр ТЮРИН. **Для чего вышли декабристы** 203

РУССКИЙ МИР

Владимир ПАХОМОВ. **Идеология ненависти
«национально świadомых»** 222

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир ГОЛУБЕВ. **Их любовь к Собчаку** 248

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Руслан ЛЯПИН. **Нас призвали покаяться** 257

Светлана Макарова-Гриценко. **С чьего «Голоса»?..** 260

Андрей СОШЕНКО. **«Антихрист уже в Израиле...»** 262

Екатерина МЕЛЬНИКОВА. **Под угрозой
исчезновения** 265

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 268

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валентина ЕФИМОВСКАЯ. **«Чёрный вечер. Белый снег».**
(О пьесе Василия Дворцова «С нами Бог») 275

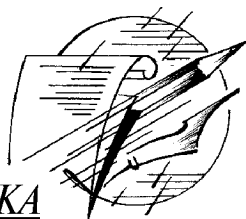
НАВСТРЕЧУ ПОБЕДЕ

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

В 1930-х годах американские военные разработали планы приговления к войне против Японии (также были подготовлены планы войны против Мексики, Великобритании, Канады, но не против нацистской Германии).

Жак Р. Пауэлс «США во Второй мировой войне»

В ноябре 1941 года Вашингтон и Москва заключили соглашение по ленд-лизу, а 7 декабря японцы атаковали Перл-Харбор. Еще одна цитата из книги Жака Р. Пауэлса: «Некоторые американские историки обращают внимание на простой, но неприятный и, как правило, поэтому игнорируемый факт, что соединённые Штаты объявили войну Японии не из-за неспровоцированной агрессии Токио и его ужасных преступлений в Китае, а из-за нападения на американские имперские владения». И хотя американская элита в то время надела «антифашистскую шляпу», но в глубине души многие её члены оставались истинными антикоммунистами. Поэтому и объявление Гитлером 11 декабря 1941 года войны Америке явилось для них «последней неожиданностью». «Война против Германии была нежеланной и незапланированной. В Белом доме объявление войны Германией было воспринято как неприятный сюрприз» (там же).

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

И со «вторым фронтом» США и Англия тянули специально, озаботившись этим вопросом только после «слома хребта» немецкой военной машине под Сталинградом в 1943 году. Причём особая «озабоченность» царил в главном центре инспирации Второй мировой — Лондоне. «До войны, — пишет Пауэлс, — Черчилль опасался, что попытка «мюнхенцев», таких, как Чемберлен, устранить СССР руками Гитлера может иметь неприятные последствия и фактически позволит советскому коммунизму расшириться на запад. Теперь он приходил в ужас от мысли, что Советы могли бы, возможно, выиграть войну без помощи своих союзников и, таким образом, в конечном итоге доминировать над Германией и остальной частью Европейского континента». И где бы тогда оказалась «великая» Британия?

«После Сталинграда, — продолжает Пауэлс, — западные союзники столкнулись с тремя основными возможными сценариями. В худшем случае Советы победят нацистскую Германию в одиночку и, таким образом, станут «хозяевами Европы», о чём Буллит предупреждал в январе 1943 года, когда только начало осознаваться значение Сталинградской битвы. Тем не менее, даже лучший сценарий был далёк от привлекательности для Вашингтона и Лондона. Даже если американцы и британцы вторгнутся в Германию через Италию или Францию и, таким образом, им удастся выиграть войну вместе с Советами, Сталин неизбежно будет иметь право в значительной степени определять послевоенное устройство Германии и остальной Европы».

Разрешить сомнения, успокоить и увязать действия союзников по антигитлеровской коалиции как раз и предстояло Тегеранской конференции конца 1943 года. Кроме прочих вопросов (открытие «второго фронта», роль Франции, послевоенное мироустройство и т.п.) маршал Сталин и президент Рузвельт договорились о том, что СССР начнёт войну с врагом Америки на Дальнем Востоке — Японией — через пару месяцев после разгрома Германии. Рузвельт был удовлетворён. Черчилль оставался недовольным при любом раскладе. «Однако, когда весной 1945 года, после поражения нацистов, Сталин был готов сдержать своё обещание, преемник Рузвельта в Белом доме окажется далеко не в восторге от перспективы отказа от славы и преимущества — победы над Японией...»

Почему Гарри Трумэн «оказался не в восторге», а Уинстон Черчилль балансировал на грани объявления войны Советскому Союзу, и что же такого произошло с конца 1943-го по лето 1945 года (помимо военных сражений) — мы и попытаемся разобраться.

...Президент США Франклин Делано Рузвельт возвращался домой с Тегеранской конференции в приподнятом настроении. Всё прошло даже лучше, чем он ожидал. Ещё по пути к Америке, находясь в Каире, президент направил Сталину телеграмму: «Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести борьбу, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии. Наши личные беседы доставили мне большое наслаждение». Сталин ответно телеграфировал президенту в откровенной манере: «Согласен с Вами... что наши личные встречи имели во многих отношениях весьма важное значение... Теперь имеется уверенность, что наши народы будут дружно совместно действовать и в настоящее время и после завершения этой войны...»

Рузвельт вернулся в Вашингтон 17 декабря 1943 года «удовлетворённым и довольным». Как вспоминал его хороший друг и спичрайтер Сэм Розенман: «Он искренне верил, что достиг того, что намеревался сделать — вовлечь Россию вместе с западными державами в солидную по своим масштабам организацию для обеспечения мира, — и он был рад этому...»

Кстати, по мнению Рузвельта, Великобритания была таким же союзником, как и две другие державы, Китай и Россия, а он был руководителем этих союзников. То есть отношения с Черчиллем не были для него «приоритетными». (Такое поведение президента доставило Черчиллю «немалую душевную боль».)

На вопрос журналистов на состоявшейся вскоре пресс-конференции в Овальном кабинете, что он думает о Сталине, Рузвельт ответил: «Я бы назвал его кем-то вроде меня. Он реалист». А чуть позже в частной беседе с помощником секретаря президента Биллом Хассеттом Рузвельт своё впечатление о «дядюшке Джо» выразил так: «Это человек, высеченный из гранита!» Кстати, именно Рузвельт окрестил Сталина «христианским джентльменом».

А вот что сказал примерно в то же время о личности Сталина Гитлер Риббентропу: «На этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твёрдости этого человека, негибкая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — именно тот крупный противник, которого он имеет

как в мировоззренческом, так и в военном отношении. (...) Создание Красной армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба» (Юрий Емельянов. «Сталин. Генералиссимус Великой Победы»).

В отличие от нового друга — Рузвельта и заклятого врага — Гитлера, вынужденный «союзник» России (хоть с дьяволом лишь бы против Гитлера) британский премьер Уинстон Черчилль никогда Сталину не доверял и отзывался об Иосифе Виссарионовиче весьма жёстко и нелицеприятно.

По этому поводу американская исследовательница Сьюзен Батлер в книге «Сталин и Рузвельт» написала следующее: *«Британский премьер был заклятым врагом большевизма. Он вошёл в историю своими злобными выпадами в адрес не только Советского Союза, но и лично Сталина. «На огромной территории исчезает цивилизация, и на развалинах городов посреди гор трупов и жертв большевики скачут и беснуются, подобно отвратительным бабуинам», — это только один из целого ряда подобных комментариев. Не раз цитировались и оценки Черчиллем советских руководителей, которых он именовал «быдлом, вырвавшимся из трущоб и сточных канав Восточной Европы». Сталина он называл «бездушным столпом, коварным и плохо информированным». Теперь премьер-министр предпочитал не высказывать на публике своих антибольшевистских взглядов, но его позиция оставалась неизменной. Первой репликой Черчилля своему секретарю Джону Конвиллу после вторжения немцев в Россию были слова: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин».*

Советский вождь и знал и чувствовал, что из себя представляют англичане на самом деле. Как-то в беседе с югославским писателем и политическим деятелем Милованом Джиласом Сталин произнёс: «У них, англичан, нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — и в Первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из твоего кармана!»

Итак, именно Черчилль всячески сопротивлялся открытию «второго фронта» и негативно отзывался о высадке десанта на другом берегу Ла-Манша — задуманной ещё в 1942 году американцами под руководством Маршалла операции «Оверлорд». Он желал вести наступление на Берлин через Балканы, потому что для него и стоящих за ним «хозяев денег» важно было не допустить в этот регион советские войска. Вот как это описала Сьюзен Батлер: «Черчилль постоянно и настойчиво выступал

против операции «Оверлорд» и по другой причине: он не доверял Сталину. Как он объяснял Гарриману в начале года, «неослабевающее давление Сталина, добивавшегося открытия «второго фронта» в 1943 году, связано с его планами относительно Балкан. Разве существует более удобный способ удержать западных союзников от развёртывания войск на Балканах, чем вынудить их увязнуть в длительных и кровопролитных сражениях в Западной Европе?» До сих пор [до конца 1943 года. — А.О.] его усилия по переносу сроков операции «Оверлорд» были достаточно эффективными. Его упорное стремление выработать и согласовать противоречивые военные планы на самом деле являлось тактическим ходом, попыткой развязать военные действия, в которых были бы задействованы союзные войска и необходимые десантные корабли (строго говоря, где угодно), чтобы эти силы и средства уже не могли принять участие в десантной операции на Ла-Манше».

1944 год, вошедший в историю как год «десяти Сталинских ударов», Страна Советов встречала с новым Гимном (утверждён 14 декабря 1943 года): «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь...» Сменивший революционный «Интернационал» гимн на музыку А. Александрова и слова С. Михалкова и Эль-Регистана настолько понравился Иосифу Виссарионовичу, что он даже заявил, что новый гимн «прокатывается по небесам, как бескрайняя волна».

А началось всё в мае 1943 года с ликвидации Коминтерна. Вот как это описала Сьюзен Батлер: «21 мая 1943 года на заседании Политбюро Молотов зачитал следующую резолюцию: «Мы переоценили свои силы, когда создавали Коммунистический интернационал и думали, что сможем руководить движением во всех странах. Это была ошибка. Дальнейшее существование КИ будет дискредитацией идей Интернационала, чего мы не хотим... Есть и другой мотив для роспуска КИ... Это то, что компартии, входящие в КИ, ложно обвиняются в том, что они являются якобы агентами иностранного государства... С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь».

Роспуск Коминтерна, направленный, по словам Сталина, на «облегчение единства действий во всемирной антифашистской борьбе», заставлял пересмотреть и место боевой песни коммунистов мира в официальной символике страны. «В то же время патриотизм советских людей, проявившийся в годы Великой Отечественной войны, требовал создания такого Гимна Отечества, в котором был бы отражён исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата» (Ю. Емельянов). И такой Гимн был создан...

Итак, 1944 год, по оценке самого маршала Сталина, оказался «годом решающих побед советской армии и армий наших союзников над немецкими войсками, когда немцы, вынужденные на этот раз вести войну на два фронта, оказались отброшенными к границам Германии». Были выведены из строя 136 немецких дивизий (около 70 из них были полностью уничтожены). Фашистская коалиция лишилась таких союзников, как Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия.

«К 1944 году Сталин и Ставка окончательно усвоили урок, что войну нельзя выиграть одним махом и что, мол, нужно концентрироваться на достижении одной стратегической цели за один раз» (Джеффри Робертс «Сталин»). Отсюда и «десять сталинских ударов» по врагу, как десять шагов к намеченной цели.

А «первым ударом» по немцам стала проведённая в январе 1944 года силами Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота операция по снятию блокады Ленинграда и освобождению Ленинградской области.

«Второй удар» — Корсунь-Шевченковская операция (февраль—март 1944 года), в ходе которой 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты освободили Правобережную Украину. Были созданы условия для освобождения Белоруссии, Крыма, Одессы.

Тогда же (13 февраля) президент Рузвельт отправил Сталину «важное послание» по поводу послевоенного международного финансового сотрудничества и возможного созыва финансовой конференции в рамках Объединённых наций. «Мир, который позволил бы России заняться восстановлением своей экономики, то есть период экономической стабильности, виделся Сталину достижимым, если Рузвельт останется на своём посту. Сталин подавал сигналы, что Россия должна участвовать в планировании нового устройства мира. Он не только согласился принять участие в конференции, но и пригласил посетить Советскую Россию Эрика Джонсона, самого рьяного проповедника капитализма и президента Торговой палаты США» (С. Батлер).

«Третьим ударом» стало проведение Одесской (28 марта — 16 апреля) и Крымской (8 апреля — 12 мая 1944 года) операций силами 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов, Отдельной Приморской армии и Черноморского флота. В ходе этих операций были освобождены Крым, Одесса, Николаев, Симферополь и Севастополь.

Подводя итоги зимне-весенней кампании 1944 года в своём первомайском приказе, Сталин указал: «В результате успешного наступления Красная Армия вышла на наши государственные границы на протяжении более 400 километров, освободив от немецко-фашистского ига три четверти окку-

---

пированной Советской земли». Сталин определил ряд задач летней кампании 1944 года, заявив: «Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии от Чёрного моря до Баренцева моря». Кроме того, он заявил: «Мы должны вырвать из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы... Такую задачу можно решить лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Северной Америки путём совместных ударов с востока — силами наших войск и с запада — силами войск наших союзников».

С открытием «второго фронта» в начале июня 1944 года Германский режим был обречён. Хотя, по мнению О.А. Платонова, западные союзники торопились вовсе не кровь проливать: «Союзники спешили принять участие в предстоящем дележе немецкого наследства».

Нормандская десантная операция под командованием американского генерала Дуайта Эйзенхауэра явилась самой крупной десантной операцией Второй мировой войны, в которой было задействовано около 7 тысяч кораблей и судов, около 11 тысяч боевых самолётов.

Американский историк С. Батлер описала это событие так: «Высадка войск союзников в Нормандии произошла 6 июня. Три миллиона солдат, двадцать американских дивизий, четырнадцать британских, три канадских, одна польская и одна французская атаковали берег Нормандии переброшенной туда огромной армадой кораблей, какой ещё не знала история. На следующий день Сталин телеграфировал Рузвельту, сообщив, что Красная Армия будет действовать, как было обещано: «Летнее наступление советских войск начнётся к середине июня». Примерно в то же время Сталин сказал Гарриману: «Ну, теперь нас ничто не остановит».

Глава Советского Союза, как правильно подметила Батлер, стремился, чтобы Британия, Америка и Россия остались друзьями и в послевоенном мире. Он хотел быть уверенным, что после окончания войны Советский Союз не будет бесцеремонно отстранён от решения мировых проблем. Поэтому старался выполнять все обязательства перед союзниками и не плодить разногласий. К примеру, доктрину безоговорочной капитуляции, ставшую важным аспектом Рузвельтовской концепции обустройства мира, он понял и поддержал, обратившись по собственной инициативе 10 июня 1944 года к послу США Авереллу Гарриману: «Во всём, что касается капитуляции Германии, у нас нет разногласий».

«Четвёртый удар», или Выборгско-Петрозаводская операция, был осуществлён войсками Ленинградского и Карельского фронтов, Балтийским флотом и Ладожской и Онежской военными флотилиями в период с 10 июня по 9 августа 1944 года. При этом была разгромлена финская армия, были освобождены Выборг, Петрозаводск и большая часть Карело-Финской ССР.

Той части летней кампании, которая охватывала освобождение Белоруссии, Сталин дал название «Багратион». Согласно этому плану, намечалось глубокими ударами четырёх фронтов разгромить основные силы группы армий «Центр», освободить Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления в западных областях Украины, в Прибалтике, в Восточной Пруссии и в Польше. Осуществление операции «Багратион» с 23 июня по 29 августа 1944 года и стало «пятым ударом». В этой крупнейшей операции Великой Отечественной войны принимали участие 1 400 000 воинов, 31 000 орудий, 5200 танков при поддержке 5000 самолётов. Тогда были освобождены Белоруссия, Литва, большая часть Польши. Советские войска форсировали реку Неман, вышли к Висле и к границам Германии (Восточной Пруссии).

В итоге Белорусской операции было взято огромное количество пленных. Часть этих немецких военнопленных (рядовых и офицеров) в количестве 57 600 человек, по личному указанию Сталина, были проведены через Москву 17 июля 1944 года. Это стало яркой демонстрацией новых побед Красной Армии.

Здесь надобно коснуться брожений в немецкой верхушке на фоне советских побед и возможности сепаратного мира Гитлера с американцами и британцами. Историк Юрий Емельянов в книге «Сталин. Генералиссимус Великой Победы» отмечает: «Сразу же после освобождения Минска Сталин 4 июля подписал директиву фронтам, в которой приказывалось продолжать наступление. (...) 8 июля Сталин провёл совещание с Жуковым и Антоновым. Потом приехал В. Молотов. На вопрос о том, есть ли вероятность у Гитлера заключить сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами, Сталин ответил, что «Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли в народе всякое доверие, изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства». А правительство это, видимо, вербовалось бы из заговорщиков против фанатика Гитлера. Ещё цитата из Ю. Емельянова: «К этому времени среди части германских военных усилились настроения в пользу государственного переворота и

замены Гитлера другим руководителем, способным заключить сепаратный мир с США и Великобританией. Видные германские генералы готовили заговор против Гитлера ещё до начала мировой войны, но пока Германия одерживала победы, они воздерживались от выступления. Лишь после поражений на советско-германском фронте они стали готовить переворот, постоянно поддерживая связи с английскими и американскими разведчиками. 20 июля 1944 года на Гитлера было совершено покушение, а в Берлине была предпринята попытка военного переворота. Однако Гитлер уцелел, а заговорщики были арестованы. Вслед за этим начались репрессии в руководстве вооружённых сил Германии. Около пяти тысяч было казнено... Некоторые видные военачальники, такие как Роммель и Клюге, боясь ареста, покончили жизнь самоубийством».

Не секрет, что во все времена и во всех войнах враждующие стороны предпринимали попытки уничтожения руководителей государства и полководцев с целью обезглавить страну и армию, посеять растерянность. Не стала исключением и Великая Отечественная: Сталин и Гитлер охотились друг за другом. Первое покушение на Гитлера готовилось ещё в 1942 году, потом в 1943 году, но Сталин в итоге отменил «ранее санкционированную акцию». Почему? Выслушаем мнение бывшего военного разведчика, героя Советского Союза, ставшего писателем, Владимира Васильевича Карпова: «На всякий случай работа Миклашевского и подготовка к решающему удару продолжались. В 1944 году чекисты сделали ещё один заход, и Сталин опять сказал: «Не надо убирать Гитлера». На этот раз Меркулов рискнул спросить: «Но почему?» Сталин пояснил: «Гитлер нам нужен для полного разгрома Германии. Пока он жив, он не пойдёт на сепаратное соглашение с Западом. В свою очередь, для США и Англии не может быть и речи о сделке, пока у руля находится Гитлер. Другое дело, если Гитлер исчезнет. Возможен приход к власти Геринга или Папена, с которыми западные державы могут сговориться. А это нам невыгодно, мы уже близки к полному разгрому Германии. Не трогайте Гитлера». Вот так, из стратегических соображений, Сталин пощадил Гитлера» (В. Карпов «Генералиссимус»).

«Шестой удар» — Львовско-Сандомирская операция, проводившаяся 13 июля — 29 августа 1944 года войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов при участии чехословацких частей и партизанских формирований. От оккупантов была очищена Западная Украина и Юго-Восточная Польша. Красная Армия переправилась через Вислу и захватила Сандомирский плацдарм, ставший базой для дальнейшего наступления.

В то же время проявлялись двуличие и коварство западных союзников России, заключавшиеся в том, что некоторые представители США и Англии (из тех, кого принято относить к «власти за троном») искали новые возможности заключить сепаратный мир с немцами (представителями оппозиционной Гитлеру верхушки генералитета). По этому поводу О.А. Платонов писал: «В 1944—1945 годах в Швейцарии проходят секретные переговоры между англо-американскими представителями (среди них, в частности, был американский резидент в Швейцарии А. Даллес) и руководителем гестапо в Италии генералом СС К. Вольфом. Это была закулисная сделка за спиной России. Под прикрытием переговоров в Берне гитлеровцы начали перебрасывать войска из Италии на советско-германский фронт. Черчилль даёт указание маршалу Монтгомери: «Берегите немецкое оружие, оно ещё может пригодиться против СССР». Сталин знал об этих Бернских «посиделках», и это его раздражало. Он даже высказывал своё недовольство президенту Рузвельту, судя по всему, недопонимая, что Франклин Делано, не говоря уже о возвращённом во власть при участии Бернарда Баруха Уинстоне Черчилле, был лишь ведомой фигурой, обладавшей относительной самостоятельностью. Так что даже его «мягкая» политика по отношению к СССР с определённых пор стала недопустимой для закулисных владык мира. «Сокрушительные победы русских войск опрокинули многие планы мировой закулисы, в том числе заключение сепаратного договора с Германией. Быстрое продвижение нашей армии по Европе спутало карты заговорщиков...» (О. Платонов).

«Седьмой удар» — Яско-Кишинёвская (20—29 августа) и Бухарестско-Арадская (30 августа — 3 октября 1944 года) операции. Сам Иосиф Виссарионович значение этих боевых действий оценил так: «Седьмой удар был нанесён в августе этого года в районе Кишинёва—Яссы, когда наши войска разбили наголову немецко-румынские войска и завершили свой удар окружением 22 немецких дивизий под Кишинёвом, не считая румынских войск.

В результате этого удара: а) была освобождена Молдавская Советская Республика; б) была выведена из строя союзница Германии — Румыния, которая объявила войну Германии и Венгрии; в) была выведена из строя союзница Германии — Болгария, которая также объявила войну Германии; г) был открыт путь для наших войск в Венгрию — последнюю союзницу Германии в Европе; д) открылась возможность протянуть руку помощи союзной нам Югославии против немецких оккупантов».

Наступательные операции в Прибалтике (14 сентября — 24 ноября 1944 года) были названы «восьмым ударом». Силами Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских, 3-го Белорусского, а также Балтийского флота от немецких захватчиков были очищены Прибалтийские республики, а остатки вражеских войск заперты в Курляндском котле.

«Девятый удар» — Восточно-Карпатская и Белградская операции, проводившиеся соответственно 8 сентября — 28 октября и 28 сентября — 20 октября 1944 года силами 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов. Враг был вынужден оставить большую часть Югославии, Чехословакии и Венгрии. Однако окончательный разгром войск противника в Будапеште и освобождение Венгрии были завершены лишь 17 февраля 1945 года.

«Десятый удар» — Петсамо-Киркенесская операция, проводившаяся 7—29 октября 1944 года частями Карельского фронта. От врага был освобождён север Норвегии, ликвидирована угроза Советскому Заполярью.

6 ноября 1944 года в своём докладе Сталин, завершив перечень «десяти ударов» и назвав четвёртый год войны «годом решающих побед», изрёк: «Теперь за Красной Армией остаётся её последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы! Есть основание рассчитывать, что эта задача будет выполнена Красной армией в недалёком будущем».

Освобождение русской армией Балканского полуострова подорвало как позиции Германии (резко сократив её сырьевую базу), так и «тайные намерения США и Англии, намеревавшихся в выгодный момент оккупировать все балканские страны».

В. Карпов по этому поводу написал: «Черчилль был в ужасе от «большевизации Балкан». По его словам, то, что Красная армия пришла в Белград, а затем в Будапешт, «имеет самые ужасные политические последствия для Центральной и Южной Европы».

Здесь нужно сказать несколько слов об идее славянского единства. Идея о том, что война против Гитлера — это борьба всех славян с их традиционным врагом, германскими народностями, давно эксплуатировалась советской пропагандой. К примеру, уже в августе 1941 года советская власть создала Всеславянский комитет и устроила в Москве Всеславянский съезд. А в разговоре с президентом Чехии Бенешем 18 декабря 1943 года Сталин выразил мнение, что в долгосроч-

---

ной перспективе миру угрожают две страны — Япония и Германия. «Немцы сильный и талантливый народ и могут после войны очень быстро подняться». «С Тегеранской конференции он вынес впечатление, что в этом плане существует полное единство взглядов между всеми союзниками, — написал Джеффри Робертс в книге «Иосиф Сталин». — На заключительном ужине в честь Бенеша 22 декабря Сталин говорил о необходимости славянского сотрудничества после войны и отмечал, что «до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем — наоборот. Ныне же славяне должны объединиться».

К теме славянского единства Сталин вернулся в своей беседе с аббатом Орлеманским 28 апреля 1944 года: «Германия сможет восстановиться примерно за 15 лет. Вот почему мы должны думать не только о том, как закончить эту войну, но и о том, что произойдёт через 20 лет, когда Германия возродится. Поэтому союз России и Польши совершенно необходим, чтобы не позволить Германии снова начать агрессию».

Третьим партнёром по коалиции славянских государств, предложенной Иосифом Виссарионовичем, должна была стать Югославия. В Югославии, в отличие от Польши, важную роль играла коммунистическая партия маршала Тито. Уже в 1944 году стало ясно, что Тито и его коммунисты станут одними из главных игроков на политической арене послевоенной Югославии.

Но вернёмся к выдержке из книги В. Карпова «Генералиссимус»: «Черчилль пытается остановить страшный для него процесс продвижения коммунизма на Запад — лучше бы действовать путём созыва глав трёх государств. Но поскольку организация такой встречи требует времени, а ждать нельзя, Черчилль решил немедленно поехать в Москву и конфиденциально со Сталиным обговорить вопрос о сферах влияния. На всякий случай Черчилль предупредил президента США о своей поездке в Москву. Рузвельт, в свою очередь, сообщил Сталину, что «премьер-министр Англии не уполномочен говорить от имени США, и мы втроём и только втроём можем найти решение по ещё не согласованным вопросам».

Сталин ответил Рузвельту: «Я полагал, что г-н Черчилль едет в Москву по уговору с Вами в Квебеке. Оказалось, однако, что это мое предположение как будто бы не соответствует действительности. Мне неизвестно, с какими вопросами едут в Москву г-н Черчилль и г-н Иден. Мне об этом ничего не сообщали до сих пор ни тот, ни другой. Г-н Черчилль выразил желание в своем послании на мое имя приехать в Москву, если не будет возражений с моей стороны. Я, конечно, ответил согла-

---

сией. Так обстоит дело с вопросом поездки Черчилля в Москву. В дальнейшем я буду информировать Вас по мере выяснения дела после встречи с г-ном Черчиллем».

Первая встреча Сталина с Черчиллем состоялась 9 октября в 22 часа. В самом ее начале Черчилль затронул балканский вопрос и выдвинул предложение о «разделе сфер влияния» на Балканах. Он заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90% в Греции и пополам — в Югославии?» Пока это переводилось, Черчилль взял пол-листа бумаги и написал:

«Румыния: Россия — 90%. Другие — 10%.

Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90%. Россия — 10%.

Югославия: 50—50%.

Венгрия: 50—50%.

Болгария: Россия — 75%. Другие — 25%».

В своих мемуарах Черчилль пишет: «Я передал этот листок Сталину, который к тому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую галку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». — «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин». Переводивший эту беседу Сталина с У. Черчиллем В.М. Бережков следующим образом воспроизвел ответ Сталина: «Не знаю, почему я должен ее уничтожить. Это, собственно, Ваша бумага, Вы с ней пришли и можете оставить ее у себя». Как видим, Сталин не пошел на раздел сфер влияния, предложенный Черчиллем. Синяя галочка не подпись, она могла означать просто: «читал». Но Черчилль в узком кругу преподносил это как согласие Сталина на сделку «fifty-fifty». Ситуация несколько похожа на предложение Гитлера о разделе сфер влияния в Европе и Азии. Тогда Сталин не согласился на этот раздел. Но позднее всё же был подписан секретный протокол о переходе к Советскому Союзу Прибалти-

---

ки, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и части Польшы. После диалога с Черчиллем ни устного, ни письменного согласия на его «fifty-fifty» Сталин не дал, а в коммюнике, опубликованном 20 октября 1944 года как итог встречи с Черчиллем однозначно оговаривалось: «Право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлемым» («Генералиссимус»).

Сталин чётко выдерживал «соглашение о процентах». Поэтому в декабре 1944 года, когда британские войска предприняли попытку разоружить греческие партизанские формирования ЭЛАС и тем самым спровоцировать вооружённое восстание в Афинах, Сталин отказался поддержать греческих коммунистов...

Сразу после Черчилля, в декабре 1944 года, Москву посетил ещё один важный иностранный гость — генерал де Голль, чтобы встретиться с маршалом Сталиным. «Сталин очень пренебрежительно отзывался о де Голле на Тегеранской конференции и не намного лучше — на Ялтинской, которая состоялась через два месяца после приезда де Голля в Москву. На встрече с Рузвельтом 4 февраля (1945 г.) Сталин заявил, что де Голль не совсем понимает положение Франции. Американцы, англичане и русские проливали кровь ради освобождения Франции. Французы же потерпели поражение и сейчас имеют лишь восемь дивизий. Тем не менее де Голль хочет, чтобы у Франции были те же самые права, как у США, Англии и России» (Д. Робертс «Иосиф Сталин»).

Забегая вперёд, скажем, что в итоге американцы поддержали де Голля, хотя он им и не нравился. Но «французские большевики нравились ещё меньше»...

А как обстояли дела у союзников России на Западном фронте?

Выслушаем историка Юрия Емельянова: *«К началу сентября им казалось, что по короткой дороге в Берлин их победоносный шаг ничто не сможет остановить. Но получилось по-иному. Вскоре от оптимизма и разговоров о возможности попасть домой к Рождеству ничего не осталось. «Но известие о переходе германской границы, — писал О. Бредли, — не могло скрыть того факта, что наше наступление выдохлось. Не успели наши войска перейти границу, как мы вынуждены были остановиться... Наши танки застряли в стальных зубах линии Зигфрида... В течение последующих двух месяцев мы были вынуждены топтаться на месте перед линией Зигфрида... Наш рывок к Рейну оказался неудачным, и вместе с ним развеялась наша заветная мечта на скорую капитуляцию Германии».* Раз-

---

велясь и мечта американских генералов в ближайшие недели объявить себя главными победителями Германии, а заодно хозяевами планеты.

К тому времени немецкие войска остановили продвижение союзников и в Северной Италии. За год с лишним боевых действий союзные войска так и не сумели занять Италию». И далее: «16 декабря 1944 года немецкие войска развернули наступление в Арденнах. 1 января 1945 года немцы перешли в наступление в Эльзасе. Это наступление немцев Ч.Уилмонт называл «Перл-Харбором войны в Европе». Оборона союзников была прорвана, а американские части в Бастони окружены. Большое число американских самолётов было уничтожено на земле. Было захвачено немало пленных.

Свидетельством неспособности союзников без помощи СССР одолеть Германию стало обращение Черчилля к Сталину 6 января 1945 года. В связи с отступлением союзников в Арденнах под натиском немцев Черчилль просил Сталина сообщить: «Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть». На следующий день Сталин ответил, что Ставка Верховного Главнокомандующего решила: «Не считаясь с погодой, открыть широкое наступательное действие против немцев по всему центральному фронту не позже половины января».

Генерал Штеменко подчёркивал, что «верные своим союзническим обязательствам, советские войска перешли в решительное наступление 12 января 1945 года» (Ю. Емельнов «Сталин. Генералиссимус Великой Победы»).

«Лавина наших войск, пришедших в движение 12—15 января 1945 года, подавила сопротивление противника и за две с небольшим недели прошла 500 километров, освободила Варшаву и вышла на реку Одер. А к моменту открытия Ялтинской конференции 4 февраля 1945 года — находилась в 60 километрах от Берлина» (О. Платонов).

Итак, победоносно завершив стратегическую наступательную, самую крупномасштабную операцию Великой Отечественной, Висло-Одерскую, в ходе которой силами пяти фронтов были полностью разгромлены 35 немецких дивизий, а ещё 25 потеряли половину живой силы и техники, советские войска закрепились на плацдармах на левом берегу реки Одер. Тем самым были созданы предпосылки для проведения Берлинской операции. Но хотя германские войска потерпели сокрушительное поражение, они продолжали ожесточённо сражаться с теснящей их Красной Армией.

«Появление советских войск в 70 километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев», — написал в те дни маршал Жуков, который намеревался наступать на Берлин. Но жизнь внесла свои коррективы: «Развитие событий не позволило нам провести наступление на Берлин»...

В этих условиях начала свою работу вторая из трёх Конференций глав союзных стран — Ялтинская конференция (4—11 февраля 1945 года). «К открытию конференции для всех было очевидно, что Красная Армия является решающей силой, способной разгромить гитлеровскую Германию. (...) И всё же, по-прежнему стремясь опередить Красную Армию в её движении вглубь Европы, Черчилль предложил перебросить войска союзников на Любляну навстречу советским войскам. Таким образом, англо-американские войска получили бы возможность первыми войти в Австрию и Чехию. Однако это предложение осталось без ответа» (Ю. Емельянов).

Конференция в Крыму была последней, на которой, как писал О. Платонов, союзники по антигитлеровской коалиции ещё держались более или менее корректно в отношении России, выдержавшей основную тяжесть войны. Некоторые авторы считают, что на этой конференции СССР сделал Западу больше уступок, чем Запад — Советскому Союзу. Вот что по этому поводу написал исследователь Жак Пауэлс: «Часто говорят, что на крымском курорте Ялте умница Сталин сумел перехитрить своих западных коллег, особенно президента Рузвельта, который в то время был уже больным человеком. Это далеко не так. На этой встрече британцам и американцам терять было нечего, а получить они могли почти всё. На другом полюсе были русские; им эта конференция была, скорее всего, вообще не нужна».

А как было на самом деле? Прежде всего, отметим, что конференция была, несомненно, нужна русским и важна для Сталина. Нельзя не согласиться и с таким выводом немецкого историка Йоста Дюльффера: «4 февраля 1945 года в Ялте состоялась встреча «Большой тройки», участники которой собирались обсудить мироустройство после войны. Утверждение же, что они собирались поделить мир между собой, не более чем легенда» («Рузвельт, Черчилль и Сталин на пути к биполярному миру»). Неверно и то, что хитрый советский диктатор имел, якобы, собственный «генеральный план» по расширению советского господства в Европе, чтобы сделать возможным передел мира и укрепить коммунистическую общественную модель. Также весьма важно учитывать, что помимо поиска компромиссов каждый из участников — и Рузвельт, и Черчилль, и Сталин — преследовали свои интересы.

Каждый! (К примеру, для Рузвельта очень нужно было получить согласие Сталина на то, чтобы советские войска вступили в войну с Японией.)

Историк Ю. Емельянов справедливо считает, что Сталин на этой конференции «закрепил своё положение неформального лидера Большой тройки»: «Сталин активно использовал свой авторитет среди участников Ялтинской конференции для того, чтобы добиться послевоенного устройства мира в интересах СССР. Одним из главных вопросов на конференции стал вопрос о послевоенном будущем Германии. (...) Вместо плана разделения Германии на несколько государств, который был впервые выдвинут западными державами на Тегеранской конференции, было принято предложение, отвечающее интересам СССР, о сохранении единой Германии под управлением центральной контрольной комиссии из главнокомандующих оккупировавших держав, но с установлением четырёх оккупационных зон».

Германия была разбита на четыре зоны, из которых одна, самая большая, отходила под контроль России. Также по настоянию Сталина было принято решение о взыскании с Германии репараций за ущерб, нанесённый этой страной союзным странам. Для России эта цифра составляла 10 млрд. долларов.

Что касается Польши, советская сторона настояла и «в решение по Польше было недвусмысленно записано, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона, с отступлениями от неё в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Западная граница переносилась до Одера. Сталин очень надеялся на то, что расширенная на запад, независимая, дружественная СССР сильная Польша никогда больше не станет тем «коридором», по которому немецкие захватчики уже дважды приходили в Россию.

В вопросе по Дальнему Востоку Иосиф Виссарионович добился признания за СССР права на создание безопасных границ, которые с начала XX века постоянно подвергались нападениям со стороны соседей. При этом СССР обязался вступить в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии.

Переговоры по поводу создания всемирной организации стран (будущей ООН) с участием экспертов успешно прошли ещё в конце 1944 года. Так что в Ялте речь шла, главным образом, о будущей роли главных держав в её стабилизации. В этой связи Ф. Рузвельт говорил о разработанной им доктрине «четырёх мировых жандармов». Кроме стран «большой

тройки» — Америки, Великобритании и Советского Союза, в состав «жандармов» Рузвельт включил Китай. (В итоге получилось — две трети от числа всех жителей планеты.) Кстати, Черчилль был против кандидатуры восточного гиганта, но отстаивал ведущую роль Франции в послевоенной западной Европе.

«Выступая в ходе дискуссий, Сталин вновь поставил вопрос о включении в состав членов ООН советских республик (сначала речь шла об Украине, Белоруссии и Литве) наряду с СССР, хотя это предложение вызвало глухое сопротивление западных союзников. Однако для Сталина главным в ООН было не получение дополнительных голосов на Генеральной ассамблее, а превращение её в инструмент единства трёх великих держав» (Ю. Емельянов «Сталин»).

Кадоган, помощник министра иностранных дел Англии, писал своей жене из Ялты: «Никогда не думал, что с русскими так легко общаться. Джо (Сталин. — А.О.), в частности, просто великолепен. Это великий человек. Он очень выгодно отличается от двух других престарелых руководителей». Аличный представитель президента США и его близкий друг Г. Гопкинс, уезжая из Ялты, восхищался гением Сталина: «Мы искренне верили, что это рассвет нового дня, о котором мы все молились и говорили в течение многих лет... Русские доказали, что могут мыслить рационально и перспективно. Ни у президента, ни у кого из нас не было и тени сомнения, что мы сможем мирно сосуществовать с ними многие и многие годы»...

Чтобы завершить разговор о Ялтинской конференции, приведём цитату из статьи немецкого историка Й. Дюльффера: «В Ялте в 1945 году обсуждались как вопросы, по которым участники «Большой тройки» были согласны друг с другом, так и такие вопросы, по которым у них были разногласия, но которые они собирались урегулировать позже. Этого, как известно, так и не случилось — в Ялте были заложены основы как сотрудничества в области укрепления мира, так и будущей конфронтации. В итоге дело дошло до конфликтов, вылившихся в холодную войну» (Й. Дюльффер «Рузвельт, Черчилль и Сталин на пути к биполярному миру»).

Через два дня после завершения Крымской встречи, 13—14 февраля 1945 года, авиация союзников совершила варварскую бомбардировку — «сожжение» — Дрездена (погибло более 200 тысяч мирных жителей). Бомбардировку демонстративную, о которой руководство СССР их не просило. Для чего? Жак Пауэлс в книге «США во Второй мировой войне» по этому поводу пишет: «Что же произошло на самом

деле? Я думаю, следующее: русские войска очень быстро продвигались вперёд, и западные союзники решили показать русским, что у нас не только сильная армия, но и великолепные ВВС. Таким образом, чтобы русским было ясно, что они должны вести себя хорошо, в противном случае мы покажем им, что можем сделать такое и с русскими городами. Дрезден был идеей таких людей, как Черчилль; это было намеренное массовое убийство — в этом я не сомневаюсь». То есть разрушение города Дрездена было просто англо-американским сигналом «дядюшке Джо»...

Вскоре после завершения конференции в Ялте в СССР отмечали 27-ю годовщину создания Красной Армии. В своём приказе от 23 февраля 1945 года Сталин, перечислив успехи советских войск за первые недели года, подчеркнул: «Гитлеровцы кичились, что более сотни лет ни одного неприятельского солдата не было в пределах Германии и что немецкая армия воевала и будет воевать только на чужих землях. Теперь этому немецкому бахвальству положен конец. (...) Полная победа над немцами теперь уже близка. (...) Чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу».

К 23 марта 1945 года войска 3-го Украинского фронта вступили на территорию Австрии, а 6 апреля начался штурм Вены. А в это же время союзники пытались «украсть победу у Страны Советов», для чего проводили переговоры в Берне: представители армии США и Великобритании обсуждали с генералом СС Вольфом капитуляцию гитлеровцев в Северной Италии. Советское правительство настаивало на участии в этих переговорах, но ему было в этом отказано. Тогда Сталина волновал вопрос: кто же будет брать Берлин — мы или союзники? Наши генералы заверили Главнокомандующего: мы!

«Сомнения Сталина по поводу намерений союзников были обоснованными. 1 апреля Черчилль писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, когда вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и в этом случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять» (Ю. Емельянов «Сталин»).

К нашему счастью, президент США Рузвельт не во всём поддерживал британского премьера. В отличие от Черчилля, господин Рузвельт с пониманием относился к советской точке зрения и вёл по отношению к маршалу Сталину «мягкую политику» (что всё чаще стало раздражать тех, кого принято называть — «власть за трон»). Г. Гопкинс считал, что для блага мира Соединённые Штаты должны смириться с господствующим положением СССР в послевоенной Европе. Он полагал, что советско-американские отношения станут ключевым вопросом в послевоенном мире. А вот Великобритания, по его мнению, должна была согласиться со второй ролью в англо-американском союзе, что для британского правительства казалось унижительным. Но, к огорчению Сталина и всего советского народа, 12 апреля 1945 года «друга России» не стало — неожиданно для многих президент Рузвельт скоропостижно скончался при написании речи по случаю учреждения ООН.

Сменивший Рузвельта Гарри Трумэн никогда, мягко говоря, не испытывал симпатий к России и сразу начал менять курс прежнего президента на прямо противоположный. Он перешел к политике «грубого и наглого диктата в отношении нашей страны».

«Отношение Рузвельта в этом смысле, — писал Ж. Пауэлс, — часто противопоставляется отношению его преемника, Гарри Трумэна, который показал себя сторонником жёсткой линии Черчилля в отношении Сталина. (...) Основными определяющими причинами были резкие изменения в условиях войны и другие события, определяющие смену курса тех, кто принимал решение в Вашингтоне после смерти Рузвельта. В том числе не только нового президента, но и его старших советников, которые помогали формировать внешнюю политику его предшественника и которые тоже переключились на жёсткую черчиллевскую линию» (Ж. Пауэлс. «США во Второй мировой войне»).

И далее: «Позицию Трумэна и его уверенность в себе усилили военные успехи американских и британских войск в марте—апреле 1945 года, которые привели к оккупации ими большей части Германии. Кроме того, вскоре после своего прибытия в Белый дом этот человек из штата Миссури узнал, что в обозримом будущем в его распоряжении, вероятно, окажутся совершенно новые средства, которые помогут Вашингтону навязать свою волю Советскому Союзу. Речь идёт об атомной бомбе, хотя весной 1945 года бомба ещё не играла значительной роли в американской дипломатии. Только в самые последние месяцы войны, то есть летом 1945 года, Тру-

---

мэн окажется в состоянии разыграть карту ядерной дипломатии». Здесь нужно поправить автора: разыграть карту ядерного шантажа, а не «дипломатии»...

В середине апреля 1945 года русские войска приступают к завершающей операции Великой Отечественной войны — взятию Берлина. В обращении маршала Жукова, распространённом 15 апреля в войсках 1-го Белорусского фронта, были и такие слова: «Пришло время добить врага и победно закончить войну... За нашу Советскую Родину — вперёд на Берлин!»

24 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта соединились с войсками 1-го Украинского фронта в восточной части Берлина. Таким образом, было закончено окружение Франкфуртско-губенской группировки противника.

25 апреля 1945 года на восточном берегу Эльбы войска 1-го Украинского фронта встретились с войсками 1-й Армии США. В результате этой встречи войск союзников остатки вооружённых сил фашистской Германии были расколоты на две части — северную и южную. Это историческое событие было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего в Москве.

27 апреля Сталин обратился к бойцам и командирам Красной Армии по радио: «Наша задача и наш долг — добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать. Эту задачу перед нашим народом и перед всеми свободолюбивыми народами Красная Армия выполнит до конца».

30 апреля в 14 часов 25 минут войсками 3-й Ударной армии и 1-го Белорусского фронта была взята основная часть здания рейхстага. А через час Жукову сообщили, что разведчики Егоров и Кантария водрузили над рейхстагом Красное знамя.

В 3 часа 50 минут 1-го мая на командный пункт 8-й гвардейской армии был доставлен начальник генштаба германских сухопутных войск генерал Кребс. Он заявил, что уполномочен установить непосредственный контакт с Верховным командованием Красной Армии для проведения переговоров о перемирии. В 4 часа утра генерал В. Чуйков доложил об этом маршалу Жукову, а также сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством 30-го апреля. «Жуков тут же позвонил Сталину. Сталин ответил: «Доигрался подлец. Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?» — «По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожгли на костре», — ответил Жуков. «Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими генералами не вести» (Ю. Емельянов «Сталин. Генералиссимус Великой Победы»).

Провал манёвров Кребса привёл к тому, что в тот же день он, а также Геббельс вместе со своей семьёй покончили жизнь самоубийством.

После самоубийства Гитлера правительство Германии возглавил адмирал Карл Дениц. 6 мая он направил генерала Йодля в штаб Эйзенхауэра для ведения переговоров о перемирии на Западе.

7 мая в 2 часа 41 минуту был подписан акт о безоговорочной капитуляции в Реймсе. С нашей стороны был лишь генерал Сухлопаров. Сталин был этим фактом очень недоволен, но договорился с союзниками «считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции». А окончательный акт должен был подписать назначенный Сталиным представитель Верховного командования союзников маршал Жуков. Что и произошло в ночь с 8 на 9 мая.

Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. От СССР капитуляцию принял маршал Жуков, от США — командующий стратегическими воздушными силами генерал Спаатс, от Британии — маршал авиации Артур Теддер и главком французской армии генерал Делатр де Тассиньи.

Ночью 9 мая был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось: «Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена!»

В тот же день Сталин выступил по радио, поздравив соотечественников с «великим Днём Победы над Германией». Кроме прочего, он сказал: «Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. (...) Великая Отечественная война завершилась нашей полной военной победой. Период войны в Европе окончился. Начался период мирного развития. С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»

«За всю историю человечества, — отметил О. Платонов в книге «Эпоха Сталина», — ни один народ в мире, кроме русского, не испытывал на себе такой чудовищной тяжести — как человеческих потерь, так и материальных лишений, выдержал все тяготы и утраты, сумев сохранить себя выдающейся нацией и ядром огромного государства. Победе над Германией и творцами «нового порядка» мир обязан стойкости и жертвенности русского народа.

Не случайно в своём выступлении на кремлёвском приёме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945

года Генералиссимус Великой Победы товарищ Сталин под-
нял тост за русский народ:

«Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского
народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому,
что он является наиболее выдающейся нацией из всех на-
ций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что
он заслужил в этой войне общее признание как руководящей
силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

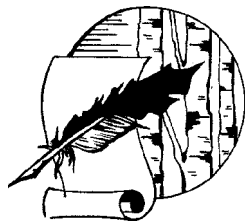
Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только
потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него
имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас
моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда
наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города
Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области,
Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, по-
тому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать
правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите
прочь, мы поставим другое правительство, которое заклю-
чит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский на-
род не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики
своего правительства, и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить
разгром Германии. И это доверие русского народа Советско-
му правительству оказалось той решающей силой, которая
обеспечила историческую победу над врагом человечества —
над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Победа над Германией не означала конца Второй мировой
войны. А радость от победы над фашистами объединила со-
юзников лишь ненадолго. Триумф Советского Союза вовсе
не радовал истинных «хозяев мира». Поэтому и долгождан-
ной «передышки» Советской России не дали: Черчилль и
компания опустили «железный занавес», запустили «ядер-
ный шантаж», который явился прологом провозглашённой
чуть позже «холодной войны»...

Георгий КОЛЬЦОВ
(1945 — 1985)

*К 75-летию Великой Победы
и со дня рождения поэта*

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберет соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
И тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвою осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

* * *

На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем слова
Дружбу мы сверяли,
А степенью солдатского родства.

И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя проносили,
Пробитое осколками в бою.

СИРОТА

Палисадники,
Пихты —
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал — как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле — по шуршанью колоса,
Сентябрь — по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал —
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подросших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.

Ты помнишь,
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор?
И не тогда ль

Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор?

Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

ТЁТКА ДАРЬЯ

В День Победы
Тётка Дарья —
Вот уже который год —
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрет.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навывлет,
Память
Встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой ни теткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звёзд!
А может, тыщи.
И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали
Ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила
В дни тех годин

Вера в силу ожидания
Даже в плаче проводи.

Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнёшь щекой к наградам
И украдкою
Всплакнешь.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго —
Через всю Россию —
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Плянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержанье различать?..

Обманчивость благополучья —
Был в тыщу раз
В те дни страшной
Родных мужицких закорючек,
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали —
По походке —
С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...
Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.

В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.
Хозяйка престарелая —
Одна! —
В ней, доживая век свой, зимовала.

В ней пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.

В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом — о крайних избах,
От которых

Такой короткий путь до большака...
Отсюда — не на жатву урожая —
Сибирская крестьянка

Мужика,
Сынков своих на запад провожала.

Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.

И если снова позовет труба
Иль заметёт дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба —
Не хата с краю.

* * *

*Лебедеву Николаю Александровичу,
Герою Советского Союза*

Вникая сердцем в правду горьких сводок,
Стал город на Неве фронтовиком...
Вернулся зимним вечером с завода
Отец опять с урезанным пайком.

Не верь:
Мол, пах он клеем силикатным,
Темнея, как протравленная медь,
Одно лишь отличало хлеб блокадный —
Ни разу не успел он зачерстветь.

Лишь дочери — девчонки молодые,
Не видевшие в жизни ничего,
Глаза с трудом от хлеба отводили,
Пока мать ниткой резала его.

А сам отец, такой седой, сутулый,
Вздыхнув, квартиру молча оглядел.
Нет ни стола, ни полка и ни стула.
Да — стула,
На котором сын сидел...

И вот когда в прошитом стужей доме
Всё, что горело, было сожжено,

Взял старый слесарь Лермонтовский томик
И вспомнил, может быть, «Бородино».

И передумал, видимо, о многом.
Ну а потом недрогнувшей рукой
«Буржуйку» подостывшую потрогал,
Откинул дверцу с болью и тоской.

Жену, детей, себя ли успокоил,
Пытался ли загнать подальше стыд:
«Я думаю, когда вернётся Коля,
То он поймёт, то он меня простит».

Шли жизнь и смерть по Ленинграду рядом.
Тепло от книг, текущее к ногам,
Могло назавтра стать в цехах снарядом.
Ещё одним снарядом — по врагам!

О, книги! Бескорыстные подруги —
Их меньше становилось с каждым днём —
Спасали обмороженные руки
Своим недолгим ласковым огнём.

* * *

В.М. Щеглову, рентгенологу

Полоснул, как финский нож, фугас!
Окруженье... Харьков...
Лихолетье...

Сколько пленных
Ты от смерти спас,
Будучи врачом в гросслагерете?!

Время то забыть бы поскорей
И овчарок бешеных оскалось...
Адовы круги концлагерей
Снятся ли тебе,
Василь Михалыч?

Там, у жуткой памяти в плену,
Ты в который раз бежишь из плена.

Напугав уснувшую жену,
Вскрикнувший,
проснёшься сам мгновенно.

В снах подкопы продолжая рыть,
Не поймёшь, очнувшись, сразу —
где ты?..

Зная, что бросил ты курить,
Тянется рука за сигаретой.

Выступит холодный пот — ручьём!
Сядешь ты, ссутулив зябко плечи.
Вечным,
Как рентгеновским лучом,
Состраданием к больным просвечен.

ПОЗДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗ

Леонтий Шаргунов вернулся из госпиталя в начале осени, когда зачастили дожди, листва на деревьях пожелтела, а в низинах заколыхался туман. Война уже второй год как закончилась, а он только приехал.

Солнце повернуло на закат, когда Леонтий появился в деревне. Одной ноги у него не было, вместо нее деревянный чурбак, затянутый выше колена широкими ремнями. На другой ноге запыленный разбитый сапог. Сам в галифе, в гимнастерке, на которой поблескивало несколько медалей. Пилотка сдвинута на бровь, а за плечами тощий вещмешок.

Леонтий долго стоял за околицей, поглядывая на деревню. Задергалась щека, а потом затряслась и голова. Он схватился за нее рукой, словно хотел придержать, и зло матюгнулся. «Нервное, — как сказал врач в госпитале. — Пройдет со временем. А может, и нога отрастет». И хохотнул. Леонтий в ответ криво усмехнулся. Ладно, если бы кусок мяса выдрало — это дело наживное, а вот молодому без ноги остаться, да еще в деревне, — это большая беда. Тут и здоровому мужику ни време-

ПРОЗА

ни, ни рук не хватает, чтобы по хозяйству успеть, а он, Леонтий, теперь обрубок.

Достал кисет. Руки дрожали. Пока прикуривал «козью ногу», просыпал табак. Несколько раз затянулся, поплевал на ладонь, затушил — и вытрусил остатки обратно в кисет: пригодится. Прислонился к дереву, расстегнул ремень. Поморщился, растирая култышку. Устала нога, ноет, спасу нет! А еще тащиться на другой конец деревни, да на виду: вечер, уже все с работы домой пришли... Леонтий не раз пожалел, что решил вернуться в деревню. Лучше бы не возвращался. Для всех лучше, и для жены — тоже...

Он еще немного потоптался, потом сплюнул, закинул вещмешок за спину и захромал по разбитой дороге: скрип-шлеп, скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Леонтий шел медленно, искоса поглядывая на избы. Кое-где мерцал свет. Где-то гроыхнуло ведро, сразу захотелось пить. Он подошел к колодцу. Ухватившись одной рукой за высокий сруб, второй стал крутить ворот. Достал воды, сделал несколько глотков — кадык заходил ходуном. Леонтий слил воду на корявую жесткую ладонь, плеснул на лицо, опять слил и плеснул... Гимнастерка намочла, пошла пятнами. Он пригладил короткий ежик волос, поправил вещмешок — и опять по деревне: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Изредка кто-нибудь из жителей появлялся на улице. Заметив солдата с вещмешком, люди жадно всматривались в его лицо, а потом долго провожали взглядом.

Скрип-шлеп, скрип-шлеп, скрип-шлеп... Леонтий морщился, когда оступался, и снова шагал, стараясь не смотреть по сторонам, чувствуя, что за ним наблюдают. Казалось бы, родная деревня, но сейчас никого не хотелось видеть: устал за долгую дорогу. Да и радости от возвращения он не испытывал. Не было ему здесь жизни в прошлом, а теперь тем более не будет.

Скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Наконец Леонтий добрался до дома. Вокруг поразрослась бузина да кусты сирени. Постоял, хмурясь, исподлобья поглядывая на темные окна. Всё же решился — толкнул калитку, но не стал закрывать: пусть стоит распахнутая. Прошелся по заросшему двору — повсюду татарник да репей, — сбросил мешок на крыльцо, неуклюже развернулся и уселся на пыльную скрипучую ступеньку. Тяжко, со всхлипом вздохнул. Расстегнул ремни. Деревянная нога гроыхнула и съехала на землю. Достал кисет, свернул «козью ножку» и задымил.

Ну, вот он и вернулся домой. А ждут ли его здесь? Вряд ли...

Махра потрескивала искрами, а потом едкий дым подхватывало ветерком, закручивало и уносило. Леонтий сгорбил-

---

ся, под гимнастеркой топорщились худые лопатки. Он сидел и, время от времени поглядывая по сторонам, морщился, растирая обрубок ноги.

За забором раздался чей-то голос, и донеслись шаркающие шаги.

— Это... Что расселся, прохожий? — пробубнил низенький лысый мужичок и пошкрябал волосатую грудь. — Что, говорю, сидишь-то? — Он махнул длинной рукой: — Ступай, ступай отсюда! Видишь, хозяйки нет? Вот и нечего соваться. Иди, пока я тебе пятки в обратную сторону не завернул.

— Да пошел ты! — буркнул Леонтий, продолжая растирать культю. — У, зараза, разнылась!

— Шагай, тебе сказано, нечего по чужим дворам шариться! — громко зевнул мужик, потянулся, а потом всмотрелся в Леонтия и удивленно отмахнулся: — Да ну, не верю... — Подступил ближе, склонился к солдату, хотел было опять зевнуть, но быстро закрыл рот, аж зубы клацнули. — Ленька! Ты, что ли? Ты вернулся?! На тебя же похоронка давным-давно пришла! Мол, погиб смертью храбрых, похоронен в братской могиле... А где — я забыл. Сам читал. Варвара твоя как получила похоронку, так в обморок и грохнулась, едва откачали. Всё продолжала ждать от тебя вестей, не верила, что ты погиб. Ага... Война как закончилась, все деревенские мужики, кто в живых остался, домой вернулись. Мы, как соберемся, всё тебя поминали в числе погибших. А Варька каждый день на дорогу выходила — высматривала, не идешь ли. И вот ты сидишь здесь живой... Как же так, а? И правда живой, чертяка!

Мужик не удержался, хлопнул широченной ладонью солдата по спине так, что тот покачнулся и закричал.

— Слышь, Агафон, что ты размахался ручищами? Чуть спину не переломил, черт длиннорукий! Что на всю деревню разорался? Ну, пришел я, ну, живой — и что?

— Так это же я от радости... Ага! Много наших мужиков полегло, а ты уцелел! Я что говорю... За такое нужно выпить! — Агафон звонко шелкнул по горлу, а потом, словно невзначай, поинтересовался: — Слышь, Ленька, а где же ты столько времени пропадал? Неужто в лагерях побывал? Или какую-нибудь бабу утешал и забыл про свою Варьку? Сейчас же много такого добра. Сам знаешь, мужиков-то не хватает. На вес золота, так сказать...

— Какие лагеря, какие бабы, что ты мелешь помелом-то? — рассердился Леонтий. — Нога не заживала. Гангрена. Отпилят — а она опять гниет, отпилят — а она опять... Я сразу говорил, чтобы отрубили по самую мошонку и всё на этом.

Ан нет, они же умные, всё знают и умеют. Говорят: «Пытаемся спасти». А что спасать, если уже гангрена пошла? Сами измучились и меня измохратили. Ладно, не подох, живучий оказался. Кое-как выкарабкался. Еле-еле душа в теле...

И заскрипел зубами — протяжно, громко, до озноба.

А потом принялся стаскивать сапог с ноги. Уцепился задинкой сапога за ступеньку, склонился, удерживая его, и запыхтел, заматерился, когда нога соскочила. Опять зацепился, снова стал дергать — и новые матюги, еще хлеще прежних.

— Погоди, Ленька, не психуй, — подскочил Агафон, ухватился за сапог и за ногу, дернул раз, другой... Примерился, рванул — и Леонтий съехал со ступеньки. — На, держи свой сапог. Нога-то не оторвалась, когда дерганул, а? — Агафон засмеялся, мелко затрясся. — Меня на фронте всегда звали, если сапоги прирастали к ногам. Почитай, сутками на ходу, сапоги некогда снять, портянки перемотать. Вот и прирастали. Глянешь, а от портянок одно название осталось. И твоя портянка сопрела, гляди... Ты, Ленька, посиди чуток, сейчас вернусь. Отметим приезд.

Он шелкнул толстым пальцем по горлу, а потом заторопился со двора.

Леонтий пошевелил пальцами. Кожа белая, рыхлая, местами сбита до кровавых мозолей, а ногти на ногах толстые да желтые, и такой запах... Он пожамкал в руках вонючую портянку, та под пальцами стала расплзаться. Нахмурился, хотел было выбросить, а потом повесил на крыльцо. Авось еще послужит, когда просохнет.

— Ну, Ленька, давай за твой приезд выпьем! — закричал Агафон, появляясь в калитке, и бултыхнул бутылку с мутноватой белесой жидкостью. В другой руке он держал стопки и две вяленые рыбки. Засеменил к крыльцу. — На, держи...

Сунул одну стопку Леонтию, сам зубами вытащил пробку из бутылки — и забулькал самогон.

— С возвращеньцем!

Чокнулись. Выпили.

Леонтий поморщился: отвык. Выпивал при случае, но так, чтобы каждый день, не было желания. Он пошкрябал щетинистую щеку, достал кисет и принялся сворачивать «козью ножку». Закурил. Следом засмолил и Агафон. Поставил чурбак напротив крыльца, уселся на него и дымил, поглядывая на соседа, на обрубок ноги и большой деревянный протез со сбитой набойкой. Похвастался:

— А я всю войну прошел — и ни одной царапины! Бывало, после боя глянешь: вся шинелька в дырах, а сам целый. Ага...

— У каждого своя судьба, — буркнул Леонтий. — У нас был такой же, как ты: тоже ни одного ранения, словно заговоренный. А через речку переправлялись — он утонул. Видишь, как судьба распорядилась...

— А для чего такие большие оглобли сделал? — Агафон ткнул в протез. — Ничего промеж ног не натерло? Гляди, отвалится хозяйство-то. Как же без него будешь, а?

И хохотнул, довольный.

— За свое хозяйство беспокойся, — покосился на него Леонтий и высыпал остатки табака в кисет. — Так удобнее ходить. Не потеряется. Ремнями привязал к ноге и шагай. Первый протез выстругал, так на ходу мотылялся, все колено истер. Вот и придумал с такими оглоблями. Подушечку под колено сделал, рюмку для култышки и ремни приспособил. Култышку сунул, захлестнул ремнями — ни в жизнь не соскочит. Проверено.

— Ага, понятно, — закивал Агафон и потянулся с бутылкой. — Давай-ка еще раз за твое возвращение. Живой пришел, глянь-ка! — И удивленно мотнул башкой.

Выпили еще по стопке. Леонтий оторвал рыбий хвостик, погрыз и опять вынул кисет. Курил, поглядывая по сторонам. Вон сарай покосился. Огородишко зарос сорняками, а поле, где картоху сажали, почти всё бурьяном покрылось. Лишь поближе к избе земля чернеет. Раньше-то поболее засаживали... В старые времена по осени картоху выкапывали, а нынче уже убрали. А может, даже и съели — кто знает. Он вздохнул.

— А что домой не писал? — покосился на него Агафон. — Как ушел на войну, так и пропал. Ни слуху, ни духу...

— Что спрашиваешь-то? — Леонтий сгорбился, уткнулся взглядом в крыльцо. — Сам знаешь, как я жил.

Жизнь у него еще до войны не заладилась. Светла судьба с Варварой, но так и остались чужими друг для дружки. Да и женились как-то не по-людски. Слишком быстро всё закрутилось. Немного погуляли, а потом расписались. Может, как говорят, влюбился по уши: девка-то красивая была, мимо не пройдешь — оглянешься. А может, чем-нибудь опоили, чтобы дальше своего носа не видел. На следующий день, когда свадебные гости опохмелились, кто-то с ехидцей сказал, что баба у него блудливая, как мартовская кошка. Леонтий не выдержал, обозвал жену по-всякому и оттолкнул от себя, а она взглянула и промолчала, ни слова не сказала в ответ, лишь нахмурилась и в избе скрылась. Он сидел на крыльце, словно оплеванный и не знал, как быть дальше. Ударить кулаком по столу и сказать гостям, что не останется с Варва-

---

рой, потому что его обманули? Засмеют и не поймут: сам же выбирал невесту, вот и живи теперь. И никуда не денешься.

Стали жить. Леонтий думал, перемелется — всё забудется, но, видать, бесполезно. Не простила его Варвара, затаила обиду. Первое время возвращался домой, по хозяйству возился, ночью совался к жене, а она словно бревно лежит или отвернется и молчит. До замужества веселая была да ласковая. Дня не мог прожить без нее. А потом будто наизнанку вывернули... Замолчала с той поры, как он ее при людях обругал, и ни словечка не говорила.

Детей не было. Пустая оказалась.

По деревне про нее всякие слухи гуляли. Говорили, будто у Варвары раньше был заезжий хахаль, с которым она было уехала да через две недели вернулась. Всё думали, за ум возьмется. Ага, как же! Другого ухажера подцепила и назло всем закрутила с ним любовь, потом третьего... А потом Леонтий подвернулся — молодой, глупый. Окрутили его Варька с ее матерью, башку задурили и женили простачка... И еще всякое шептали.

Так и жили молодые супруги — каждый сам по себе. Он дневал и ночевал на работе. Она собиралась и тоже уходила. Леонтий вернется домой, а ее нет. Появится, молчком сунется на кровать и не шевелится, а начни говорить — будто не слышит. И лаской пытался образумить, и смертным боем бил, а Варвара отлежится — и снова в молчанку играет. Потом Леонтия на войну забрали. Ни слезинки не проронила, когда провожала. Всё смотрела на него, за руки хватала и старалась в глаза заглянуть, но молчала. Он буркнул, что прощает все ее грехи, но больше к ней не вернется, потом уселся на подводу и ни разу не оглянулся, пока деревня не скрылась из виду.

А сейчас приехал — и для чего?..

Леонтий помедлил, взглянул на соседа, выпил, отмахнулся от закуски и, уткнувшись носом в пропахшую потом гимнастерку, сгорбился на ступеньке.

— Устал я, Агафон, — сказал он. — И раньше была жизнь через пень-колоду, и сейчас вернулся, не знаю зачем. Сижу, а в избу не захожу. Словно не моя она, а чужая. Как будто мимо шел, присел немного отдохнуть и сейчас дальше отправлюсь. Видать, вся наша жизнь — это дорога. Только у кого-то она гладкая, а у меня — вся в колдобинах...

— Знаешь, Ленька, у каждого в жизни колдобин хватает, — перебил Агафон. — Не успеваешь перепрыгивать и обходить. И люди не станут разбираться, кто или что тебя толкнуло в грязь, а тут же начнут судачить. Вот помочь отмыться и под-

---

собрать встать на ноги согласится не каждый, потому что всегда легче осудить, чем протянуть руку.

Они сидели и молчали. Изредка курили, а еще реже наливали самогонку и выпивали. Потом Агафон поднялся.

— Ну, бывай, — сказал он. — Подумай над моими словами, а я пошел. Умотался сегодня. На ходу засыпаю. — И громко, протяжно зевнул.

Направился к калитке, но потом обернулся.

— Слышь, а что про Варьку-то не спрашиваешь? Все-таки жена...

Леонтий пожал плечами.

— А зачем? — сказал он. — У Варьки своя жизнь, а у меня...

И махнул рукой.

— Уехала она, — зевая, сказал Агафон. — Немного не застал. Дня два как уехала, а куда — не знаю.

И ушел.

Леонтий невольно оглянулся на дверь. Уехала... Кажется, на душе стало легче, но в то же время навалилась усталость. Он боялся этой встречи, но в душе хотел увидеть ее, свою жену. Посмотреть, какой она стала за эти годы. Хотя какие годы, если его в середине войны забрали... Такая же осталась, как раньше. С ним холодная, словно ледышка, зато с другими была горяча, как шептались в деревне. Леонтий ушел на фронт и ей руки развязал: делай что хочешь...

Он чертыхнулся. Хватит о ней думать и себя накручивать!

Долго поднимался, схватившись за шаткие перила. Придерживаясь за стену, допрыгал до двери. Она не заперта: зачем, если нечего воровать. Толкнул — заскрипела и распахнулась. Уже в сенях до боли знакомые запахи. На ощупь нашел в темноте дверь в избу, дернул. Не получилось переступить порог. Опустился на щелястый пол, на карачках пробрался внутрь. Прислонился к печке. Холодная, а всё равно пахло хлебом и дымом. В животе заурчало. Леонтий уже забыл, когда в последний раз ел, да и желания раньше не было: покурил, водички попил — и хватит.

Заполз в горницу и опять прислонился к стене. Стена обшарпанная, давно не мазанная и не беленная. Взглянул по сторонам — и закашлялся, задохнулся. Частенько ему на фронте и потом в госпитале ночами снилось, как он сидит за столом, а на столе чугунок с картохой, рядом капуста лежит и полная чашка соленых рыжиков, а здесь груздочки выглядывают, а в другой чашке судак и щука соленые — сам на зиму заготавливал. Каждый год опускал в погреб по два-три бочонка с рыбой, потом всю зиму питались. С картошкой, с соленьями, а если еще под стакашок... И, как ни странно,

---

Варвара снилась. Иной раз Леонтий чертыхался, а бывало, тоска накатывала, да такая, что хоть волком вой или об стену головой бейся!

И всегда была какая-то недосказанность в этих снах. Варвара стоит перед ним и смотрит, словно в душу заглядывает и выворачивает ее — эту душу, и вроде что-то хочет сказать. Потянется ему навстречу, а потом плечики поникнут, и стоит, сгорбившись. Леонтий руку начнет к ней протягивать, а рука неподъемная, с места не сдвинешь. Рванется к ней — и тут же просыпается, а потом весь день смурной ходит...

— Эй, хозяева! — С улицы донесся густой голос, и раздались медленные тяжелые шаги. — Что свои ноги разбросали по всему двору? Ни пройти, ни проехать.

Заскрипела дверь. Склонившись, протиснулся высокий мужик, аккуратно приставил протез к печке, а сам заглянул в горницу.

— Здорово, Ленька! — забасил он, подхватил Леонтия и принялся тискать. — Здорово, чертяка! Живой, ёшкин малахай, а мы уж тебя тыщу раз похоронили! Значит, будешь жить вечно... — И опять тискает.

— Пусти, Панкрат! — захрипел Леонтий, стараясь вырваться из цепких рук. — Все ребра переломал, ирод!

— А мне Агафон говорит, ты вернулся, а я не верю. Сам знаешь, какой он болтун, — продолжал басить мужик. — С того света не возвращаются. Ага, ёшкин малахай... Думал, он лишку выпил. Присмотрелся — вроде трезвый, и по глазам видно, не врет, зараза. Ну, я у своей бабы пузырек забрал ради такого случая, немного снеди прихватил — думаю, ты же голодный вернулся — и сюда подался. Гляжу: точно, возле крыльца нога валяется. Не обманул Афонька! Аж дух занялся, так обрадовался. Ведь тебя же давным-давно схоронили, ёшкин малахай. Одна твоя Варька не верила, что ты погиб. Всё ждала...

И Панкрат опять полез обниматься. Потом дотащил Леонтия до стола и посадил на шаткую табуретку.

— Здесь чуток посветлее будет, — сказал он, вытащил из кармана бутылку, заткнутую бумажной пробкой, положил на стол большой сверток и метнулся на кухню. Загремел чем-то, захлопали дверцы, и Панкрат опять вернулся. — Вот, разыскал, — сказал он, поставил стаканы и разлил выпивку. Потом развернул сверток и придвинул к Леонтию. — Это для тебя, ёшкин малахай. Давай-ка опрокинем по стопке, и принимайся за еду. Истошал, кожа да кости остались! Ну, ничего, были бы кости, а мясо нарастет. Откормит тебя Варвара, поставит на ноги...

И запнулся, исподлобья взглянув на Леонтия. Тот промолчал, лишь сильнее нахмурился.

— Ну, «провались земля и небо, мы на кочках проживем», как мой батяня говорил. Давай-ка опрокинем за приезд, — сказал Панкрат, медленно выпил и затряс головой. — Ух, зараза, аж слезу вышибает! — И тут же ткнул пальцем: — Ты покушай, Ленька, покушай. Оголодал, пока добрался. Правда, мало разносолов. Голодно в деревне, но ничего, не помрем — привыкшие.

Леонтий взял со стола маленького жареного окунька и принялся его грызть, обгладывая и обсасывая каждую косточку. У, вкусно-то как! Всякую рыбу пробовал, а своя намного вкуснее. Родная, можно сказать.

— Давай еще по стопке опрокинем, — подтолкнул Панкрат. — Ну и что, что темно? Мимо рта не пронесешь!

И снова закряхтел, закашлялся. Потом закурил, и огонек выхватывал из тьмы уставшее лицо, заросшее щетиной, и пальцы с обгрызанными ногтями.

— Ну, рассказывай, почему задержался, — наблюдая за Леонтием, сказал сосед. — Афонька говорил, что в госпитале валялся. А почему не писал домой? Всё обиду держишь на Варвару, да?

— А тебе какое дело? — не стерпев, рявкнул Леонтий и бросил рыбью голову на стол. — Что лезете в душу? Один зашел, взялся учить, сейчас ты нос суешь... В своих семьях разбирайтесь, а ко мне не приставайте, не то враз отлуп получите. Ишь, защитнички выискались!

Не удержался, схватился за бутылку, налил в стакан, выпил и замолчал, поглядывая в темное окно.

— Дурак, — спокойно, даже неторопливо пробасил Панкрат и повторил: — Дурак! Развыступался, ёшкин малахай! Сам виноват. Поменьше бы других слушал, а побольше бы Варькой интересовался. Внимание уделял, так сказать. Глядишь, жили бы как люди. Ладно, потом поговорим... Лучше скажи, как в госпиталь попал, почему похоронку прислали?

— Как обычно попадают — ранили, — буркнул Леонтий. — Осколком зацепило. Гангрена началась. Если бы сразу отрезали ногу, давно бы приехал, а они «спасали». И на кой черт она нужна такая? — Он хлопнул по обрубку, поморщился — больно. — Это же не мужик, с такой култышкой, тем более в деревне: ни копать, ни пахать. Молодой еще, жить да жить, но уже стал обузой. Ай, да пропади всё...

Махнул рукой и отвернулся.

— Какая обуза, если всего полноги не хватает? — хохотнул Панкрат. — Вон возьми нашего Николая Дронова. Ну, у ко-

---

того дома возле речки. Да ты знаешь его, ёшкин малахай! У него три култышки и рука крючком, а он живет да еще умудрился ребятёнка сделать. И баба его рада-радехонька, пылинки с него сдувает. А ты: обуза, обуза... Кому — Варьке, что ли, обуза? Да ну, скажешь тоже...

— Что ты заладил: Варька, Варька... — взъярился Леонтий и крепко хлопнул ладонью по столу. — У нее своя жизнь, а у меня своя. Понял? Я вообще не хотел возвращаться. Никто не ждет меня. Некому ждать.

— Дурак, ох дурак! — покачивая головой, сказал Панкрат и поднялся. — Ладно, я пойду, пока не разругались. Вижу, разговор не получается. Отсыпайся с дороги. Скажу своей бабе, чтобы завтра к тебе заглянула. Чем-нибудь поможем. — Постоял, помолчал, потом все-таки сказал: — А Варька твоя, чтобы ты знал, за десятерых ломила в войну, когда всех мужиков на фронт забрали. Всех баб поддерживала, с любой бедой к ней бежали, а она помогала. Последний кусок ребятишкам-сиротам отдавала, а сейчас поехала... — Он запнулся, а потом махнул рукой: — Смотришь далеко, а под носом ни шиша не видишь. Эх ты, горе луковое...

И ушел, хлопнув дверью.

Леонтий долго сидел за столом. Темно за окном, а в избе еще темнее. Руку протяни — и не увидишь. Курил. Вспыхивал огонек, выхватывая из темноты край стола, или отражался в мутном стекле. Леонтий потушит окурок, вытрусит в кيسет и снова сидит. Обо всем думал. Мелькали перед ним обрывки прошлой жизни. Одни исчезали, другие складывались в какую-нибудь картинку. То война вспоминалась, то довоенное. Вот отец мелькнул, давно уж его нет в живых. Надо бы на могилки сходить к родителям, да и деда с бабкой проведать. Всех родных Леонтий схоронил. Один был у матери с отцом. Мать он помнил плохо: какой-то смутный образ, запахи больницы... А потом она померла. Леонтия воспитывал отец. Да как воспитывал, если его дома-то не было, всё на работе пропадал? Вернется, повозится по хозяйству, что-нибудь перекусит и спать заваливается... Однажды по весне отец стоял на обрыве, смотрел, как вода прибывает, а край обрыва обвалился и ушел под воду. Отца нашли в топляках, когда вода на спад пошла.

Пришлось Леонтию самому заниматься хозяйством. Не до учебы стало, рано пошел работать, а подошло время — женился, но жизнь как-то не сложилась. Конечно, Леонтий и себя за это корил, но Варвару — больше: мол, люди зря не будут говорить, дыма без огня не бывает. С другой стороны, может, со всем бы они справились, если бы он, мужик, ей

плечо подставил. А он, получается, оставил ее одну со всеми бедами-напастями: мол, разбирайся как знаешь... Вспомнил он, как они с Варварой познакомились, как гуляли, о чем разговаривали... Что ни говори, а с ней было интересно! И смеялась она так, что и не захочешь, а следом за ней зальешься. А уж как взглянет..

Леонтий чертыхнулся: все-то она в башку лезет! Неуклюже поднялся. Придерживаясь за стену, допрыгал до кровати в углу. Скинул гимнастерку и повалился на матрац. Покрутился, устраиваясь на подушке, — и от нее Варварой пахло, как показалось. Хотел сбросить подушку на пол, а потом обнял покрывало и уснул, словно провалился. Всё, он дома...

Едва рассвело, Леонтий уже был на ногах, если можно так сказать. Сунул свой обрубок в протез, захлестнул ремнями, вышел во двор, постоял, поглядывая по сторонам, потом взял ведро и как был в нательной рубахе, так и направился к колодцу: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

— Ой, гляньте-ка, Леонтий воскрес из мертвых! — протяжно, с ехидцей, заголосила толстая баба, стоявшая возле колодца. — Прикатил, а его раскрасавица умызнула. Видать, поехала нового хахалю искать...

— Дура ты, Глашка! Что языком-то поганым мелешь? — всплеснула руками старушонка в широкой юбке до земли, в кацавейке и теплом платке. — Не знаешь — не болтай! Здравствуйте вам, Леонтий Матвеич! — Она склонила голову. — Вот радость-то, живым вернулись! А Глашку не слушайте. Завистливая баба.

— А чему завидовать-то? — уперев руки в бока, возмутилась Глафира. — Что у него баба гулящая или что он безногим воротился? Хе-хе, вот радость-то! И Варька не баба, и он не мужик. Так, две половинки... — И поджала тонкие губы.

— Стыда у тебя нет! — покачивая головой, протяжно сказала старуха. — Не слушай ее, Леонтий Матвеич! Твоя Варька — золото, а не баба.

— Золото для других? — буркнул Леонтий, подхватил ведро и медленно направился к дому: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

— О, баб Дуся, слышала? Сам Ленька сказал, что его Варька еще та гулена! Всех мужиков перебрала, огни и воды прошла, шалава подзаборная, — опять зачастила Глафира. — Горбатого могила исправит. Так и ее...

— Да замолчи уже! — сердито прошамкала старуха. — Сама не живешь и другим не даешь. Распустили сплетни на пустом месте, ославили девку на всю деревню... Вот погоди, скажу твоему мужику, пусть он тебя прочит!

— Тоже мне напугала — мужик! Да я сама его... — начала было Глашка — и ойкнула, когда рядом с ней вдруг загудел тягучий бас. — Коленька, я же пошутила... Конечно, ты настоящий мужик... А-а-а!..

— Правильно, Коля, так ее, заразу! — донеслось от колодца. — Приструни немного, чтобы почем зря языком не молочила.

Во дворе Леонтий скинул исподнюю рубаху и принялся мыться холодной водой. Охал, фыркал, намываясь. Потом вытерся утиркой, висевшей на крыльце, подхватил рубаху и зашел в избу.

Усевшись за стол, сразу налил в стакан, выпил. Закряхтел, замотал головой: ух, крепка самогонка! Потом схватил окунька и принялся грызть. Достал из свертка, что оставил Панкрат, две небольшие картошки. Очистил одну: внутри почерневшая. Все равно откусил и зажмурился. Опять налил и выпил. Закурил. Стал осматриваться.

Впотьмах-то накануне родную избу не разглядел. Всё такое знакомое, но в то же время чужое. Как он вчера сказал соседу, «будто я мимо проходил и просто присел отдохнуть». Так и сейчас было, но уже как будто немного отступило и притупилось... Стол, табуретки, кровать в углу, над ней простенький коврик. Рядом сундук, а в нём, как он помнил, его костюм, рубахи и ботинки, Варькины платья и прочие тряпки. Возле окна этажерка, на ней две-три книжки, огрызок карандаша, шкатулка — всё нажитое богатство. А в углу икона виднеется. Это Варвара с собой принесла, когда они с Леонтием поженились. Странно, если насовсем уехала, почему ее не забрала? Леонтий сдвинул брови. Знал, что жена дорожила этой иконой, которая ей будто бы еще от бабки досталась. Икона здесь, а Варвары нет, и куда укатила — непонятно, все молчат...

Леонтий поднялся. Придерживаясь за стены, вышел во двор. Распахнул дверь в сарайшку. Тишина. Раньше, хоть и жили сами по себе, а здесь и свинка была, даже не одна, и кур десятка два, и гуси ходили, и козу держали. И за всем этим хозяйством Варвара присматривала... Тьфу ты! О чем бы ни подумал, все думки неминуемо к Варьке сходятся!

Огляделся в полутьме. Скрип-шлеп, скрип-шлеп. Подошел к закрытой двери, звякнул щеколдой — открыл. Остановился на пороге. Здесь он столярничал. Верстак в углу, на нём лежит весь инструмент, на стенке пилы, угольники да линейки. Он постоял, рассматривая. Каждая вещь на своем месте, как он привык держать. Наверное, Варвара позаботилась... Вот чёрт, опять! Грохнул дверь и направился в избу: скрип-шлеп, скрип-шлеп.

— Хозяин, бывай здоров! — На крыльце стояла соседка с ведром и узелком. — С прибытием, Лень! Мы так рады, что ты вернулся живой, так рады! Я всю ночьеньку глаз не сомкнула, всё про тебя думала да про Варвару...

— Нечего думать, — буркнул Леонтий и стал медленно подниматься по ступеням. — Не успел появиться, а уже всю плешь прогрызли. И ты будь здорова, Анюта! Что тебя нелегкая принесла?

— Панкрат прислал. — Она кивнула на ведро. — Чуток картошки положила. Плохо уродилась в этот раз, да и сажать было нечего. Вот здесь еще грибы. А Панкрат выделил для тебя самосад и газетку сунул на всякий случай. Мало ли что... — Она помялась, хотела что-то сказать, а потом махнула рукой, всё оставила и пошла со двора. — Сами разберетесь, не малые дети.

Чему-чему, а табаку Леонтий обрадовался. Лучше без куска хлеба остаться, чем без курева! Проголодаешься — можно потерпеть дня два и даже три, а вот без табака сразу беда. Весь изведешься, всю траву да листья искуришь или изжухнешь, но все равно тянет смолить — спасу нет. Он сразу подхватил узелок и ведро да быстрее подался в избу.

К вечеру снова нагрянули гости. А потом люди и вовсе потянулись друг за дружкой. По деревне быстро разошелся слух, что считавшийся погибшим Леонтий Шаргунов вернулся — без ноги, но живым. Несмотря на голодные времена, каждый старался прихватить гостинчик. К Леонтию заглядывали все: соседи, ребята, деревенские бабы и молодые девчонки. И вдовы заходили — спросить, не встречался ли он где-нибудь на фронте с их мужьями... Спрашивали, а сами плакали.

Плакали все, кто приходил, бывало, даже мужчины не сдерживали слёз.

Мужики приносили бутылку, рассаживались возле стола, а то и на подоконнике, если места было маловато, выпивали и подолгу разговаривали. Все разговоры в конце концов сводились к войне. Каждый старался выложить что-нибудь свое, наболевшее: или про себя, или про друзей, с кем рядом воевал. Этот вернулся, тот погиб, а тем повезло — в госпиталь угодил. Повезло, потому что в живых остались, а что теперь без руки или без ноги — это мелочи. Дома их готовы ждать сколько угодно и примут любых: здоровых, контуженных, безруких и безногих, слепых и глухих... Лишь бы вернулись.

— Вот я помню, наш полк вырвался вперед, — рассказывал невысокий тощий мужичок. — Ушли мы далеко от своих — и нас взяли в кольцо. Боеприпасы закончились. И как приня-

---

лись фашисты садить в нас без передышки, зная, что никуда не вырвемся! Трое суток мы пролежали в болотах, головы не могли поднять — такой огонь вели по нам фрицы. Чтобы от него укрыться, мы выкладывали перед собой тела погибших товарищей. Они, мертвые, спасали нас, живых. А через трое суток наши подоспели. Вот только от полка осталась всего одна рота. Так-то, братцы... Мне ночами снятся ребята, что там погибли. Приходят. Разговариваю с ними...

Он замолчал, уткнувшись взглядом в пол.

— Давайте, мужики, выпьем, — сказал кто-то.

Все выпили.

— А мы готовились к атаке. «Катюши» как врезали по немцам — ужас, что творилось! — заговорил крепкий мужик в расстегнутой до пупа рубашке. — Как дали, аж земля горела! Потом пошли мы, танки. И только двинулись в атаку, как из огня навстречу нам выскакивает фашист! Прямо вот так, передо мной. Гляжу, а у него вся башка седая и глаза белые-белые, даже зрачков не видно! Видать, рассудка лишился после наших «катюш». Никого не замечает и бежит прямо на мой танк. А я куда отверну, если рядом со мной другие идут? По нему прошли... Эх, война сволочная!..

И тоже смолк, уставившись куда-то в окно.

— Помню, заскочил я в один дом, когда Берлин брали, — медленно заговорил еще один мужик, потирая щетинистое лицо. — Слышу, кто-то возится в комнате. Забегаю туда, а там офицер-эсэсовец в гражданскую одежду переодевается. Видать, сбежать хотел. Меня увидел, пистолет выхватил и выстрелил мне в лицо. Промахнулся, мне только висок обожгло. Я его из автомата снял. Дурак он: нужно было в грудь стрелять, тогда бы попал. А он — в лицо из пистолета! Кто же так стреляет?

Сказал и пожал плечами, словно не в него палили и не его могли убить.

— Давайте, мужики, выпьем за всех, кто не вернулся домой, — предложил кто-то за столом. — За всех, кого до сих пор ждут, и будут ждать...

Выпили. Потом потянулись на улицу, на перекур. И на крыльце опять долгие разговоры. Вспоминали войну, тут же переходили на деревенскую жизнь и начинали что-нибудь обсуждать, спорить, а иногда и ссориться. Тогда вмешивались жены и наводили порядок: одних ругали, других уговаривали, третьих просто уводили домой.

Прошло несколько дней, и на пороге появился председатель, Роман Тимофеевич. Зашел, осмотрелся. Нахмурился, увидев замызганные полы, мусор в углах, пепел на столе и

подоконниках, разбросанные повсюду свертки, узелки и узелочки. В доме стоял стойкий запах махорки.

Леонтий сидел за столом — небритый, опухший и уже навеселе.

— Здорово, солдат! — Председатель подошел к столу, громыхнул табуреткой и присел напротив Леонтия. Покрутил в руках заляпанный стакан, чуточку налил в него и выпил. — За приезд, за твое воскрешение из мертвых!

— А, здрасте вам. — Леонтий пьяно качнул головой. — Как живете-можете? — И потянулся за бутылкой.

— Вашими молитвами. — Председатель перехватил бутылку и отставил подальше. — Не надоело в рюмку заглядывать?

— А что? — с гонором сказал Леонтий. — Имею право! Я домой вернулся. Вот гуляю...

Он обвел рукой стол.

— И долго еще собираешься гулять? — прищурился Роман Тимофеевич.

— Сколько хочу, столько гуляю. Вам-то какое дело? — повысил голос Леонтий. И заухмылялся: — Я человек списанный, к жизни и труду непригодный. Калека безногий. Вся моя жизнь коту под хвост. Ясно вам?

— А, ну да, ну да! — закивал председатель. — Это проще всего — себя жалеть. Мол, больной, хромой, жизнью обиженный... И самогоном себя глушить — так сказать, горе заливать.

— Я войну видел! — Леонтий ударил кулаком по столу. — А ты, Тимофеич, дальше райцентра не выезжал. И не тебе меня совестить, понятно?

— А я каждый день смотрел в глаза детишек, которых к нам привозили в эвакуацию! — тоже повысил голос председатель. — У нас в деревне всю войну детдом стоял, только потом его в город перевели. Ты знаешь, каково это, когда голодные дети смотрят на тебя и молчат? Страшно и больно... Твоя Варвара этих ребятишек выхаживала. В тень превратилась, потому что у самой маковой росинки во рту не было, всё им отдавала. И если бы не она...

— Да что вы лезете ко мне с этой Варькой? — вспыхнул Леонтий и смахнул со стола пустую бутылку. Та, звякнув, покатила по грязному полу. — Нашли икону! У меня своя жизнь...

— Знаешь, Ленька, я тебе раньше сочувствовал, — помолчав, сказал Роман Тимофеевич. — Ты рано без родителей остался, совсем еще мальчишкой пошел работать, чтобы себя прокормить. Потом, как женился, поползли эти слухи про

Варвару... Я думал, надо же, как не везет человеку, жалел тебя. А теперь понял: ты просто дальше своего носа не видел и не хотел видеть. Тебе так было удобно. Наслушался бабьих пересудов, отвернулся от жены и успокоился. А ты бы своей башкой подумал, сколько Варваре пришлось вынести, через что она прошла! Ты помочь ей должен был, защитить. А ты бросил ее одну...

Председатель вздохнул. Хотел было налить себе в стакан, но передумал и поставил бутылку обратно.

— Я бросил?! — вскинулся Леонтий. — Я вернулся — и где же она, моя разлюбезная, а? Никто не знает, а кто знает — посмеиваются. Говорят, к хахалю подалась...

— Дурак! — оборвал его председатель. — В город твоя Варька поехала, в детдом. Прикажешь на каждом перекрестке об этом кричать? Хочет она взять мальчонку-сироту. Мы с бумагами помогли. А что тебя никто не спросил, так ведь ты погибшим числился, столько лет не подавал о себе вестей... — И добавил: — Радуйся, сын у тебя будет! Еще один мужик в доме появится, помощник вырастет. Мальчонка — вылитый ты. Варвара как его увидела, так сразу к нему сердцем и потянулась.

— Сын... — Леонтий запнулся и в растерянности закрутил башкой. — Так ведь... А как жить-то будем? Я же безногий...

Сказал и поник.

— А руки и голова у тебя на что? — усмехнулся Роман Тимофеевич. — Чем собираешься заниматься? Так и будешь у бутылки дно искать или все-таки возьмешься за ум? Не для того Варвара мальчонку привезет, чтобы он смотрел, как отец лодыря гоняет и спивается.

— Да куда я со своей культей пойду? — Леонтий стукнул по ноге. — Ни копать, ни пахать...

— Кто тебя заставляет пахать? — пожал плечами председатель. — Ты же неплохой столяр и плотник. До войны любо-дорого было смотреть на твою работу. И двери делал, и окна, да много чего... Вот и займись. Мастерскую выделю, инструментами и материалом обеспечу. Помощников подберешь сам. Работы — непочатый край: нужно старое восстанавливать, новое строить... Сына в подручные возьмешь, пусть растет при деле, учится мастерству. Ну как, согласен?

Леонтий растерялся от неожиданного предложения. Он уже привык считать себя ни на что не годным, обузой для других, а тут вдруг... Вспомнил, как в первый день после возвращения зашел в свою мастерскую, как задрожали руки, прикоснувшись к инструментам... Соскучился!

— Можно взяться, — степенно сказал он. — От работы я никогда не бегал. Приучиться бы только с одной ногой управлять...

— Вот и ладушки, — перебил Роман Тимофеевич и встал. — Договорились. Я распоряжусь, чтобы подготовили мастерские и прочее. А тебе даю еще три дня на уборку в избе... — Он обвел взглядом горницу. — И в семье порядок наведи. Нужно жить своей головой, а не верить чужим сплетням. Понял? Вот так!

Надвинув на глаза фуражку, председатель пошел к выходу. На пороге оглянулся, постоял, глядя на Леонтия, как будто прикидывал, можно на того надеяться или нет. Потом погрозил пальцем и вышел.

Леонтий еще посидел за столом. Хотел выпить, но подумал и отставил бутылку в сторону. Посмотрел по сторонам: везде грязь, мусор, окурки... А запах!.. Поморщился и торопливо взялся за уборку. Думал о Варваре, о сыне, который скоро приедет, и удивленно качал головой.

Смеркалось, когда дверь распахнулась и на пороге появился Агафон. Он хохотнул, увидев, как Леонтий елозит по полу в исподнем белье и косырем скоблит грязные половицы.

— Эй, Ленька, ты что это делаешь? — Сосед прислонился к косяку. — Полы драить — это же бабья работа! Хватит, поднимайся. Посидим, покурим, поболтаем. Столько не виделись...

— Некогда рассиживаться, — буркнул запыхавшийся Леонтий. — Иди отсюда, не стой над душой! Мешаешь. Хватит, отметили приезд. Пора делом заняться.

И опять взялся за косырь.

Агафон потоптался, что-то бормоча себе под нос. Собрался закурить, достал кисет, потом взглянул на чистый пол и молчком вышел.

Чуть погода снова стукнули в дверь. Ввалился крепкий старик, держа в руке небольшой кукан с мелочевкой.

— Ленька, я рыбку принес! — забасил он и в грязных опорах прошлепал к столу. Положил на него рыбу и прищурился: — А ты чего на карачках ползаешь? Перебрал, что ли?

— Ну, дед Тимоха! Я тут полы скоблю, а ты в грязной обуви шляешься! — не удержался, рыкнул Леонтий и вытер вспотевшее лицо. — Вон, аж мокрый весь... Спасибо за гостинец.

— Ну ладно, не стану мешать. — Дед Тимоха направился к двери. — Не ругайся. Рыбку определи, чтобы не испортилась. Наловлю — еще принесу.

Леонтий не ответил, всё скобил полы. Доски зажелтели. Намочит их — сразу смоляным духом тянет. Опять берется за

косырь и начинает скоблить. Немного продерет, смывает водой — и опять запах смоляной...

Наконец закончил. Чувствуя усталость, устроился на крыльце с кисетом. Над деревней висели густые сумерки. Дорога терялась в них, но Леонтий все равно смотрел вдаль, дымил самокруткой и ждал. Вдруг они приедут уже сегодня — Варвара и мальчик. Какими словами их встретить? «Здорово, малой, я твой папка. Здравствуй, Варя. Мне Тимофеич всё рассказал...» Так, что ли?

Задергалась щека, следом затряслась голова. Он схватился рукой, словно старался удержать. Врачи говорили, что это нервное, со временем пройдет...

Леонтий представил лицо жены. Вспомнил, как она смотрела в тот день, когда его забирали на войну, словно хотела что-то сказать или спросить, но не решалась... Вспомнил слова председателя, что нужно жить своей головой. И вдруг успокоился. Здесь его дом, и теперь у него по-настоящему есть семья. Война и мытарства по госпиталям остались позади. Можно начинать жить заново. Они с Варварой и сами не пропадут, и сына на ноги поставят. Ничего, что он, Леонтий, без ноги. К этому можно приспособиться. Главное, что живой.

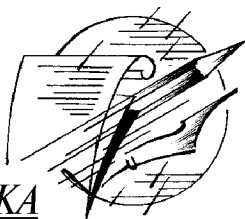
Он сидел, курил, вглядываясь в дорогу, по которой к нему должна была прийти новая жизнь, готовый встать и шагнуть ей навстречу. Может, они приедут завтра, а не сегодня. Путь-то из города не близкий... Ну и ладно: ведь Леонтий больше никуда отсюда не денется. Он теперь всегда будет с ними. Он вернулся.

г. Салават, Башкортостан

КТО ПРИВЁЛ К ВЛАСТИ ГИТЛЕРА

Как писал бывший посол СССР в Англии академик И. М. Майский «на следующих страницах я расскажу подлинную правду о том, что действительно происходило в отношениях СССР с Англией, Францией и Германией весной и летом 1939 года. У меня есть особые преимущества для выполнения такой задачи. С одной стороны, как советский посол в Лондоне в те дни я был свидетелем и участником тройных переговоров 1939 года между СССР, Англией и Францией, с другой — как историк в послевоенный период я имел возможность изучить всю литературу (документы, мемуары, монографии и т.д.) о кануне Второй мировой войны, которая была опубликована после ее окончания. Однако для того, чтобы правда, которую я расскажу, была настоящей правдой, я должен начать свое изложение не с 1939 года, а со значительно более ранней даты. Эта дата, естественно, определяется той гранью, которая является водоразделом в эпохе между двумя войнами — приходом гитлеризма к власти в Германии».

И. М. Майский пересказывал, как перед его назначением послом в Англию в 1932 году нарком иностранных дел

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

СССР М. М. Литвинов давал ему директивы, указывая на то, что в связи с явными перспективами прихода в Германии к власти Гитлера, геополитическая ситуация изменится, и Советскому Союзу «надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией как ведущей державой капиталистической Европы. Правда, оба эти государства до сих пор относились к нам враждебно... Максим Максимович в подтверждение своей мысли некоторые важнейшие факты (руководящее участие Англии и Франции в интервенции 1918—1920 гг., ультиматум Керзона в 1923 году, разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 году и бешеные антисоветские кампании в 1930—1931 гг.)».

Представляет интерес воспоминание И. М. Майского о том, какова была реакция высшего общества Англии на него как советского посла: «8 ноября 1932 г. я вручил свои верительные грамоты английскому королю и, стало быть, юридически оформил свое положение как посла СССР в Великобритании. На следующий день мне пришлось уже в качестве советского представителя присутствовать на ежегодном банкете лорд-мэра лондонского Сити, устраиваемом по случаю его вступления в исполнение своих обязанностей. Этот банкет является чрезвычайно красивой церемонией средневекового стиля, на которую собираются 500—600 человек, представляющих подлинные «сливки» капиталистической Англии. <...> Пока гость идет, гремят аплодисменты ранее пришедших гостей в его честь. Доза аплодисментов варьируется в зависимости от положения и популярности гостя. Получается своеобразный плебисцит, и по количеству выпавших на долю гостя аплодисментов можно безошибочно судить об отношении к нему со стороны правящей Англии». И далее И. М. Майский вспоминал, как после бурных оваций японскому послу, когда «герольд возгласил: «Его превосходительство советский посол Иван Майский!», точно порыв ледяного ветра пронесся по залу. Всё смолкло. Я тронулся по красной дорожке. Ни звука! Ни одного хлопка!.. <...> Да, демонстрация чувств правящей Англии к Советскому Союзу была яркая и законченная!..»

И. М. Майский отмечал, что «в период между двумя мировыми войнами британский господствующий класс распался по вопросу отношения к СССР на две главные группировки. В одной преобладал принцип государственного интереса — эта группировка видела, что Англия и СССР как державы не имеют никаких серьезных противоречий, а в области экономической даже очень могут быть полезны друг другу. Данная группировка отстаивала политику сближения с

СССР. Среди ее видных представителей были такие люди, как Ллойд Джордж, Бивербрук, Иден, Вантисарт и др. После прихода Гитлера к власти к этой группировке присоединился и Черчилль. В другой группировке, напротив, преобладало слепое чувство классовой ненависти к СССР как стране социализма. Эта группировка считала необходимым при всяких условиях атаковать Советский Союз, даже в ущерб национальным интересам Англии как государства. Ее наиболее видными представителями были Керзон, братья Чемберлен — Остин и Невиль, Биркхед, Джойнсон Хикс, Саймон, Галифакс и др. До 1934 г. с этой группировкой шел и Черчилль. Каково было соотношение сил между этими двумя группировками? <...> В середине и второй половине 30-х годов расстановка сил внутри господствующего класса Великобритании (беря за одну скобку консерваторов и либералов) была примерно следующая: в консервативной партии — три четверти шли за Чемберленом и лишь около одной четверти стояли на позиции Черчилля; либералы делились между двумя группировками приблизительно пополам, однако в эти годы они уже явно шли к упадку и потеряли большую часть своего прежнего политического влияния. Отсюда ясно, что в рассматриваемый период чемберленцы в рядах господствующего класса играли решающую роль, особенно с учетом того, что в эпоху между двумя мировыми войнами они слишком долго стояли у власти и сумели заполнить своими сторонниками большую часть государственного аппарата».

Позднее, в своей знаменитой Фултонской речи, сэр Уинстон Черчилль говорил о том, что Второй мировой войны могло не быть, если бы именно его сторонники оказывали решающее влияние на политические процессы: «Когда в свое время я увидел приближающуюся опасность и обратился к своим согражданам и ко всему миру с призывом остановить ее, никто не прислушался к моим словам. А между тем вплоть до 1933 или даже до 1935 года Германию еще можно было спасти от ожидавшей ее страшной участи, и человечество избежало бы тех неисчислимых бед, которые обрушил на нее Гитлер. Во всей мировой истории не найти другого примера войны, которой можно было бы так же легко избежать, как недавней кровавой бойни, прошедшей опустошительной поступью по всей земле. Нужно было лишь своевременно принять необходимые меры, и, я уверен, Вторая мировая война была бы предотвращена, причем без единого выстрела, а Германия смогла бы стать процветающей, могущественной и всеми уважаемой страной. Однако никто не верил в надвигающуюся».

юся опасность, и постепенно, одна за другой, страны мира оказались втянутыми в чудовищный водоворот войны».

В своей фундаментальной труде «Вторая мировая война» Уинстон Черчилль подробно описывает этапы того, как Гитлер шел к власти. По его мнению, реальность XX столетия диктовала необходимость широкого международного сотрудничества: «В структуре и обычаях демократических государств, если только они не сольются в более крупные организации, отсутствуют те элементы устойчивости и убежденности, которые только и могут обеспечить безопасность простым людям. <...> Мы увидим абсолютную необходимость широких международных действий, постоянно совместно осуществляемых многими государствами, независимо от каких-либо перемен в их внутренней политике».

Однако первая попытка создания надгосударственного образования в XX веке оказалась обречена на провал. По мнению лорда Черчилля — из-за специфики внутренней политики США: «По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всём свете воцарится мир. <...> Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций овладела умами». Но «едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отреклись от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 года».

Черчилль писал о том, что нерешенные вопросы по итогам Первой мировой войны стали фундаментом, из которого выросла Вторая мировая война: «Территориальные статьи Версальского договора оставляли Германию фактически нетронутой. Она по-прежнему оставалась крупнейшим однородным национальным массивом в Европе. Маршал Фош, услышав о подписании Версальского мирного договора, удивительно верно сказал: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет».

«Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. <...> Германия заплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее в особенности. <...> Германия получила в виде займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, выплаченных

ею в той или иной форме путем передачи своих активов или валютных ресурсов в иностранных государствах или путем ловких манипуляций с колоссальными американскими займами». «До 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточивали свои усилия на том, чтобы помогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю. Поскольку эти платежи могли производиться лишь благодаря гораздо крупным американским займам, вся эта процедура сводилась к полнейшему абсурду. Единственным ее плодом было чувство вражды».

«Победители навязали немцам всё то, что было идеалом, к которому издавна стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени обязательной воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. Наконец, несмотря на то, что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, соответствовавшая всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императоров избраны были ничтожества».

«Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и иное оружие были уничтожены. Ее флот был уже потоплен в Скапа-Флоу самими немцами. По Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую 100 тысяч человек с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы. <...> Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию. Запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн. <...> Строгое соблюдение статей мирного договора о разоружении в любой период до 1934 года обеспечило бы на неограниченный срок без всякого насилия и кровопролития мир и безопасность человечества. Однако пока нарушения оставались мелкими, ими пренебрегали, когда же они стали серьезными, от этого начали уклоняться. Так была отброшена последняя гарантия длительного мира».

Однако, по мнению Черчилля, не учитывалось то, что «вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться. Ввиду этого на победителей ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего противника разоруженным». Он описывает этапы того, как восстанавливалась во-

---

енная мощь Германии: «Создателем ядра и структуры будущей германской армии был генерал фон Сект. Уже в 1921 году Сект был занят разработкой как тайных, так и явных планов создания большой германской армии и вел почтительные споры с Межсоюзнической военной контрольной комиссией по поводу различных своих мероприятий. <...> В Берлине под вывеской департаментов реконструкции, науки и культуры сосредоточились несколько тысяч штабных офицеров, переодетых в штатское, которые вместе со своими помощниками были поглощены тщательным обдумыванием прошлого и будущего». «В течение нескольких лет практиковалось в небольших масштабах краткосрочное обучение солдат неофициальным порядком. Солдат, проходивших такое обучение, называли «черными», то есть нелегальными. Начиная с 1925 года работа по подготовке «черных» была передана в ведение министерства рейхсвера и финансировалась из государственных средств. <...> Факт превышения сотысячного предела, установленного для германской армии, был официально признан только в апреле 1933 года, хотя ее численность уже давно превзошла эту цифру и продолжала неуклонно возрастать». Что касается военной промышленности, то «...был приведен в действие план, согласно которому все новые промышленные предприятия, а также многие из старых — тех, что были построены с помощью американских и английских займов, предоставленных на нужды восстановления, — с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство. Таким образом, в то время как победители полагались на имевшиеся в их распоряжении массы устаревшего вооружения, в Германии год за годом создавался огромный промышленный потенциал для производства новых видов вооружения».

Сэр Уинстон Черчилль обращает особое внимание на то, что «всё это время союзники располагали реальной возможностью и правом помешать всякому зримому или осязаемому перевооружению Германии. <...> По крайней мере, до 1934 года перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью».

Личности Гитлера Черчилль уделяет достаточно большое внимание в своей книге: «В октябре 1918 года, во время английской газовой атаки под Комином, один немецкий ефрейтор от хлора на время потерял зрение. Пока он лежал в госпитале в Померании, на Германию обрушились поражение и революция. <...> Когда он был выписан из госпиталя <...> конвульсии, вызываемые поражением, были ужасны. В окружавшей его атмосфере отчаяния и безумия ясно выступа-

---

ли очертания красной революции. <...> В сентябре 1919 года ефрейтор направился на митинг германской рабочей партии, проходивший в одной из мюнхенских пивных. Здесь он впервые услышал выступления против евреев, спекулянтов и «ноябрьских преступников», заведших Германию в пропасть, — выступления, совпадавшие с его собственными тайными убеждениями. 16 сентября он вступил в эту партию, а вскоре после этого взял на себя руководство партийной пропагандой. В феврале 1920 года в Мюнхене состоялся первый массовый митинг германской рабочей партии, на котором руководящую роль играл уже сам Адольф Гитлер, изложивший в 25 пунктах программу партии. Он стал теперь политическим деятелем и начал свою борьбу за спасение нации».

«Гитлер с самого начала дал ясно понять, что путь к власти лежит через агрессию и насилие против Веймарской республики, рожденной позором поражения. К ноябрю 1923 года фюрер имел вокруг себя группу решительных сторонников, среди которых наиболее видными были Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Люди действия, они решили, что наступил момент попытаться захватить власть в Баварии. <...> В апреле 1924 года Гитлера приговорили к четырем годам тюремного заключения. Срок заключения был сокращен до тринадцати месяцев. За эти месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, он успел в общих чертах закончить «Майн кампф» — трактат, излагавший его политическую философию». «Когда в конце 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать свое движение. <...> В 1928 году он располагал всего 12 мандатами в рейхстаге. В 1930 году эта цифра увеличилась до 107, а в 1932 до 230. К тому времени влияние и дисциплина национал-социалистской партии давали себя чувствовать уже во всем строе Германии; всякого рода запугивания, оскорбления и зверства в отношении евреев приобрели широчайшее распространение».

Черчилль утверждает, что Гитлера к власти привели совместно те политические силы, лидером которых он стал, и немецкие военные: «За фасадом республиканских правительств и демократических институтов, навязанных победителями и потому ассоциировавшихся с поражением, действительной политической силой в Германии был штаб рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. В лице маршала Гинденбурга он нашел символ своей власти и исполнителя своей воли. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени характер его стал портиться, а умственные способности ослабевать. Генералам давно уже было ясно, что

придется искать подходящего преемника престарелому маршалу». «После провала мюнхенского путча в 1923 году Гитлер провозгласил программу соблюдения строжайшей законности в рамках Веймарской республики. Однако в то же время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. Вначале очень малочисленные отряды СА, штурмовые отряды или коричневорубашечники с их небольшим дисциплинированным ядром СС достигли такой численности и силы, что деятельность их и потенциальная мощь стали внушать серьезную тревогу рейхсверу. <...> Руководители армии постепенно пришли к заключению, что влияние нацистской партии в стране столь сильно, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства. Гитлер со своей стороны понимал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера. Сделка была заключена, и руководители Германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост канцлера рейха». «30 января 1933 года Адольф Гитлер вступил на пост канцлера Германии». «21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме, близ гробницы Фридриха Великого, Гитлер открыл первый рейхстаг третьего рейха. В церкви сидели представители рейхсвера — символ непреходящей германской мощи — и старшие офицеры штурмовых и охранных отрядов. 24 марта большинство рейхстага, подавив или запугав всех противников, 441 голосом против 94 приняло решение о предоставлении канцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий сроком на четыре года». «Со дня своего прихода к власти он отдал приказ решительно развертывать по всей стране подготовку к войне — как в учебных лагерях, так и на предприятиях. <...> Он приказал германским представительством покинуть Конференцию по разоружению и Лигу наций».

Достаточно красочно Черчилль описывает то, как Гитлер расправился со своими внутренними противниками: «С приходом к власти Гитлера вскрылись глубокие расхождения между фюрером и многими из тех, кому он был обязан своим выдвижением. Штурмовые отряды, руководимые Ремом, всё в большей степени становились представителями более революционных элементов партии. <...> В январе 1933 года отряды СА насчитывали 400 тысяч человек. К весне 1934 года Рем завербовал и организовал около трех миллионов человек. <...> Мистическая иерархическая великая Германия, о которой мечтал Гитлер, и пролетарская республика народной

армии, к которой стремился Рем, были разделены непроходимой пропастью. <...> По словам Геббельса, адъютант Рема Карл Эрнст получил приказ попытаться организовать восстание. <...> Получив это сообщение, неизвестно — правдивое или ложное, Гитлер немедленно принял решение. Он приказал Герингу овладеть ситуацией в Берлине. Сам же вылетел в Мюнхен, намереваясь лично арестовать своих главных противников». Ему это удалось. «По прибытии в Мюнхен Рем и его приближенные были посажены в ту самую тюрьму, в которой он и Гитлер десять лет назад вместе отбывали заключение. Днем начались казни. <...> Общее число ликвидированных лиц оценивается различно — от пяти до семи тысяч. <...> В эту ночь «длинных ножей», как стали ее называть, было сохранено единство национал-социалистической Германии, явившейся впоследствии бичом для всего человечества. Эта резня <...> показала, что новый хозяин Германии не остановится ни перед чем и что обстановка в Германии лишает ее всякого сходства с цивилизованным государством». «В разгар всех этих событий и тревог скончался престарелый фельдмаршал Гинденбург, который совсем уже одряхдел за последние месяцы, а поэтому более чем когда-либо превратился в орудие в руках рейхсвера. Гитлер стал главой германского государства, сохранив пост канцлера. Он стал теперь властелином Германии».

В то же время академик И. М. Майский в своей книге показывает английские основания возвышения Гитлера: «...чемберленовцы выдвинули новый план для парирования германской угрозы, который в то время именовался «концепцией западной безопасности». Если в 1934 году правящие круги Англии всех толков и течений склонялись к возрождению Антанты эпохи Первой мировой войны и видели именно в ней гарантию сохранения Британской империи, то теперь, в 1935 году, среди правящих кругов Англии стало всё явственнее обнаруживаться расслоение между сторонниками «государственного интереса» и сторонниками «классовой ненависти». Первые по-прежнему стремились к возрождению Англии и, стало быть, к сближению между Англией и СССР. Вторые всё больше увлеклись игрой на другую лошадь. Они рассуждали примерно так: «Для Британской империи опасны и гитлеровская Германия и Советская Россия: надо столкнуть их между собой (тем более что фашисты и коммунисты ненавидят друг друга), а самим остаться в стороне; когда Германия и СССР хорошенько пустят друг другу кровь и в результате войны сильно ослабнут, настанет момент для выступления на сцену «запада», прежде всего Анг-

---

лии, — тогда «запад» продиктует Германии и СССР такой мир, который на долгое время, если не навсегда, обеспечит безопасность Британской империи и, возможно, ее мировую гегемонию». Из этой концепции естественно вытекали борьба против сближения между Лондоном и Москвой, а также всяческое поощрение Гитлера к развязыванию войны на востоке».

И.М. Майский приводит слова Черчилля, который в частной беседе, критикуя данную позицию, указал на следующее: «Эти люди рассуждают так: всё равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения, — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии. Однако я твердо убежден, что победа в конечном итоге останется не за сторонниками «западной безопасности», а за теми людьми, которые подобно мне или Ванситарту считают, что мир неделим и что Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований».

И.М. Майский приводит конкретные примеры попустительства этих оппонентов Черчилля в правительстве Англии, приводившие к усилению Гитлера. Один из наиболее ярких — «англо-германское морское соглашение, подписанное в июне 1935 года. Как известно, Версальский договор устанавливал очень жесткие ограничения для морских вооружений Германии. В феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал все военные статьи этого договора и приступил к гонке немецких вооружений на суше и на море. Конференция в Стресе осудила (хотя и в мягкой форме) названные действия «фюрера». И вот теперь, всего через два месяца после Стрезы, Англия официально признала право Германии на морские вооружения, далеко выходящее за версальские рамки! <...> Официозные комментарии не оставляли сомнений в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР. Дорога для гитлеровской гонки вооружений была не только открыта, но даже юридически узаконена».

«Когда 7 марта 1936 г. Гитлер объявил о разрыве Локарнского договора и реокупировал Рейнскую область и когда СССР предлагал принять решительные меры против этого нового акта агрессии, Англия и Франция при поддержке США ограничились лишь словесными протестами, которые оказывали на Гитлера такой же эффект, как слова крыловского повара на кота Ваську. А между тем, как позднее стало известно, гитлеровские генералы, вступая в Рейнскую область, имели в кармане предписание немедленно ретироваться, если французы окажут им какое-либо сопротивление».

Невиля Чемберлена, английского политика, оказавшего наибольшую поддержку развитию режима Гитлера, как своими действиями, так и бездействием, Майский характеризовал, забывая о том, что как дипломат, он должен был бы более подбирать слова: «Невиль Чемберлен был, несомненно, самой зловещей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловещей по глубоко органичной реакционности своих воззрений, зловещей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. <...> В 1917 году как консерватор знатного происхождения Невиль Чемберлен получил пост министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной и трудной мировой обстановке!»

Майский описал и свои впечатления от общения с Чемберленом по проблеме гитлеровского нацизма: «Если бы мы могли, — говорил он, — сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем их жалобам и претензиям, то это сильно прояснило бы отношения». Итак, всё дело лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд Джорджа — «провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!»

В реальности именно политика Чемберлена и назначенного заместителем премьера, а затем министром иностранных

дел лорда Галифакса во многом и спровоцировала гитлеровскую агрессию вне Германии. Как писал Майский, «из записи беседы Гитлера и Галифакса 17 ноября 1937 года, опубликованной МИД СССР в 1948 году, совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия». <...> Гитлер <...> мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах.<...> Он не стал терять времени, и 12 марта 1938 г., через 12 дней после назначения Галифакса министром иностранных дел, сделал первый крупный «прыжок» — молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», «фюрер» приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез».

После Австрии угроза нависла над Чехословакией. И опять Гитлер добился успеха именно благодаря попустительству определенных сил в Англии. Как писал Майский, «вместо того, чтобы заявить, что Англия вместе с Францией не даст Гитлеру проглотить Чехословакию (а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора), правительство Чемберлена решило отправить в Чехословакию миссию во главе с лордом Ренсименом. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый сановник, глухой, малоподвижный и даже толком не знавший, где находится Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии».

И это при том, что «Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи, и, если бы Германия напала на Чехословакию, Франция обязана была бы выступить на ее защиту. Ан-

---

глия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но, как близкая союзница Франции, она тоже не могла бы остаться в стороне». Министр иностранных дел СССР М. М. Литвинов «2 сентября 1938 г. заявил французскому поверенному в делах в Москве Прайяру (посол Наджиар был в отсутствии) и просил его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 года и окажет Чехословакии вооруженную помощь. <...> Примерно в то же время, как впоследствии заявил Готвальд (ставший после войны президентом Чехословакии), И. В. Сталин через него довел до сведения президента Чехословацкой республики Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция это не сделает».

Как писал И. М. Майский «я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что если бы французское правительство подхватило протянуло ему советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так — означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР.. Ни Чемберлен, ни Даладьё на это не хотели пойти!»

«Как известно, первое паломничество Чемберлена к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон. Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло требования Гитлера. 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования». А дальше были новые уступки. «В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему. Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии. Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию «большой четверки», гарантию, ценность которой после всего случившегося была немногим выше нуля. Для того, чтобы хоть немного ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую об-

---

шественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией. Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время!..»

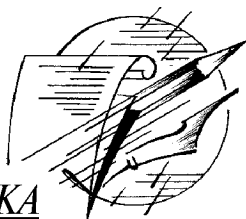
И.М. Майский делает вывод, что «если говорить о лицах, которые помогали Гитлеру, которые наиболее полно олицетворяли эти реакционные силы и проводили угодную им политику, то надо в первую очередь назвать Невилля Чемберлена и Даладье. Трудно переоценить всю глубину их исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны и за бесчисленные жертвы, потери и страдания, которые она принесла с собой человечеству».

Воспоминания И.М. Майского, при всей дипломатической сглаженности формулировок, в основном все-таки присутствующей его книге, указывают на то, что без поддержки определенных политических и финансовых кругов Англии Гитлер не смог бы прийти к власти в Германии, и его дальнейшее продвижение к развязыванию Второй мировой войны было связано именно с наличием поддержки и попустительства этих кругов Британской империи и отчасти Франции. Косвенно его слова подтверждаются и содержанием книги Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

БИТВА ЗА ОСВЕНЦИМ

В пятницу, 17 января 2020 года, тысячи залпов сотрясли воздух российской столицы; небо над Москвой было украшено великолепными фейерверками. Это было повторением памятного салюта, отданного 75 лет назад, 17 января 1945 года, 24 залпами 324 тяжёлых орудий при освобождении Варшавы Красной Армией.

Это событие могло бы стать прекрасным поводом для восстановления дружеских чувств между двумя славянскими народами. Поляки могли бы вспомнить 200 000 русских солдат и офицеров, павших в боях под Варшавой, и сказать: «Они умерли, чтобы мы могли жить». Поляки могли бы поблагодарить Россию за щедрые земли и большие города, которые были вырваны из побеждённой Германии и подарены Польше: Данциг стал Гданьском, Штеттин стал Щецином, Бреслау стал Вроцлавом, а Позен стал Познанью. Они могли бы поблагодарить Россию даже за то, что она передала Украине населённые украинцами земли, находившиеся под польским владычеством между войнами, — владычеством, которое закончи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лось при немцах большой резнёй местных поляков украинскими националистами.

Но благодарность не является сильной чертой польского характера: правительство в Варшаве проигнорировало это событие. Вместо этого поляки не только уничтожают мемориалы и могилы советских воинов. Они решили установить на своей территории американскую радиолокационную систему ПРО, которая сделала внезапный ядерный удар США по России куда более реальным. Они пытаются сорвать строительство российского газопровода в Германию; приглашают бронетехнику США занять позиции на восточных границах Польши, устраивают обструкции делегации РФ в Европарламенте и т.д. Непрерывная и бесконечная демонстрация Польшей своей враждебности к России, в конце концов, заставила Москву использовать давний принцип «око за око, зуб за зуб».

Эта возможность появилась в результате еврейского наступления на Польшу. Евреи атаковали этот антикоммунистический восточный оплот Запада сразу с двух сторон: мощное американское еврейство и могущественное еврейское государство. Американские евреи начали атаку с того, что протолкнули через Конгресс США билль S447 (ставший законом 115-171), по которому Польша должна выплачивать американским еврейским организациям 300 миллиардов долларов.

Кроме того, всё имущество, которое когда-либо принадлежало лицу еврейского происхождения в Польше, должно отойти тем же организациям. Третью Варшавы, половину Кракова, значительная часть жилой недвижимости по всей Польше до войны принадлежала евреям — и теперь она обязана вернуться «обратно» к американским евреям. Этот закон создал уникальную ситуацию: то, что когда-либо принадлежало еврею, навсегда остаётся в еврейских руках, и против этих «еврейских рук» не могут быть поданы судебные иски. То есть, если еврейский гражданин Польши умер, оставив долги, то эти долги аннулируются. Но если он умер без завещания, то дом переходит к еврейским американским организациям. Они могут выселить местных поляков или заставить их платить арендную плату за то, что те считали своей собственностью.

S447 — это блестящая идея. Она возрождает средневековое польское еврейство как «государство в государстве». В довоенной Польше это было не так; евреи там были польскими гражданами, и если они умирали, не оставив наследников, их имущество переходило Польской Республике — точ-

---

но так же, как имущество любого иного гражданина, независимо от его вероисповедания. Теперь американские евреи под флагом Холокоста решились на самый большой захват собственности XXI века, вернувшись к идеям века XVI, и взять в свои руки всё имущество, которое до войны принадлежало польским гражданам Моисеева закона.

Эта своеобразная идея невозможна ни в США, ни в Англии. Если американский (или британский) еврей умрёт, не назначив наследников, его имущество будет передано государству. Но для Польши фактически выдвинут ультиматум о полной реституции. Если это сработает с поляками, то может сработать и в другом месте; евреи будут не обычными гражданами своих стран, а, скорее, членами наднационального еврейства. Долги останутся их частными делами, а вот активы будут принадлежать еврейству в целом. Блестяще, не правда ли?

Поляки выступили против американского билля S447. Есть демонстрации, есть призывы прогнать американского посла — она добавила оскорбление к обиде, поздравив польских евреев с Ханукой, но забыв послать рождественские поздравления полякам-католикам, то есть подавляющему большинству нации, не говоря уже о поляках-протестантах и православных.

Израиль же закон S447 не просто поддержал, а потребовал от Польши раскаяния в том, что она тоже вела себя нехорошо по отношению к евреям, а также признания частичной ответственности за Холокост и выплаты репараций. Израиль получил от Германии за геноцид евреев сотни миллиардов долларов, но эти миллиарды уже израсходованы. Польша же ничего Израилю не платила. Коммунисты, правившие послевоенной Польшей, не считали, что сионистам нужно платить; они считали Польшу жертвой нацизма, а не выгодоприобретателем. Но «коммунистов больше нет, так что, пожалуйста, заплатите», — сказали евреи.

Израиль и американские евреи продолжают «давить» на Польшу. Они называют Освенцим «польским концлагерем», что очень оскорбляет поляков. Говорят, что многие поляки помогали нацистам реализовывать «окончательное решение еврейского вопроса». Поляки издали закон, запрещающий так говорить; евреи стали скандировать это на улицах.

В связи с 75-й годовщиной освобождения Освенцима (кстати, Красной Армией) этот скандал выходит на первый план. Он отмечался параллельно в двух местах: в Иерусалиме и в Освенциме. В Иерусалиме собрались все «первые лица» современного мира: президент Франции, вице-президент

США, канцлер Германии, президент России Путин. Польского президента Анджея Дуду в Иерусалим тоже пригласили — но не как спикера, а в качестве присутствующего гостя. Он предпочёл отказаться и посетил мемориал в Освенциме на месте бывшего концлагеря.

Президент Путин, несомненно, был в курсе этого конфликта и решил показать полякам, что их враждебность к России не останется без ответа. В конце декабря на саммите глав государств СНГ и на заседании в Минобороны РФ Путин представил некоторые документы периода Второй мировой войны, свидетельствующие о антиеврейской политике довоенного польского руководства. Например, Йозеф Липский, польский посол в нацистской Германии до 1939 года, говорил немцам, что поляки установят в Варшаве памятник рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, если тот поможет Польше избавиться от евреев. «Какая антисемитская свинья!» — возмущённо воскликнул Путин.

Поляки предприняли попытку оправдаться, заявив, что польский посол якобы намеревался спасти евреев, отправив их в безопасную Африку, например на Мадагаскар, к безвредным лемурам, но эта попытка успеха не имела. У Путина в архивах доказательств больше. Так, он представил доклад, датированный концом 1944-го — началом 1945 года, когда пролондонские силы Армии Крайовой (АК) предприняли попытку выбить немцев из Варшавы до прихода Красной Армии. В докладе говорилось, что бойцы АК систематически убивали евреев, переживших разгром восстания Варшавского гетто в 1943 году.

Русские всегда были терпимы к евреям. Погромы в России не было — только в Польше, на Украине и в Молдавии, в независимых ныне государствах, некогда входивших в состав Российской империи, а до того — Речи Посполитой. Русские спасли миллионы евреев, в том числе — миллионы польских евреев, которым было разрешено переехать в Советский Союз. Ни одна другая страна, по большому счёту, не принимала так много еврейских беженцев, как Россия. Многие евреи отплатили за это чёрной неблагодарностью, помогая Западу вести войну против России. Маша Гессен и Леонид Гозман — типичные прозападные антироссийские евреи, которые никогда не появились бы на свет, если бы не русское мужество, спасшее их предков.

И сегодня Россия хороша для евреев. Они являются неотъемлемой частью современной российской элиты; еврейские центры — это лучшие объекты недвижимости в Москве и других городах. Отношения с Израилем также довольно

хорошие, несмотря на сдержанную конфронтацию в Сирии. Во время посещения Освенцимского форума в Иерусалиме Путин открыл новый мемориал советским евреям, погибшим во время блокады его родного Ленинграда, ныне — Санкт-Петербурга. Личная дружба Путина и Нетаньяху во многом позволила избежать тотальной войны за Сирию.

Израильские либералы, враги Трампа и Нетаньяху, весьма недовольны таким развитием событий. Они предпочли бы находиться в союзе с Варшавой, пренебрегая фактами польского участия в геноциде евреев. Но они ещё не правят Израилем.

У поляков же всё перепуталось. Они думали, что евреи, связанные с США, поддержат их против России, но у евреев есть свои собственные расчёты и интересы. Если поляки думали, что русские никогда не обнаружат их слабых мест, то это было ошибкой. Россия долго хранила в своих закрытых архивах документы того периода, но тогда Варшава была союзницей Москвы. Теперь это не имеет смысла, и русские предъявляют эти документы как доказательства польских антиеврейских настроений.

Они исправили нарратив Второй мировой войны. В то время как поляки любят начинать историю с «пакта Молотова — Риббентропа», выставляя СССР как союзника нацистской Германии, разделивших «невинную» и «чистую» Польшу. В реальности договор между Польшей и третьим рейхом опередил германо-советский пакт о ненападении на пять лет. Польша намеревалась напасть на Россию в качестве союзника и младшего партнёра Гитлера. Именно поэтому поляки не защищали свою западную границу, бросив все силы на укрепление восточной границы — с СССР. Именно из-за этого стратегического просчёта польского руководства тех лет немцы смогли полностью разгромить польскую армию в течение неполных трёх недель.

Россией также представлены документы, свидетельствующие о том, что полмиллиона поляков служили в гитлеровском вермахте. Это доказывает, что польское руководство сотрудничало с немецкими нацистами не в последнюю очередь из-за своих антиеврейских настроений. Гитлер лично присутствовал на поминальной службе памяти Юзефа Пилсудского в Берлине в 1935 году.

Действительно, поляки пытались сыграть в хитрую игру, науськав Запад против Германии, а Германию — против СССР, что закончилось для них руинами и гибелью государства, восстановленного и преобразованного после войны (Советским Союзом. — **Ред.**). Но вместо того, чтобы усвоить уро-

---

ки истории и понять, к чему ведут подобные интриги для страны среднего размера, они «наступили на грабли» после окончания «холодной войны», пытаясь стать передовым фронтом западного наступления на Россию и благодаря этому реализовать давнюю концепцию великой польской державы «Междуморья». Освенцимский форум в Иерусалиме вновь доказывает, что такая политика может привести к новой катастрофе польской государственности.

Тем не менее, Сейм Польши 9 января без процедуры голосования принял специальную резолюцию, в которой осудил как «провокационные» и «ложные», документально подтверждённые заявления президента России Владимира Путина о роли Польши в начале Второй мировой войны. «Два тоталитарных режима — нацистская Германия и коммунистический СССР — развязали эту войну», — подчёркивается в польской резолюции. А Польша, мол, — полностью невиновна. Эта мантра долгое время действовала безотказно, и при этом можно было безнаказанно обвинять Россию и Советский Союз.

Но теперь ситуация немного изменилась: евреи хотят получить деньги от Польши.

Для России всё это — перемена к лучшему. В Иерусалиме голос антироссийской Польши не прозвучал.

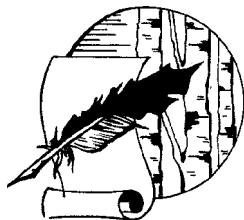
Недавно я получил письмо от польского националиста, доктора Игнация Новопольского. Он пишет: «Мы, поляки, должны вернуться под защиту Варшавского договора, иначе евреи и немцы обчистят нас... Они начали обвинять Польшу в провоцировании Второй мировой войны и еврейского холокоста... С 1989 года западные корпорации были заняты разработкой стратегии эффективного ограбления богатств посткоммунистических обществ... Запад принёс огромные страдания бесчисленным людям во всём мире... Имперские СМИ смогли убедить людей в посткоммунистических странах добровольно присоединиться к недавно созданному атеистическому раю ЕС. Сегодня, после более чем трёх десятилетий функционирования в Западной сфере влияния, молодые поляки принимают свою второсортность в ЕС как норму, как закон тяготения... Антироссийские настроения в Польше и других странах Центральной Европы — всего лишь демонстрация неблагоразумных тенденций в этих обществах. Чтобы выжить, народы должны преодолеть взаимную вражду, которая в настоящее время позволяет их врагам успешно использовать древнюю стратегию *divide et impera* (разделяй и властвуй. — Ред.). Ответ заключается в создании некое-

---

го рода «Еврославии», в сотрудничестве или даже конфедерации с Россией — т.е. возвращении к Варшавскому договору».

Услышать такие слова из уст закоренелого польского националиста — признак очень глубоких перемен в его душе. Если такие люди займут в Варшаве Дворец Наместника и Польша заключит мир с Россией, — она будет процветать. Американские солдаты, танки и радары вернутся в Вирджинию. Российские военные мемориалы будут восстановлены или свежевывкрашены. Русские легко прощают старые обиды; многие всё ещё помнят «четырёх танкистов и собаку», Анну Герман и Барбару Брыльску. Только Россия способна поддержать Польшу против претензий третьих сторон, как она это делала на протяжении многих десятилетий. И пусть освенцимский форум станет полезным уроком для Польши.

газ. «Завтра», 2020, №4

Анатолий АВРУТИН

ПТИЦА РУССКОГО СЛОВА

* * *

Лампа коптит... Тень из угла...
Мамина ласка....
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от нее сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка... А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поёт... С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио... Там
Русская песня.

Чуть подпоешь... Выпьешь вина ...
Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? — Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдет...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтет
Русскую сказку...

РУССКОЕ СЛОВО

1

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось — Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово — основа, за слово — под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу..
Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить — тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснонолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал...Знал — нету другого.
И молился, и Бога просил — огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятым
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

2

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких — и в блузках, и без...

Всё блуждается в том, полудетском
Восприятьи... Что Бог триедин
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!»... И поймут...

* * *

Куда ни приедешь —

повсюду «великие» люди —

Повстанцы... Поэты... Легенды Отчизны своей.

Везде повторяют:

«Мы их никогда не забудем...

Они не смирились... И рушили гнёт москалей...»

Глупцы-московиты...

Вы знанья несли, как Мессии,

Спасали от варваров сущность славянских племен...

Спасали Шевченко...

А он ненавидел Россию...

И против России Мицкевич сбирал легион*.

Ученый-историк вам разве что скажет на ушко,

До этого молвив:

«Костюшко — герой, генерал...»,

Что улица в Питере носит название Костюшко,

Наверно, за то, что он русских, где мог, убивал...

Прикрыла Московия

белым крылом исполинским

Славян от монголов, французов, едва не сгорев.

«Прощание с Родиной» ... Михал-Клеофас Огинский...

Великая музыка...

---

* Во время Крымской войны (1853—1856) будущий классик польской литературы Адам Мицкевич пытался сформировать отдельный еврейский легион, который должен был воевать против России на стороне Турции. Акция провалилась, поэт скончался от холеры в Константинополе в 1855 г.

«Польска не згине, пся крэв!..»

Брожу по Москве...

Наблюдаю... Твержу без укору:

«Неужто, столица, тебе и теперь невтерпёж

Собратьев спасать от беды в эту смутную пору,

Встречая лопатками братьями всажённый нож?..»

* * *

Там, где пустошь, василькам не цвести.

Ты сказала: «Хоть трава не расти...»

И ушла, не оглянувшись... И вот

Третий год, как здесь трава не растёт.

Было небо синевы голубей.

Ты сказала: «Не гоняй голубей...»

Только это и успела сказать...

Третий год здесь голубей не видать.

Целовались, но остались на «вы»...

Третий год ни голубей, ни травы.

Только старая ветла, а над ней

Небеса, что синевы голубей.

Старый домик... Старый дом, отчий дом.

Третий год, как дом пустили на слом.

Третий год здесь ничего не цветёт,

Третий год уже пошел, третий год...

* * *

Не жалею, не зову, не плачу..

Сергей Есенин

Рано заесенило в природе,

Опадают листья с тополей.

Без того невзгода на невзгоде...

— Не жалей, — всё слышу, — не жалей...

Не жалеть?.. И плачу, и жалею,

И давно ушедшее зову.

Всё печальней, истовей и злее

Опадают листья на траву.

Всё напрасней думаю про Бога,

Всё грустнее строчки и слова.

Всё мокрей разбитая дорога,
Всё темнее мокрая трава.

Всё печальней старая собака —
Нас обоих грусть не обошла:
А потом что будет?.. После мрака?..
Тот же мрак?..
Молчание?..
Зола?..

* * *

Высокая полночь... Ни вскрика, ни тела.
Мы будто у бездны на самом краю.
Ты просто молчанья от бездны хотела,
А я по касанью тебя узнаю.

Мы нежным касанием бездну остудим,
Спугнем над обрывом непуганых птиц.
Бывшее припомним... Себя позабудем,
И небо наколем на трепет ресниц...

Прощаясь, обнимемся дважды и трижды,
А больше не нужно, всё лишнее — ложь.
И в бездну безвольную не полетишь ты,
А звездно и радостно в небо вспорхнешь.

Тяжелые камни с обрыва сорвутся,
Дробясь на песчинки у бездны на дне.
Я буду к тебе в поднебесье тянуться,
А ты — с поднебесья — тянуться ко мне.

И весь без остатка, до доньшка, весь я
В той шири, где ты укротишь небеса...
И будет о бездне рыдать поднебесье,
А в чёрную бездну — стекать небеса...

* * *

Иных пустынь иные миражи
Иные тайны явят по-иному.
И в мир иной с иной шагнешь меж,
Иной тропой бредя к иному дому.

Иное всё: общенье с тишиной,
Литые свечи в тусклом абажуре...

Иная тишь... И сам простор иной —
Иные в нём сомнения и бури.

Иная гладь зеркального стекла,
Иное там лицо с твоей морщиной,
Иная складка возле губ легла
От сумрачной тоски небеспричинной.

Знакомых щёк совсем иная дрожь,
Иного взгляда быстрое скольжение.
Отступишь ты... Но так и не поймешь —
Где человек, где только отраженье...

* * *

Всё кружит октябрьская медь...
Старый дом отправили на слом...
Можно к электричке не успеть,
Но успеть подумать о былом.

Это там, в серебряном дыму,
На ветру полощется белье.
Поднял тост, к несчастью своему,
Наш сосед во здравие своё.

Поднял тост... Культяпкой поскорей
Подхватил заляпанный стакан.
И вспорхнул за стаей голубей,
Тете Ньюше крикнув, что не пьян...

Это там трудяга-патефон
Шепелявит грустно: «Бэ-са-мээ...»
А я только счету обучён:
«Трижды шесть... И два еще в уме...»

Это во дворе визжит пила —
Ставят голубятни... Сразу две.
Это в небе птицам нет числа —
Турманы кружатся в синеве.

Ну да ладно... Спилены стволы,
Огоньки над станцией дрожат...
Электричка выскочит из мглы
И умчит куда-то наугад.

---

* * *

И снова странное в природе,
И снова муторно... И грязь...
И снова женщина уходит,
Слезой горькою давясь.

И снова лестница скрипуче
Качается, шагам назло.
И рушится с небесной кручи
Дождя гремящее весло.

А тени сделались короче...
Печалью обжигая взгляд,
Нам птицы дальнее пророчат,
И оставаться не хотят.

Они кричат, роня властно
Перо на мокрый бересклет,
Что всё напрасное — напрасно,
А не напрасного и нет...

И в этот час душа смятенней.
Промозгло... Дует из угла...
И только тени, только тени,
Да мысль, что женщина ушла.

* * *

В напрасном мире полусонном
Всё чудится, что вижу я,
Как над стремительным вагоном
Восходит звездная струя.

Чуть извивается... Искряще
Насквозь пронзает облака.
И крестит лоб ненастоящий
Ненастоящая рука...

Мне это чудится... Но светом
Едва колеблема в ночи,
Нисходит тень... Зачем об этом?..
Зачем об этом?.. Помолчи...

Ведь жизнь устроена зеркально —
То, что бесценно, то тщета...
Печален я ... И ты печальна...
И между нами пустота.

Проходит всё... Сотрутся лица.
Но ослепит ночной порой
Тот свет, что истово дробится
В твоей слезинке золотой.

* * *

Там, на изломе крика и любви,
А может быть, и жизни на изломе,
Меня своим ты больше не зови —
Тобою полон дом... И пусто в доме...

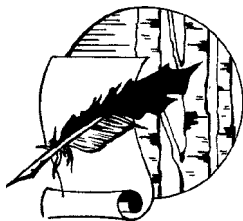
Тебе одной, печальнице моей,
До сей поры всё так же непонятно,
Чей это плач — в ночи, из-за дверей?...
Что за слова бормочутся невнятно?

Всё знает ночь... Одна сплошная ночь,
Что ослепила дух на две недели.
Которую не в силах превозмочь
Ни свет зари... Ни белый свет метели.

Она явилась, плечи мне вдавив
В пуховую раздумчивость подушки.
И сердце застучало — на разрыв,
И заструились медленные стружки...

Всё, как всегда — не бойся, не проси...
Но гложет чувство, зло и неминуче:
Чтоб вознестись туда, на небеси,
Вначале упади, сорвавшись с кручи.

г. Минск

Светлана СЫРНЕВА

СЕВЕРНЫЕ ПЕСНИ

ОСЕНЬ

Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно —
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей неожиданной красоте,
в своём небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в своё кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье рощи златокрылой
студёный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная, стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед водою студеною
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Звени, звени, моя струна,
гори, свеча, не догорая!
Восходит на небо луна
из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
оцепенеют, встанут реки,
и осень встретится с зимой,
и растворится в ней навеки.

ГОЛОС КУКУШКИ

В. М.

Как на заре из небесных песочных часов
свет прибывает и копится тихо на дне —
сквозь оплетенье берёз и провалы лесов
голос кукушки в росистой сквозит тишине.

Из средоточья ветвей, из глубин неизведанных тех,
из палестин, где не знают ни горя, ни зла,
голос кукушки доходит, не зная помех,
словно природа свой вещий язык обрела.

Из сердцевины миров, упорядочив хаос больной,
из средостенья Вселенной, на чистом дыханье одном
голос кукушки скользит по равнине земной —
твой золотой, безошибочный твой метроном.

Из бесконечности в вечность летит, лишь на миг посетив,
лишь на минуту коснувшись житья твоего,
необъяснимый, бесхитростный этот мотив —
чистое, лёгкое жизни земной торжество.

Время и радость, сплетённые общим жгутом,
лишь по касательной тронут поверхность Земли
и улетят, растворившись в пространстве пустом,
в космосе тёмном, в безжизненной звёздной пыли.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой —
в какой-то машине — случайной, попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда —
к стеклу запотелому локтем прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд! Из-под чёрного полога туч,
где грозно встаёт за заставой застава,
где бурный поток, оборвавшийся с круч,
тебя конвоирует слева и справа —

пробиться, прорваться, уйти, убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север! Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветлённые дали.
И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упали.

А дальше — в симметрии рельсов и шпал,
в вечернем тумане, в закате пугливом
железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль, по созвездьям реклам
в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север — туда,
где сходятся линии жизни в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном, немом постоянстве.

НОЧНОЙ КОСТЁР

Горел костёр, пылал, не уставал,
лизал огонь смолистое полено.
Он то сжимался, то опять взмывал,
как сердце затаившейся Вселенной.

И выступали вдруг из темноты
стоящие безмолвно друг за другом
и стрельчатые травы, и цветы,
таинственным сомкнувшись кругом.

Они смотрели молча и в упор —
родня, пришедшая по зову брата.
И был кузнечиков бессонный хор
за их стеной заботливо упрятан.

А где-то дальше притаился лес —
дремучий лес — берёзовый, сосновый.
Он тоже высился — и всё окрест
за ярусом вздымало ярус новый.

Ночной костёр! Природы зыбкий сон!
Она молчит, она не отвечает.
Созвездий и галактик пантеон
её постройки лёгкие венчает.

Один в ночи пульсирует костёр
как смертное дитя живой природы.
Но мир огромный широко простёр
недвижные, незыблемые своды.

И мы с тобою у костра во мгле —
всего лишь лёгкие, сквозные тени,
как отпечаток древний на скале
давным-давно исчезнувших растений;

как древние обломки черепков
в пластах земли тяжёлых, монолитных,
как спрятанные в залежах веков
подобия орудий первобытных.

РЕКА

Ведь река — это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.
И была она просто ничья,
и лениво струила течение,
по соседству другого ручья
беспреданное слушая пенье.
Это был несравненный ручей —
и соперник её, и учитель,
он катился быстрее и звончей,
и повсюду он был победитель.
В душных дебрях — то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл —
устремился по склону оврага.
Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта —
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота,
и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.
Ей — и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройти по великой стране,
открывать города и глубины,
выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.
Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.
Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнания.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но тёмн восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.
Тяжёлые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра — но скоро.
А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.
Прощальный, утешный подарок небес —
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечеряющий лес
приблизился, встал — и молчит, очарован.
Вечерние тени так мягко легли —
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улета, они ещё дома.
Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег —
от этого родина вас оградила.
Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину — ту,
где доброе солнце и вечное лето.

г. Киров

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

РАССКАЗ

Основные события этой истории свершились в самом конце лета 2009-го...

— Вера, давай уж наконец унормалим наши отношения, — настаивал за столиком кафе «Polonez» Роман Ласточкин — сменный мастер ООО «Томский завод резиновой обуви». Кряжистый молодой мужчина с широким лицом и квадратной челюстью трудился в цеху, выпускающем специальные модели сапог: для рыбаков, горняков, нефтяников и пожарных.

— А что тебя в них не устраивает? — выспрашивала Вера Гривенкова, инженер-технолог подготовительного цеха, где производились резиновые смеси, из которых, уже в формоцехах, изготавливалась всевозможная обувь и побочная продукция: антирикошетная тротуарная плитка, полицейские дубинки, поливочные шланги. И вовсе уж мелочевка: изо-лента, эспандеры, шайбы, ластики.

Оба итээровца когда-то окончили ВГТА (Воронежскую технологическую академию) по специальности «технология переработки эластомеров». К Сибири и ее морозам они понемногу попривыкли, но во-

ПРОЗА

ронезский говор сразу выдавал в них «иностранцев» кореным томичам.

— Да всё не по душе! — категорично заявил тогда Ласточкин. — Согласись: мы взрослые люди, ни от кого не зависим. Мне четверть века стукнуло, тебе — уж прости — двадцать семь. А не пора ли нам причалить к семейному берегу?

— Ты ведь знаешь: однажды я уже пыталась и на редкость неудачно.

— Снова-здорово! Я-то тебя за время наших отношений чем обидел?

— Да, собственно, ничем. Просто ты и моложе, и вообще... Ну, не готова я еще ко вторичным брачным обязательствам. Давай пока оставим всё как есть, а?

— Ты прямо как гендиректор с любимой присказкой: «Наши обязательства удобны, как наша обувь. А наша обувь надежна, как наши обязательства».

— Сказал — и совершенно не к делу!

— У тебя тоже к жизни подход неделовой! И что, что два года разницы? Это ведь не школа. Труд у нас схожий, жилищные условия — по личной однокомнатке. (Ласточкину по окончании им вуза квартиру приобрел отец — бизнесмен средней руки. Он бы и сына возле себя пристроил, но тому возжелалось самостоятельной жизни.) Да на них трехкомнатную реально выменять! Я не курю, не запойный, на каждую юбку не бросаюсь. В постели друг дружке подходим. И уж не во гнев будет сказано: был бы противен, разве до тела б допустила? Так какого ж рожна?

Столь конкретно бойфренд еще никогда не наезжал, хотя ранее сватался, и даже дважды. Он и правда Веру пока что устраивал, но чтоб уж вприпрыжку за ним да в загс... Одино раз на красивые ухаживания очертя голову повелась, так про это лучше бы и не вспоминать... А жильё в Томске разведенка недавно купила: на деньги, вырученные за наконец-то проданный родителями бабушкин дом в деревне, в котором долго держали квартирантов.

— Послушай, а давай тогда так... — примирительно предложила Гривенкова. — Ты же в курсе, что у меня с понедельника отпуск и билет на малую родину взят. Вот побуду у родителей, с однокашниками встречусь: в этом году у нас как раз десять лет выпуска, а первого сентября — юбилейный сбор. Заодно на отдыхе и твои соображения серьезно обмыслию. Но вексель отнюдь не стопроцентный.

— Утешила, называется, — скептически протянул Роман.

— Так ведь и не отказала же... Ладно, закругляемся. Сегодня в гости не напрашивайся: хочу побыть одна, пораздумать. И о свадьбе тоже.

— Еще лучше! Прямо-таки картина маслом...

— А ты, собственно, как хотел? — наморщила Вера аккуратный носик. — Чай не на Кавказе живем, так и привыкай: собой командовать по-любому не позволю. Только равновесное существование!

— Да это-то я давно уяснил, — сорвалось с языка у Ласочкина.

— Ну вот и ладушки... — не без иронии подытожила Вера.

Молодые люди вышли на улицу и распрощались: ехать им по домам предстояло в противоположные стороны.

Девятиэтажка Гривенковой удачно располагалась метрах в трехстах от автобусной остановки и в глубине двора.

«Ты смотри: конец августа, а на улице никак не меньше двадцати градусов», — отметила про себя Вера, подходя к зданию.

Она уже достала из сумочки связку ключей: для домофона и квартирных, когда с ближней к ее подъезду лавочки поднялся и направился к ней высокий — под сто девяносто «сэмэ» — мужчина лет тридцати. В отлично сшитом сером костюме в неброскую диагональную полоску с удлинненным приталенным пиджаком, подчеркивающим крепкое сложение владельца. В белой сорочке и подобранном в тон костюмной ткани галстуке. В черных классических ботинках с эластичными вставками, перфорацией и закругленным мыском. Через руку атлета была перекинута флисовая куртка «спайдер», явно из дорогих, в другой руке серо-белая спортивная сумка «Nike».

— Здравствуй, Вера, — обратился он к женщине. — Что-то припозднилась ты нынче с работы; я уж все глаза проглядел, дожидаясь. Так как, не узнаешь? Оно конечно, сколько лет-то с нашей последней встречи минуло...

Гривенкова вникающе всмотрелась в слегка вытянутое лицо, на котором играла лукавая улыбка. Темно-русый ежик волос, слегка скошенные мини-бакенбарды, приплюснутые уши. Хищный и стремительный взгляд глаз холодного сероголубого цвета, правильной формы нос. Тонкие поджатые губы активной волевой натуры, они как бы постоянно находились в напряжении. И милая ямочка на подбородке: изюминка, придававшая лицу трогательность и отчасти загадочность. Она же предполагает и сильный характер мужчины-бойца: об этой примете Вера когда-то слыхала, вот и всплыло сейчас в памяти.

Ах эта ямочка! Явно знакомая ей. Откуда? Ну конечно! Это же точно он!

— Коля? Да не может быть!

— Слава богу, признала! Впрочем, за двенадцать-то лет и ты изменилась: потрясной красавицей стала! Одни очаровательные впадинки на щечках кого угодно с ума сведут, натуру изысканную, эстетичную выдают. Ну и еще стремление к независимости.

— Тоже скажешь, «кого угодно», — заскромничала Вера. Осознавала ведь, что и «гусиные лапки» у глаз уж утвердились, и продольные морщинки на веках проглянули, и пусть ненамного, а раздалась вширь фигура, так что одежду теперь приходилось подыскивать «худившую».

И всё же сердечко взволновалось: ведь это он — первый в ее жизни парень, Николай Беспалов, по прозвищу Колька Бес! Смысленный, с недюжинной памятью, много чем увлекавшийся: и игрой на гитаре, и радиотехникой, и футболом, а позднее — карате. Но уж очень он рос хулиганистым, от природы аспидски ловкий на драку. А еще был вспыльчив, хотя и быстроотходчив. За эту вспыльчивость-то его порой именовали еще и психом, и чёртом верёвочным.

Сразу в памяти ожили их походы в кино и городской сад, прогулки по его аллеям, объятия и поцелуи во время сеансов и в укромных уголках старинного парка, лихие танцы на летней эстраде. И жестокие схлёсты, до которых Колька был великим охотником: ему вечно не хватало адреналина. Всё это происходило, когда Гривенкова училась в девятом, а Беспалов в одиннадцатом классе.

Иногда до нее доходили слухи, что с так называемыми раздевчоночками Колька заходит куда дальше поцелуев, но, как говорится, рядом она со свечкой не стояла. И именно с ней, тонко подмечавшей любое неуважение к себе, первый школьный забияка вел себя относительно скромно. Впрочем, однажды он попытался-таки полезть к зазнобе под юбку, она же охамевшему ухажеру немедля душевную затрепину влепила — девушкой-то выросла бойкой. Да еще и пикантной, рано приобретшей зрелость форм. И своевольник горькую пилюлю тогда безропотно проглотил. С ним легко было поссориться из-за пустяка, посему в общении со взметчивым юношей следовало обладать завидным терпением и кое-какими хитринками, чтобы возможно было кавалера направлять, в лучшем значении этого слова. Умелость такую Вера постепенно интуитивно приобрела и сама перед собой на сей счет важничала.

В то лето, когда Беспалов расставался со школой, наутро после прощального бала на центральной городской площади он пришел на выручку теперь уже бывшему однокласснику. С ним сцепились, уронили на асфальт и яростно охажи-

---

вали пинками трое выпускников соседней школы. Как на грех, заступник тогда настолько перестарался в помощи, что сподобился сломать челюсти сразу двум противникам. И в итоге по приговору суда получил условный срок наказания — один год — за превышение пределов необходимой самообороны.

— Силу можно отражать силой. Это законно. Но при этом силы должны быть соразмерны, — менторски поучал обвиняемого по ходу процесса судья.

Нападавшим, с тяжелой руки Беспалова превратившимся в потерпевших, вкатили аналогичное наказание: другу-то Николая они три ребра тоже сокрушили. А перегнувшего палку защитника родители назавтра после освобождения его из-под стражи отправили от греха подальше к дядьке в Ростов-на-Дону. Парень с Верой и попроситься не смог: отсутствовала она тогда в городе, к родне уезжала.

Вступительные экзамены в вузы к этому времени везде заканчивались. И в южной столице Беспалов вскорости снова встрял в крутую заварушку, поимев затем за «хулиганку» уже реальный срок да еще с довеском от первой судимости. Позднее Вера о своем ухаживателе слыхала, что отлётный парень и дальше пошел по кривой дорожке. Ну а в родном райцентре Усмани, под Липецком, не появляется, потому как всё по тюрьмам, а оттуда ведь на побывку не отпускают.

«Хотя, судя по сегодняшнему прикиду, навряд ли он прямиком из мест заключения», — решила про себя Гривенкова, жадно вглядываясь в гостя из далекого прошлого. Вслух же спросила:

— Ты откуда? И куда? Надо же, какой продуманный и стильный наряд!

— Стараемся соответствовать, — мягко улыбнулся Николай. — Да я тут недалече на курсах повышения квалификации обретался, ну и решил по финалу их к тебе заехать. Потом домой, на Ростов. А адрес твой мне еще с год назад уж и не помню точно кто, но какой-то из школьных дружков подсказал. Так ты как: под крыло-то пригласишь или и дальше на улице ностальгировать будем?

— Ой, ну конечно! — спохватилась Вера. — Только вперед надо бы чего ни то на стол прикупить...

В этот момент слухи про «кривую дорожку» земляка стихийно перечеркнулись в ее голове. «Да этого просто не может быть!»

— А и не надо, — возразил Беспалов. — Оно всё уже здесь... — И тряхнул сумкой на ремне, в которой многозначительно звякнуло. — Вот разве без соли...

Одношкольники поднялись в квартиру Гривенковой. Там Беспалов переобулся в вытянутые из бокового кармана «Nike» велюровые мокасины, а из ее вместительных недр извлек и водрузил на кухонный стол полусладкое шампанское Абрау-Дюрсо и марочный коньяк «Дербент» КВ. Рядом уложил крупную курицу-гриль, палку колбасы сальчичон, порядочный кусок сыра рокфор, копченого леща. Поставил банку лососевой икры. Прибавил пластиковую коробку с развесным салатом оливье, пакеты с огурцами-помидорами и фруктами, коробку конфет «ассорти» с пятью вкусами. И еще французский багет.

— Подготовился ты серьезно, — удивленно-уважительно оглядела Вера всё это великолепие, прикидывая: «Так на сколько же он потратился? Тут одно спиртное в копеечку влетит, а еще икра, сыр, колбаса какая-то особенная...»

— А то! — согласился Николай. — Вот ёшкин кот! Про минералку-то и забыл.

— У меня, по-моему, есть... Да, точно!

— О'кей. Тогда я руки помою и... не против, если пиджак и галстук скину?

— Да за ради бога... — И Гривенкова поспешила в комнату.

Там она быстренько переделалась. В нарядное шелковое платье золотистого цвета в крупный горошек, с однотонным поясом и треугольным декольте; в котором просматривался старинный серебряный крестик на тонкой платиновой цепочке. Подкрасила губы, припудрилась, причесала ниспадающие на плечи сугубо черные, вьющиеся на кончиках волосы и вернулась на кухню. Тем временем из ванной появился Николай — уже без пиджака и с закатанными рукавами рубашки — и затычным умиленным взглядом уставился на Веру.

— Какая ты, однако... Прямо Мадонна, явившаяся из глубины веков!

— Ой, да будет тебе! — слегка смутилась она. — Мадонны, они в платках и с младенцами на руках изображались. А у меня ни того, ни другого. Нет, замужем-то побывать довелось... Но недолго. И донельзя неудачно. Ладно, у самого-то как в марьяжном смысле? По крайней мере, обручалки не вижу, а мужчина ты нынче видный: что фигура, что одёжка, что ямочка с ее шармом. Да и денежно явно не скудаешься, значит, женским вниманием наверняка не обделен. Угадала?

— Отнюдь. Холост я, — коротко-пресно поведал Николай.

— Что так?

— Да пока чего-то тоже не сложилось.

— М-м-м... — И Гривенкова, ощутив неловкость, мол, еще подумает, что она его напрямую в постель тянет, переменяла пластинку: — Ты, как я погляжу, на сером цвете отчасти зациклен?

— Не есть противозаконно, — пожал плечами Николай. — Цвет осторожности, достоинства и компромисса. К тому же самый нейтральный из всех. Практичен, универсален и даже имеет скрытый сексуальный подтекст.

— Это ты на что намекаешь? — насмешливо спросила Вера, одновременно подумав: а где же гость вообще-то собирается ночевать? Похоже, на ее кров рассчитывает? Ну, диван-то, положим, свободен. Только удовлетворится ли давний поклонник одиночным ложем?.. А-а-а, если будет вежливо-настойчив, можно будет и уступить. Чай, давно не девочка, да и он не чужой, да и вообще...

— Абсолютно ни на что, — открестился Беспалов. — Серый цвет — не для серых людей. Не зря же тeneвых лидеров называют серыми кардиналами. Так что загадочности в нем никак не меньше, чем в черном, который уже по определению король всех цветов... Ладно, ты бы мне фартучек дала, что ли...

Облачившись в него без всякого стеснения, гость взялся открывать банку с икрой, а хозяйка прошла в ванную сама. Хорошенько вымыла руки, еще раз причесалась, внимательно глядя в зеркало: и правда, весьма симпатична, а значит, желанна, — и возвратилась на кухню.

Всё из той же необъятной сумки Николай извлек цельнометаллический нож в раскладных ножнах цвета хаки, с особыми карманчиками по всей длине футляра, куда вставлялись деревянные плашки, и со шнурками-завязками. Конструкция ножен в раскрытом виде у Гривенковой невольно ассоциировалась со смирительной рубашкой: шнурки — ее рукава. Само десятидюймовое холодное оружие состояло из массивной уплощенной рукоятки с углублениями по обеим сторонам и относительно неширокого лезвия, слегка сужавшегося к острию, а соединяла их шейка. Вблизи острия прямолинейная режущая кромка круто изгибалась, обух ножа был скруглен, а клинок полирован.

— Что за инструмент такой занятный? — полюбопытствовала Вера, надевшая передник и взявшаяся чистить картошку. — А эти штучки в карманчиках зачем?

— Это своеобразные ребра жесткости, которые «инструмент», как ты выразилась, от случайной ломки защищают, — посерьезнев, ответил Николай, точными движениями нарезая нежную мякоть голубого сыра. — Для меня он рабо-

---

чий. Хотя скорее уж и вовсе нерабочий, — загадочно добавил он. — Ну-ка, давай тарелку под холодную закусь.

— Держи. Анасчет «рабочего-нерабочего» в упор не поняла...

И тут Гривенкова подумала: «А кем же он впрямь нынче трудится-то, а?»

— В общем, это малый ампутационный нож. Только ты не волнуйся: он у меня чисто для командировок, весьма удобная штука. Очень твердая углеродистая сталь, долго держит заточку, хотя точить его тоже надо умеючи и на особом бруске. Углубления на рукояти — для улучшения ее хвата и облегчения веса. Попробуй, возьми в руку, только, смотри, осторожно: заточка добротная, бритвенная. Да не бойся ты, в самом деле...

Вера опасливо приняла нож.

— Ощущаешь, какая у него хорошая балансировка? Тяжести лезвия почти не чувствуешь, а сам он как бы является непосредственным продолжением руки... Ну, потешила душу — и будет... Та-ак, приступаем к сыровяленной. Между прочим, испанский продукт. А уж там толк в колбасах знают: вместе с винами и корридой они и есть визитная карточка этой страны... Ладно, всё это трепотня. Теперь — о главном. Ты ведь о моей послешкольной жизни вряд ли что толком знаешь... Вот разве в уши надули, будто бы я, в натуре, в криминале погряз.

— М-м-м... — устыдилась хоть что-то сказать Гривенкова.

— А я и не скрываю, что по молодости и дурости отсидел за «хулиганку». Мне тогда еще восемнадцати не исполнилось, потому, почитай, малой кровью и отделался — трехлетним сроком. Только чтоб знала: в южной столице я тоже справедливость отстоять пытался, как и после выпускного, да нарваться угораздило на сынков ну очень крутых дяденек. Тут еще и «условка»... «Ага-а, рецидивист, злодей, душегуб! Креста на тебе нет!» Вот жизнь меня мордой — и с маху в дерьмо. Жрите досыта! А оттоптал зону — взялся за ум, на лечебный факультет Ростовского медуниверситета поступил. В курсе, что именно служители панацеи дольше всех учатся? Вместе с интернатурой — семь годков.

— И кто ты теперь? — округлила глаза Вера. — Судя по... как его там... ампутирующему ножу — хирург?

— Ампутационному. В принципе-то меня можно и хирургом назвать, но только особого рода... — Беспалов точно выдержал паузу. — Патологоанатом я. Или, по-иному, прозектор.

— Что-о-о? — ахнула Гривенкова, рефлекторно зябко поведя плечами.

— Вижу, запредельно удивил. А ведь и вовсе ничего особенного, профессия как профессия. Кому-то ведь, согласись, и этим тоже заниматься надо.

— Так ты, выходит, трупы режешь?

— Вскрываю. По науке называется аутопсия. Первым её задолго до нашей эры стал практиковать древнегреческий анатом Герофил, осевший в Александрии. Вот настоящий уникам был! И учение о пульсе разработал, и строение глаза исследовал, и желудочно-кишечный тракт, и самые точные для своей эпохи описания половых органов оставил. А еще он проводил и вивисекцию — заживо вскрывал преступников. Их ему правитель Египта передавал, там это в древности приравнялось к одному из способов смертной казни.

Вера вновь импульсивно шевельнула плечами: жуть! Ее гость продолжил:

— Но по большей части мы всё же работаем с биопсическим материалом — исследуем под микроскопом иссеченные кусочки тканей больших органов, выясняем, нет ли в них раковых клеток, и от таких заключений нередко зависит выбор способа лечения пациента и его жизнь. Причем в медицине от нас требуется быть универсалами — материалы-то поступают из многих ее направлений: нейрохирургии, дерматологии, кардиологии... урологии, гинекологии, инфектологии... Словом, разбираться надо уметь в любых патологиях. Плюс обладать скрупулезностью, хорошей памятью и, безусловно, терпением... Надо же, как сам себя в твоих глазах возвышаю! Давай-ка помогу с картошкой... — И Николай присоединился к Вере, кожуру с клубней снимая по спирали, а она предпочитала чистку вертикальными полосками. — Да, учти: из огромного числа медиков только патанатомы — так мы сами себя для краткости именуем — работают комфортно: наши пациенты на нас никогда не жалуются. Взятки, понятно, тоже не дают и из благодарности не звонят. А еще мы среди всех эскулапов самые меньшие циники. Знаешь почему?

— Откуда? — вопросом на вопрос ответила Гривенкова, которую необычная лекция стала увлекать. В памяти же вдруг всплыл здравпункт завода: вот уж где точно даже не эскулапы орудут, а все как на подбор пилюлькины аховы!

— Действительно, откуда? Вникай: мы страданий живого человека не наблюдаем, его жалобных стонов не слышим, так что рабочая обстановка в нашей епархии спокойная. Морг, он ведь столь же стерилен, как и родовая палата, и света там достаточно, и лишний народ не толчется. Потому как только оповестят о прибывшем клиенте, так я тут же наущ-

---

ник в ухо, плеер врубаю — вперед и с песней! Первый разрез тела при известной сноровке делается одним махом: от яремной вырезки грудины — то есть почти от шеи — и до паха! Фонтанов при этом не наблюдается, не по живому ведь кроишь, а кровь у покойника свернувшаяся, темная. Это тебе не здоровый человек, которого не умеючи пырни ножом, так всего окатит! Да, еще запомни: при работе помимо спецкостюма колпак из воздухопроницаемой ткани обязателен. Иначе, распиливая череп бомжа, рискуешь на шевелюру не только костную крошку заполучить, но и гнид с их родителями, плюс волосы «долгоиграющим» трупным запахом пропитаются... Ой, пардон, не надо было бы этого уж совсем, перед трапезой-то...

— Как-нибудь переживу, — с ехидцей усмехнулась Вера. — Излагай дальше.

— Тогда ладно... А вот вскрытия родственников и знакомых мы проводить избегаем — это неэтично и бесчеловечно уже по отношению к нам самим. Насчет же всех прочих тел... Какой смысл над каждым усопшим плакать? Рано или поздно, а всякий в вечность отойдет. Так что лучше побережь собственные нервы. Потому-то с началом аутопсии и срывается психологическая защита: на время вскрытия у нашего брата происходит своего рода переключение мыслей. Любые эмоции в сторону, профессиональная задача — разобраться, на чем основана патология и совпадет ли мой диагноз с клиникой заболевания. Ну а поскольку на нашем секционном столе «изнутри» сразу видно всё, что при жизни было сокрыто, то у медиков расхожие шутки — что патанатом, во-первых, король мертвых, а во-вторых, еще и идеальный диагност...

Гривенкова была поражена. Господи, да ведь это же Коля — Колька Бес из давно канувшего в прошлое школьного времени! Эх, вот бы какого ей мужа... «Тьфу! Да что на меня нашло? Все бабы — дуры, и я не исключение. О его профессии ведь не забудешь: днем он будет мертвых кроить, а ночью этими же руками тебя обнимать. Брр! Перспективка, однако...»

— Пожалуй, картошки хватит. Вари, а я лещом займусь, — объявил Беспалов.

Умело ободрав рыбину, он нарезал ее крупными кусками, пока Вера мыла и ставила на огонь картошку. Затем попросил глубокую тарелку и взялся разламывать поджаристую курицу. При этом так и не переставал вдохновенно посвящать Гривенкову в тайнства своей неординарной профессии, и сквозь тридцатилетнего мужчину явно проглядывал легко увлекающийся подросток.

— Вскрытие — процедура творческая, — вздохнул он. — Порой причина смерти на поверхности не лежит, так тогда дополнительные исследования проводятся, образцы органов и тканей изучаются. Тут требуется, чтобы диагноз «дозрел», оформился, как у сыщика верная версия детективной истории. Впрочем, куда чаще распанаханная плоть сразу сама за себя говорит. Вот, буквально на старте моей патанатомкарьеры, в кардиологии скончалась еще не старая — лет пятьдесят — женщина. В больнице она пролежала недолго, а жаловалась буквально на всё: на головные боли, боли в животе и в сердце, бессонницу, затрудненное дыхание... Уж какие только диагнозы ей ни ставили: и пневмонию, и менингит, и гепатит. А на деле оказался диссеминированный туберкулез.

— Какой-какой? — вклинилась в страшноватую лекцию Вера, перегружавшая оливье в салатницу «ладья» из бесцветного хрустала, бессознательно срифмовав незнакомое прилагательное со знакомым: «импровизированный».

— Ну.. широко распространенный, — пояснил Беспалов. — Генерализованная форма: поражены не только легкие, но и оболочка головного мозга, брюшная полость, подбрюшная, мочеполовая система, глаза... Недаром туберкулез именуют «болезнью со множеством масок», а еще и «королевской»: в Англии и Франции считалось, что после коронации новое величество автоматически приобретает способность излечивать чахотку одним прикосновением. Любопытно, что именно туберкулез унес немало известных писателей: Чехов, Горький, Ильф, Платонов... Кафка, Шиллер, Ромен Роллан, Леся Украинка...

— Как у тебя только всё это в голове держится? — подивилась Вера.

— Стараемся соответствовать...

— Слушай, ты так интересно обо всем рассказываешь... А что-нибудь про то свое трудное время... — И враз припомнилось: «Таганка, зачем сгубила ты меня?»

— Когда у хозяина чалился? Да какие секреты... Первый год в основном жил сладкими и одновременно горькими воспоминаниями о свободной жизни. На второй — вынужденно смирился, стал тюремные порядки штудировать и особенно негатив. А на третий наконец-то понял, что так-таки продолжаю вековать свой век, только в особом, с массой ограниченный, застеночном микроклимате. «Лишение свободы» — это всего лишь тупая официальная фраза, выжить же можно везде. Даже в концлагерях, где условия куда похлеще были. И еще. В тюремном жаргоне есть опасные слова. Скажем,

---

«спросить» порой употребляется для провокации. В тюрьме не спрашивают, а интересуются. «Спросить» же на зоне означает за что-то наказать либо ответа потребовать. А «обидеть» — там это и вовсе «опустить», то есть подвергнуть групповому изнасилованию. Или вот на «спасибо» враз в обратку отфутболят: «Чтоб тебя скосило и не выпрямило!» Да порой за это слово — и сразу в морду бьют!

— Как же тогда выразаться-то? — не поняла Гривенкова, готовившая бутерброды с икрой, вдруг представив Беспалова дерущимся... с Ласточкиным!

— Благодарствую. От «благо дарю». А спасибо — от «спаси бог». Вот почему оно отвергается, это абсолютно неясно... Ладно, как там картошка-то поживает?

— Да пока что не очень, не готова. Вопрос на засыпку: а тебе твои мертвые клиенты по ночам не снятся? Типа, что они оживают, — любопытствовала Вера.

— Трупы не оживают! Вот коматозники, которых менты за откинувшихся приняли, вполне под ножом очухаться могут. Кстати: тебе самой резиновая обувь может же во сне привидеться. И что? Ведь с утра с того голова не болит...

— А обедаешь ты прямо там, где... трудишься? — в какой-то степени по-мазохистски поинтересовалась Гривенкова, выставляя на стол фужеры, стопку под коньяк, стаканы под минералку и теплого оранжевого цвета тарелки под второе. Про себя же отметила, что Николай как-то разузнал, где она работает.

— Знаешь, мы трупы не едим и рядом с трупами тоже не едим. Примета плохая... Ну вот, стол сервирован. Давай пока первый тост под холодные закуски.

— Принимается. Так, вот вилки. Только ты тему все-таки смени...

— Разумеется, — отозвался Беспалов, сняв фартук и обдирая фольгу с Абрау-Дюрсо. — А скажи-ка, подруга дней моих школярских, помнишь ли ты наш первый поцелуй — в смысле где и когда он состоялся? Ну-ка, подумай...

Пока Вера силилась мысленно вернуться в пятнадцатилетний возраст, Николай обхватил ладонью бутылочную пробку, ослабил и, держа другой рукой бутылку у основания, провернул ее, раскупорив без стрельбы в потолок. Раздался негромкий хлопок. Беспалов налил игристого вина в фужеры на две трети объема, и со дна их устремилось множество пузырьков.

— Каким-то образом подсчитано, что в одной бутылке их порядка четверти миллиона, — просветил Николай. — Что ж, давай избегнем традиционного изначального тоста «за

встречу», а выпьем за тот почти целомудренный, желанный и столь упоительный поцелуй, а потом я тебе напомню его историю. И ни в коем случае не закусывай конфетами! Сладкое напрочь перебивает вкус нежного вина, следующий бокал покажется кислятиной. Будем!

И сотрапезники приняли первую дозу спиртного, ощутив его тонкий аромат, а общие приятные реминисценции настойчиво запросились наружу...

Закусили. Прожевав «мраморную» на срезе колбасу, Беспалов осведомился:

— Так по поводу испытательного лобызания ничего память из глубин не извлекла? Нет?.. Тогда открываю карты. Наш кинотеатр «Коммунар». Крутейший триллер «Скала» с Шоном Коннери и Николасом Кейджем. Остров Алькатрас — бывшая тюрьма, превращенная в музей, — оккупирован террористами, укравшими опаснейшее химическое оружие и захвачившими в заложники туристов. Ну?

— Твоя правда... — разом воскресло давнее событие в памяти Гривенковой. — Ну ты и феномен! — Сердце же ёкнуло: ведь помнит, однако! Так, может, — любит?

— Стараемся соответствовать. А между первой и второй перерывчик небольшой. Лично я перехожу на коньяк. — И Беспалов разлил спиртное. — Тост твоего имени: желаю божественной и истинной Вере космического счастья, вселенской удачи и вечной любви!

И земляки пустились в воспоминания... Тут вскорости поспела и картошка. Третий тост, четвертый. «Божественно-истинной» захорошело. Вдруг ее сотовый запел мелодией из культового мультлика: «Расскажи, Снегурочка, где была?»

Звонил, конечно, Ласточкин.

— Слушай, ты как? Одной-то не скучно? А то, может, я тачку поймаю да быстренько к тебе? За полчаса точно обернусь! — просительно зачастил он.

— Нет! — отрезала Гривенкова, разом вообразив обоих мужчин рядышком.

— Ну почему?

— По кочану! — обозлилась она. Надо же так уметь обломать кайф! С настырного бойфренда станется: припрется внахалку да еще и через дверь подъезда с кем-нибудь прорвется, будет потом названивать-настукивать уже в саму квартиру. — Поздно уже, да и вообще: у меня голова разболелась.

— Так анальгинчика прими. Или народное средство используй: ломтики сырой картошки в марлю — и на лоб. Еще чаю свежезаваренного с лимончиком...

— Знаешь, я пока не при смерти, как-нибудь и сама разберусь. Всё! Больше не звони! И не вздумай приезжать, а то предупреждаю: зад об зад — и кто дальше!

— Приятель? — деликатно спросил Николай Веру, отключившую мобильник.

— Сожитель! — с прорвавшейся вдруг злостью выпалила она. — Приходящий! Навязался на мою голову! И моложе, и сверхрасчетлив, и в тылу папа-бизнесмен!

— Хм. Положим, далеко не самый плохой вариант.

— Но и далеко не лучший. Тюфяк он по натуре. И папа его не спонсирует: мол, для начала проявись сам. И вообще: ну разнородны мы по самое некуда. Койка — одно, по жизни же рядом шагать... Знаешь что, налей-ка и мне коньяку.

— Это по-нашему. Давай рюмку.

— Вот. Лей, лей, полную. Ну — да пойдет она не во вред!

И отведала золотисто-янтарной жидкости с мягким вкусом и цветочным ароматом с легкими тонами ванили и цитрусовых. Память же тотчас воскресила ее первый в жизни стаканчик вина, употребленный когда-то с Николаем на пляже.

— Крепкий. — Вера заела спиртное. — И душист... А давай еще, черт с ним!

— Погоди, куда ты так лошадей гонишь?

— Вперед и только вперед! Эхх! Что ж она за сука такая, жизнь?! Ведь одни сплошные разочарования! Муж всё заставлял под его дудку плясать, а чуть словцо возрази — мат-перемат, потом же и до рукораспускания дошел... Шиш тебе с прицепом! Развод! Катись на легком катере! Так он, тварь, еще и преследовал после... И вот теперь у моих ровесниц дети уж в школу пошли, а тут опять всё пока лишь в проекте! Сколько ж мне еще во вреднючем цеху горбатиться, вечно в платке и в сером халате, да распроклятыми резиновыми смесями дышать? До пенсии? Век живи — дураком помрешь дипломированным!

— Н-ну... Положим, похожие издержки и в моей профессии есть. Мы же постоянно контактируем со всякими химическими веществами, что непременно и негативно сказывается на здоровье. А вот древнеримский писатель Гай Петроний Арбитр с того света тебе возражает: «Если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в собственное удовольствие?»

— Целиком и полностью согласна! Давай, наливай!

— Без проблем. Ты только закусывай хорошенько, и начни на этот раз с конфет. Возьми с фундуком... Или с кунжутом, а уж следом и мяска зернистой...

Убедившись, что Вера после ассорти сжевала куриную ножку под оливье, присовокупила сырка-колбаски и бутерброд с икрой, Беспалов вдруг спросил:

— А как ты к музыке классической относишься?

— Да по-разному, — в который раз за вечер удивилась Гривенкова, вспомнив о его увлечении гитарой. Играл-то он точно не ахти. — Хотя вообще-то не знаток.

— Конкретно — к полонезу ля минор князя Михала Клеофаса Огинского. Не исключено, что род его восходит к основателю Киевской Руси Рюрику Великому. Огинский был одним из лидеров Польского восстания конца восемнадцатого века, вел партизанскую войну, снарядив на личные средства крупный боевой отряд егерей, девизом которого было: «Свобода. Стойкость. Независимость». Когда же повстанцев разбили, бежал в Италию, в Венецию. Композитор-любитель, он сам прекрасно играл на фортепьяно, скрипке, виолончели, арфе. И создал немало полонезов, маршей, мазурок, менуэтов. Но лишь один его полонез с необычайно грустной мелодией, можно сказать, канонизирован. Тьфу ты! Пришло же кому-то в голову использовать его начальные такты сигналом неоплаченного прохода через турникет в московском метро! Дичайшая пошлость!

— Халявщиков искусством перевоспитывать? — сыронизировала Вера. — Глупо и тупо.

— Точно! А ведь эту музыку даже рассматривали в качестве гимна в Польше и Беларуси. Она абсолютна по той искренности чувств, которая возможна лишь у изгнанника. И потому не зря польский народ символично нарек этот полонез «Прощание с Родиной», поработанной Россией, Пруссией и Австрией.

— Ну, знаю такую мелодию. На фортепьяно исполняется, — вставила Гривенкова, снова отметив азартную натуру гостя, сыпавшего подробностями.

— А также на клавесине, баяне, аккордеоне, виолончели, гитаре, мандолине, балалайке. Дуэтом баян-аккордеон, ансамблем скрипачей, духовым оркестром. И еще на стеклянной арфе — то бишь на хрустальных бокалах с водой, именуемых «ангельским органом». Существует даже её джазовая юмористическая обработка.

— Да откуда тебе всё это известно?

— Стараемся соответствовать... У тебя ведь музыкальный центр имеется?.. Прекрасно. Тогда давай еще по глоточку «напитка божественного, но с ценою адскою», как трактовал явно знающий толк в коньяке дьякон, и пошли в комнату.

Из той же серо-белой сумки был извлечен музыкальный компакт-диск.

— Присядем... — кивнул Николай на диван с текстильной обивкой розового цвета, приятно гармонирующей с бледно-розовыми же обоями. — На этом диске — пятьдесят различных исполнений полонеза Огинского. По большей части музыка без слов, хотя варианты с текстами тоже имеются. На русском, белорусском, польском и украинском языках. Но есть еще и а капелла — это вокальная музыка без инструментального сопровождения. Именно так полонез исполняют белорусские «Песняры». Слыхала о таком вокально-инструментальном ансамбле?

— Ну да. «Березовый сок», «Беловежская пушча», «Вологда»... «Олеся» еще.

— Верно. Только этим песням лет по сорок. А слова на музыку полонеза написаны уже в третьем тысячелетии. Автор их — Вячеслав Шарапов. Композитор, аранжировщик, клавишник и поэт полностью Божьей. Ну а теперь...

И комната наполнилась задушевым славянским пением:

*Песня летит, как птица, вдаль,
Ведь где-то там, в тиши лесной,
Стоит у синей речки дом родной,
Где ждет меня любимая и верная,
Где тихий мой причал,
И вечером в саду из дома
Слышатся лишь звуки полонеза...*

Николай опустился на колено перед устроившейся на диване Верой и подал ей руку:

— Мадам, позвольте пригласить вас на тур танца.

— Позволю...

Поднявшись, Гривенкова исполнила очаровательно-шутливый реверанс, еще и пальчиками придерживав подол платья. Крепкие мужские руки нежно обняли чуть располневший женский стан, и вальсирующая доверчиво склонила голову в обрамлении черных волос с особым блеском на мускулистую грудь партнера...

*Сон в ночи несет, несет к далеким берегам
Моей любви. А там всё так задумчиво и тихо,
Только волны, только свет и облака,
И мы с тобой в руке рука...*

— И наградил же их Господь! — тихо восхитился Николай. — Слияние голосов, гармония созвучий, дивная красота тембра... Самородки чистой воды!

*Там на холме — высокий храм,
К нему я в детстве бегал сам,
Любил смотреть в глаза святым на образах,
И ангелы, летая, улыбались в белоснежных куполах,
И слышались под сводами чарующие звуки благовеста...*

Страсть вспыхнула обоюдным стремительным порывом, губы мужчины и женщины слились в импульсивном и чувственном затяжном поцелуе. А потом Николай молча и легко поднял Веру на руки и понес: сначала к выключателю и следом к двуспальной кровати, застеленной шелковым, с атласной окантовкой покрывалом с крупным цветком розовой розы на белом фоне. На ложе любви опытная женщина постепенно утратила принадлежность себе. Внутри нее пробудилось неистовое желание, она жаждала наслаждения, и под искусными настойчивыми ласками томление охватило ее всецело. Всё уступчивее, всё бесстыднее, всё пламеннее становилась она в своих встречных ласках и наконец достигла высшей точки блаженства.

А потом всё повторилось. И еще раз... И еще... Под продолжающееся чарующее пение:

*Боже, храни мой край, от бед и невзгод храни,
Не дай позабыть мне, не дай,
Куда мы идем и откуда шли,
И от сохи и от земли,
И от лугов и от реки,
И от лесов и от дубрав,
И от цветущих спелых трав,
К своим корням вернуться должны,
К спасению души обязаны вернуться...*

Ни до, ни после, никогда и ни с кем Вере не было столь безумно хорошо в интимности, как этой незабываемой ночью...

Она привычно проснулась в семь утра. Сквозь струящийся атлас оконных штор притягательного цвета коралла, придававший комнатному освещению едва уловимый розовый оттенок, в уголок-будуар трудно втекал рассвет.

Николая в постели не было, а музыкальный центр утомленно молчал.

«Неужели ушел, сбежал, втихую, по-английски? — взныло сердце. — Ну почему, за что, чем я его обидела? Господи, какая же все-таки сука жизнь!»

Набросив на голое тело халат и апатично не завязывая его пояс, Гривенкова панихидно побрела к туалету. Беспалов, уже одетый в рубашку и брюки, сидя за столом на кухне, курил. На клеенке стояло блюдце-пепельница, лежали сигареты «Парламент», зажигалка и — для чего бы? — малый ампутационный нож.

— Ну, здравствуй, моя утренняя Мадонна. Как спалось?

Вера инстинктивно запахла халат.

— Привет, — обрадованно и немного смущенно отозвалась она. — Да хорошо спалось. Смотрю, ты уж давно встал — посуду успел перемыть. Извини, я сейчас...

Возвратившись на кухню, она увидела, что Николай выставляет на стол еду из холодильника, а на газовой плите уже подогревается чайник.

Завтракали вчерашние стихийные любовники ощутительно скованно. Нет, столь близкий Вере совсем недавно человек вовсе не прятал от нее серо-голубых затягивающих глаз, но во взгляде его — остылом и усталом — читалась какая-то неизбывная страдальческая тоска. И еще — что у вчерашних неистовых отношений нет да и по определению не может быть никакого будущего.

— Коля, ты уезжаешь сегодня? — уточнила она за кофе, отказавшись от коньяка и прикидывая, как вскоре будет смотреть в глаза Роману. Как-как... Так!

— Увы, Мадонна... через два часа поезд, — с тяжелым вздохом произнес Николай и решительно опрокинул остатнюю стопку спиртного.

— Ясно... Да ведь и мне вообще-то скоро на работу собираться.

Гривенкова всё чего-то упорно ждала, но чего? Уж во всяком случае, не предложения руки и сердца. Глупо... Ну, провели вместе великолепную ночь любви, и на том спасибо. Как там, в старой песне: «Было и прошло — твердит мне время...»

И все же она решилась спросить:

— Коля, ты номер мобильного-то своего мне оставишь?

— Знаешь, — не отрывая от нее сумрачного взора, беззапиночно отозвался Беспалов, поднаторело перекидывая из ладони в ладонь ампутационный нож, — я аккурат вчера, как к тебе направляться, аппарат где-то посеял. Или щипач тиснул. Так что лучше ты мне свой дай, а я сразу перезвоню, как новый сотовый куплю.

Вера продиктовала цифры, но в душе ей не верилось, что этот мужчина на одну ночь хотя бы когда-то да выйдет на связь...

Перед тем, как покинуть квартиру, Николай достал из сумки диск со множеством вариаций самого известного в мире полонеза.

— Возьми на память, — протянул он «сидишку» Гривенковой. — Да бери, бери, у меня такие же еще есть.

— Спаси... Благодарствую... — прошептала она, и глаза ее увлажнились.

— Ты смотри! — настала очередь Беспалова удивляться. — Однако, запомнила.

И, властно приподняв Верин подбородок, одарил ее хладнодушно-прощальным поцелуем. Она же вдруг осознала: а на улице-то ощутимо засвежело.

— Повезло тебе, Мадонна. Теперь долго жить будешь. Архидолго.

— С чего бы такой прогноз? — еле сдерживала она слезы.

— Сама поймешь когда-нибудь. И помни, что мы «к своим корням вернуться должны, к спасению души обязаны вернуться». Только, увы, не всегда это возможно. Жизнь — не «сидишка», по новой не перезапустишь... А теперь счастливо, и не провожай, — полуприказал он и подхватил серо-белую сумку.

Сухо щелкнул английский замок. Вера мгновенно почувствовала слабость во всем теле. Отчаянно заколотилось сердце. На замлевших ногах она тяжело прошла на кухню. Плюхнулась на табурет, обеими руками прижала к груди музыкальный подарок и зарыдала. В голос. Безутешно. Обреченно... И синхронно ее не покидала мысль: не опоздать бы на работу, времени-то осталось в обрез...

Вечером того же дня, меняя постельное белье, Гривенкова обнаружила под подушкой плотную пачку сто долларовых купюр в прозрачной упаковке, крест-накрест обклеенную листовой лентой-бандеролью с крупной надписью по центру: «\$10 000». Под кирпичиком «баксов» толщиной чуть более сантиметра имелся блокнотный листочек. На нем непривычным почерком, с левым наклоном и раздельностью букв, с укороченными отростками «р» и треугольными петлями «у» и «д», было выписано: «Пресс перед тратами стопудово вскрыть, иначе мусора под статью подведут».

«По ходу — плата за предоставленные постельные услуги. Кого? Валютной проститутки? Очень дорого и очень противно», — зло резюмировала Вера, и ей до безумия захотелось устроить балконный дождь из «зелени».

Впрочем, она быстро передумала: «Вот уж шиш с прицепом — чтобы на моем теле да другие наживались?! А Колька скот редкостный: эдак унизить, гад!»

Покипятившись еще, она совсем уж было нацелилась сжечь валюту в старой кастрюле, но в конце концов мудро запрятала пачку на антресоли. Однако прежде распечатав обандероленную банковскую упаковку и вытянув сверху, снизу и из середины ее по свинцово-бежево-зеленой купюре с контрастным портретом Бенджамина Франклина. Покрутила все три на свету — вроде известные ей степени защиты присутствуют: и водяные знаки, и голографическая нить, и меняющие цвет микропечати, и вкрапления красных и синих волокон...

«Ладно, завтра у рыночных менял точно разберемся, не фальшивка ли, — подытожила она проверку. — А ну правдашние? Ха! Роман на такое не способен».

Доллары оказались настоящими. Заодно Гривенкова выведала, что физическому лицу их ни за что не продадут в упаковке: перед выдачей валюты сотрудник банка обязательно пачку вскрыет и на детекторе проверит купюры на подлинность, а на счетчике банкнот их поштучно перечтет...

Спустя трое суток ночевавший накануне у Веры Ласточкин провожал ее на такси в аэропорт. Зарождался предпоследний летний день, рассветное небо у горизонта окрашивалось в нежно-розовый густеющий цвет, а загородная дорога была малозагружена.

— Ты ж смотри, как только приземлишься, так сразу мне эсэмэску отправь, — в который раз напомнил Роман.

— Да помню, помолчи уж, всё давно до костей обсосано, — неохотно выговорила ему Вера, невольно сравнивая спектр искренности двух любовников.

— Какая-то ты дёрганая в последние дни стала, — тоже с недовольством заявил Ласточкин.

— Просто устала в цеху бесконечные хвосты за всякими ленивцами заносить, — отбоярилась отпускница, и отчасти это было правдой.

...Посадку на самолет, следующий по маршруту Томск—Липецк, объявили вовремя. И долетела Гривенкова отлично. И потом тоже без приключений доехала на автобусе от областного города до своего маленького райцентра Усмань, население которого всё никак не перевалит за двадцатитысячный рубеж.

И вот она на пороге родительского частного дома, где пожилая мать со слезами обцеловывает единственную дочь в лоб, в щеки, в губы.

— Верунчик, золотко ты мое... Наконец-то. Как я тебя зажда-
лась...

— Мама, ну не надо плакать, ты, наоборот, радоваться дол-
жна, — успокаивала дочь, безотчетно вспоминая, как на этом
пороге когда-то целовалась с Николаем.

— Я понимаю, понимаю... Но сердцу-то не прикажешь...

Следующим вечером Гривенковы отмечали приезд Веры и
принимали гостей из близких родственников. Старшая сес-
тра ее матери тетя Мора — испанское имя, в переводе: «еже-
вика», — в недавнем прошлом врач-хирург с не по-женски
сильными руками, беспрестанно курила. За хлесткость язы-
ка и забияческий характер коллеги еще с молодости прозва-
ли ее Ёрой. Бездетная, пять лет назад она похоронила мужа:
лейкемия. Сестра отца, Александра, старейший бухгалтер
горгаза и разведёнка со стажем — Вера ее с детства звала
тетей Алексаней, — всё силилась выставить «испанку» с си-
гаретой в коридор, но безуспешно. Зато от нее «звания» по-
прётницы — упертой спорщицы — удостоилась. Сын тети
Алексани, тридцатилетний Валерка — амбалистый, с уже
наметившимся животиком заматерелый холостяк, — служил
замначальника в угрозыске местного ОВД. Пришла и вся
семья брата отца: простоватый дядя Толя, водитель автобуса,
его скелетистая жена-инвалид с имплантированным клапа-
ном сердца и народившиеся еще до этой радикальной опера-
ции дочери Нелли и Белла. Последняя только что расплева-
лась с очередным сожителем, и, перед тем, как сесть за стол,
тетя Мора ее — уже в который раз — обозвала гульней-свер-
бигузкой.

Из горячительных напитков на домашнем пиру тогда при-
сутствовали «Советское шампанское», водка, кагор и крас-
ное столовое саперави.

Собравшиеся уже успели «причаститься» дважды, когда к
ним присоединился припозднившийся в фирме Олег, муж
Нелли, — потихоньку идущий в гору предприниматель. Он
торжественно присовокупил к столу мадеру «Массандра» и
коньяк «Дербент три звездочки». Ординарный, в отличие от
марочного, которым Гривенкову недавно угощал Беспалов.

Увидев, что Олег с места в карьер взялся откупоривать «бо-
жественный напиток», Вера, памятуя о ночи любви, почти на
автомате протянула ему рюмку:

— Плесни-ка и мне.

— Мать, ты что, уже на крепкий градус перешла? — уди-
вилась Нелли.

— Надо же, как мы за последний год перевкусились! —
фыркнула Белла.

— А у тебя-то в Томске, блин, приятель был с «сапогретин», так тот вообще хлебал бензин... — гоготнул Валерка, глумливо перекрюив строки известного «Диалога у телевизора» Высоцкого.

Тетя Мора в присущей ей безапелляционной «хирургической» манере окоротила беспардонщика:

— Долго думал, говорливый ты наш?

— Стоп, оба хороши! — прикрикнул на родственников хозяин дома. — Нашли время и место выдрючиваться! — И обратился теперь к Вере: — Дочь, можно, конечно, и коньячку... но ведь отродясь не увлекалась?

— Я и сейчас не увлекаюсь, — с вызовом парировала та. — И что? В конце концов, на тридцать-то граммов имею право?!

— Безусловно, имеешь, — успокоил ее Олег, наполняя рюмку.

Он же произнес очередной тост, и все родственники употребили. А закусив, мать виновницы торжества прямо посетовала:

— И с чего это у тебя вдруг теперь такая тяга к крепкому? Помнится, ты всегда сладкие вина предпочитала, многоградусного даже в рот не брала, а тут...

— Да что вы все ко мне с этим коньяком привязались? — занервничала Вера. — Это чисто по ассоциации вышло. Просто несколько дней назад ко мне в Томске Коля Беспалов заезжал. По случаю, после курсов повышения квалификации; он от кого-то мой тамошний адрес узнал. С шампанским и тоже с «Дербентом» заявился, весь такой стильный: пиджак приталенный, сорочка кипенная — явно стопроцентный хлопок, галстук отпадный... Вообще сразу было видно: копейка в кармане у него нынче водится. Ну, мы и пообщались за рюмкой немного, вот и всё. И он восвояси отчалил. Может, кто не в курсе, а Коля, после того, как в молодости за «хулиганку» отсидел, медуниверситет окончил. Работает, правда, почему-то патологоанатомом, но, я бы сказала, по призванию. Он мне столько всего интересного обсказал! Например, что такие специалисты обязаны быть универсалами в медицине, а тела он вскрывает под музыку, с плеером и наушниками. И мальшй ампутационный нож демонстрировал, который для удобства с собой по командировкам возит; продукты им резал...

На этой стадии «раскрытия карт» Гривенкова предпочла остановиться.

Кто такой Колька Бес и о том, что он, по слухам, давно живет в подсудном мире, присутствующие знали: та давняя история со сломанными после выпускного бала челюстями в

маленьком городе наделала много шума. И что необузданный парень когда-то за Верой целый год ухаживал, разве что Олег не был в курсе: он в Усмани переехал лишь лет пять назад.

За столом воцарилась могильная тишина, и только тетя Мора всё пыталась прикурить новую сигарету, одну за другой беспокойно сломав аж четыре спички: зажигалки-то напрочь не переносила. Характерный звук чирканья серной головки о терку как бы разделял нависшее молчание на неравные отрезки свинцового, гнетущего ожидания. Присутствующие уставились на Веру хмурыми взглядами.

Наконец инициативу в свои руки взял Валерка, разом по-серьезнев и вывалив на голову двоюродной сестры массу безжалостной информации:

— Помнишь, что мы с Колькой в одном классе учились? Ага... Но вот того не можешь знать, что нынче Бес — во все-российском розыске. По подозрению в исполнении целой кучи заказных убийств. Он своих жертв, пользуясь умением чуть ли не моментально расположить к себе человека, всегда ухитряется каким-то макарон в безлюдное место затащить. Где и убивает, обязательно отчлняя потом голову и кисти рук, а «трофеи» увозит в неизвестном направлении. Это чтобы труп сложнее было идентифицировать, без лица-то и «пальчиков». У него и погоняло в криминальной среде соответствующее — Патанатом, а в Москве давно уголовное дело заведено, уже толщиной с силикатный кирпич. Только он больно осторожен: опасность с любой стороны звериным нюхом чувствует, и сколько где на него силков ни расставляли — голый вассер! Насчет него к нам в ОВД даже следователь по особо важным делам из столицы приезжал. Специально за информацией, я с ним до-олго беседовал. Важняк всё выяснял, какой Колька в школе был: хорошо ли учился, да чем увлекался, да про те челюсти сломанные, когда он за друга подписался, да и вообще... Ага, что любопытно: оказалось, Бес в колонии, где за «хулиганку» парился, всё свободное время в библиотеке торчал и по какой-то особой методике спецслужб — изыскал же где-то! — память упражнял. Плюс играл в драмкружке ИТК, и весьма талантливо. А еще подозревали, что он на той отсидке кого-то из осужденных замочил, только вот доказать — ёк! Для него, важняк разорвался, нынче вообще человека кончить — как два пальца об асфальт. Один из самых дорогих по стране киллеров... Вопрос, — и Валерка впечатал правый кулак в левую ладонь, вместе со следующим словом: — Почему он тебя-то не грохнул? Удачница, однако, теперь будешь долго жить.

Мать Веры приглушенно вскрикнула, прижав ладонь ко рту. Белла и Нелли застыли с приоткрытыми ртами, инстинктивно прижавшись друг к другу. Скелетистая жена дяди Толи громко икнула, а сам он буркнул под нос: «Ну, ни хрена, твою мать!» Тетя Алексаня уронила вилку. Олег нервно вытянул из брючного кармана носовой платок и аж трижды высморкался.

И только отец Веры поставил сообщенное оперативником под сомнение:

— Послушай, я Беспалова хорошо помню: с родителями его очень давно знаком. Да еще и по школьности они с Верунчиком дружили. Так наслышавшись о... забойной, что ли, репутации парня, по-мужски его предупредил. Мол, не дай бог, если нагресишь! Лично сам двустволку возьму и за дочь — обе пули в сердце! А дальше — пусть судят... Он же тогда: «Дядя Витя, да вы что? Я за Веру сам любого порешу!» И действительно никому ее в обиду не давал, уж я-то был в курсе. Потому и гулять им допоздна разрешал... Как он через то, что за друга вступился, претерпел и потом в Ростове за новую драку на зону таки угодил, — тоже наслышан. Что да, то да, на родину он точно носу не кажет, на похороны отца и то не появился. Но вот ты сейчас здесь про него такого понарасказывал... Куча заказных убийств, самый дорогой киллер, Патанатом... Это стопроцентно?

— Двестипроцентно! — заявил Валерка. — Сведения, конечно, для служебного пользования, но ведь Вера мне не чужая. Так пусть хоть задним числом поразмыслит, с кем дело имела, да на будущее поостережется, святая простота...

А тетя Мора, наконец-то душевно затянувшись, рубанула:

— Чушь несусветная! Это я насчет исполнения вскрытия под музыку. Подобные концерты с наушниками в морге исключены: патологоанатому при аутопсии необходимо общаться с санитаром и врачом-клиницистом, при обязательном присутствии которого она и проводится. Предварительно же всегда тщательно изучается история болезни умершего. Да и насчет копейки в кармане — врачебная ставка у прозектора самая низкая, на нее особенно не пощикуешь. Возможности же подработки отсутствуют: кого он станет во вне-рабочее время консультировать, кому уколы или массаж делать? Другой коленкор, что малым анатомическим ножом действительно реально перерезать позвоночный столб, суставные капсулы и связки. При определенных практических навыках, разумеется. Но вот как орудие убийства он не очень-то подходит. Рукоятка узкая, ограничителя нет — бить таким

премного рискованно: коли рука соскочит, сам же себя и полосанешь... может, люто. Нет, этот нож для твоего киллера — пожалуй, фетиш, которым он первую жертву прикончил, а теперь с собой талисманом таскает, аккурат им продукты нарезает. Да еще и аномальное удовольствие при том поди испытывая. Музыку же, раз о ней речь зашла, он должен предпочитать трагическую, облигатно навевающую мысли о вечном. Очевидно, классическую фортепианную. К слову, в старину веровали: инструмент этот — «дар дьявола».

— Да не может быть... — тихо и взвинченно возразила Вера. — Он же про всё так убедительно рассказывал! И что морг, как роддом, стерилен, и про срабатывание психологической защиты во время вскрытия, и про туберкулез — «болезнь со множеством масок», и что патологоанатом — идеальный диагност... Ну откуда б ему столько мало кому известных медицинских подробностей знать?

— Из Интернета же, — пожалла плечами тетя Мора. — Плюс если еще и память вне конкуренции, плюс актерские способности... Мне вообще сдается, что он эту патанатомличину не с ветру придумал, а так ему к людям в доверие легче втираться. Ты прикинь: если кто-то сообщает, что работает... На примере нашего стола: твой отец — электромонтажник, твоя мать — экономист, ты сама — инженер... Коммерсант, бухгалтер, сыщик, водитель... Продавец косметики — Белла, парикмахер — Нелли. Или, скажем, хирург. Ну и какого кляпа? Безынтересно. А вот если человек упомянет, что трудится патологоанатомом, да потом еще и всякие подробности по сей части преподнесет, это обязательно спровоцирует особое инстинктивно-нездоровое любопытство. Пардон, но развели тебя на голубом глазу и по полной программе. Пфе! Экзотичный прямо-таки киллер: влез в чужую шкуру, и заманчивым показалось мастерство притворщика на бывшей даме сердца обкатать. Расчленять же ему тебя... Ну вот ради чего? Другой коленкор, если бы переспать возжелал, — тут совсем не удивилась бы. Он случаем не порывался?

Тетя Мора всегда была неплохим, пусть и доморощенным психологом. Взгляды всех сидящих за столом — буравящие, пытливые — моментально скрестились на лице Веры, а свой взор, испуганный и потухший, она уткнула в тарелку. Мочки ушей у Гривенковой стремительно порозовели, губы напряглись, а в горле моментально появилась сухость, и она судорожно сглотнула слюну. Руки под столом рефлекторно сжались в кулаки.

И тут уж совсем неожиданно в ситуацию влез дядя Толя: он потом и сам себе удивлялся — надо же, сказануть такое...

— А коньяк, который с ним пила, он, видать, на свой гоно-
рар убивца укупал, — прямоково ляпнул он. — После — хе-
хе — окончания очередных «курсов повышения квалифика-
ции».

— Ты совсем сблындил? — двинула брата локтем под ребра
тетя Алексаня.

У Веры же кровь отлила от лица столь молниеносно, будто
Колька Бес с маху всадил ей в живот по рукоять свой инст-
румент. «...Здоровый человек, которого не умеючи пырни но-
жом, так всего с головы до ног окатит!» — разом вспомни-
лись ей слова Беспалова. И зримо представился ей собствен-
ный труп — нагой, обезглавленный, без кистей рук, сиротли-
во покоящийся на кроватином покрывале с огромной розовой
розой. И сам киллер, пакующий под заворачивающую пе-
сенную палитру полонеза Огинского в серо-белую сумку от-
сеченные части такого податливого недавно под его ласками
ублаженного тела. И бабушкино наследство с охранной мо-
литвой: насколько сиротливо, жутко, чудовищно смотрелось
бы оно на шее, лишенной головы!

Эх, бабушка-бабуля! Ты до беспамятства любила един-
ственную внучку, но слишком рано ушла в мир иной, со-
жранная безжалостным раком: Вера тогда только-только за-
кончила седьмой класс... Не твой ли серебряный крест отвел
в сторону смертоносный удар, сохранил в целостности плоть,
познавшую в ту лишь чудом не ставшую роковой ночь все-
объемлющую страсть...

А потом удачница еще вспомнила, как страшный гость
напластовывал продукты своим «ампутационником» — в
свете же фетишной гипотезы тети Моры и вовсе не факт, что
«нерабочим», — и это оказалось последней каплей...

Бытует выражение: «вывернуло наизнанку». Так вот: по
отношению к Гривенковой это еще мягко сказано. После упор-
ной со слезами и обильным пóтом рвоты Вера почувствовала
сильное недомогание и пульсирующую головную боль, учас-
тилось сердцебиение, стало бросать то в жар, то в холод...

И захлопотала вокруг нее — панически расстроенной, по-
давленной — вся родня: мать тащила градусник, тетя Алек-
саня — тонометр, отец — теплое одеяло, а Олег вызывал «ско-
рую» (которая появилась лишь через час). Тем временем Бел-
ла и Нелли сплоченно жучили своего отца, виня его в истери-
ческой реакции сестры. Как только они родителя не обзыва-
ли! Вплоть до того, что старинное слово «негораздок» — неда-
лекий человек — откуда-то припомнили. Дядя Толя дубова-
то, но ершисто оправдывался. А больше всех суетилась его
супруга, из-за букета болячек таскавшая в сумке чуть ли не

целую аптеку и усиленно ее племяннице навяливавшая. На этой почве сердечница-инвалид вскоре схлестнулась с тетей Морой: уж та-то на раз определила, что у Веры классический нервный срыв.

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, да уберись ты куда подальше со своим килограммом пилюль! — прищкнула «испанка» на скелетистую родственницу. — Девочке сейчас не таблетки, а полный покой нужен! «Колесами»-то ее разве кардинально траванешь. Тебе их прописали — сама и жуй.

— Когда это ты успела неврологом стать? — не по-инвалидски наскочила на нее сердечница. — Да всё именно через твои слова и началось! Ну точно — Ёра!

— Уж коли на то, эксцесс и вовсе твой муж нагероил! Поди вон, дочерям дозреть его помоги! И ведь мумия ходячая, а без мыла — и в любую задницу!

— А ты ехидина кромсучая! Скальпель-асклепий! Мясник в юбке бесчадный!

...Женщины не ладили со дня их знакомства — на свадьбе родителей Веры сразу перецапались. Сегодня же ко всему добавился ударивший в головы хмель...

— Так, а ну все замолкли! — вмешался наконец в двойную перебранку хозяин дома. — Толя! Давай, уводи своих быстро! На улице доскубётесь! Александра, Валерка, и вы извините — не до праздника теперь! Свояченица, а ты, если уж врачевать берешься, на грызню-то не отвлекайся!

После крутого нагоняя гости почти одновременно откланялись, а занедужившую уложили на диван в зале. Постоянно держа ее за руку, тетя Мора, мысленно упрекавшая себя за приключившееся, всячески старалась перенацелить внимание Веры, тихо-мирно беседуя на отвлеченные темы и вспоминая разные случаи из ее детства. А еще попросила принести к ней на диван старенькую кошку-трехцветку, которую котеночком забрали к себе родители Гривенковой после смерти ее бабушки. «Гладь ее, гладь — и успокоишься», — уговаривала тетя Мора племянницу. Это, вместе с прочими принятыми «скорой» мерами, помогло, и Вера наконец-то забылась, преспокойно, без снов, отпочевав до утра.

Что удивительно, на следующий день, встав, приняв теплый душ и напившись крепкого чаю с бутербродами, она почувствовала себя вполне сносно. Потому к обеду и рискнула навестить родную школу, выросшую из старинного церковно-приходского здания с многочисленными поздними пристройками.

На сабантуе по случаю десятилетнего выпуска она всласть пообщалась с одноклассниками. Но сегодня Гривенковой

как на знакомом до боли дворе, так и в школьных коридорах и даже в женском туалете — полнейший бред! — везде чудился нынешний Колька Бес, облаченный в серый костюм в диагональную полоску и всё поигрывающий ловко перебра-сываемым из ладони в ладонь специфичным холодным ору-жием.

В глубины памяти он спрятался, лишь когда компания из семнадцати однокашников отправилась на застолье в самое престижное кафе районного городка «У воеводы». Там Вера пересилила болезненное желание вновь налить себе коньяку, удовлетворившись шампанским, да и того выпила немного. Она с переменным успехом принимала участие в бесконеч-ных разговорах на тему: «А помнишь?», кое-как танцевала и слегка поощряла прямолинейные ухаживания Валерки Фа-занова, когда-то первого хохмача класса, ныне остепенив-шегося и сумевшего открыть магазинчик по продаже авто-запчастей.

Он же потом, благорассудливо поняв, что его намеки на телесную близость явно не прокатывают, мирно проводил свою даму до ее родительского дома. На прощанье попытал-ся поцеловать в губы, но Гривенкова удачно подставила щеку.

Наступили новые сутки. После завтрака Вера снаряди-лась в булочную близ центральной площади. И на ней образ Кольки Беса вновь явился в мысли отпускницы. «Вот имен-но тут, напротив Дома культуры, он вместо выхода в боль-шую жизнь жестоко поплатился за помощь ближнему...»

Уже после обеда она решила прогуляться вдоль ограничи-вающей городок с востока реки Усманки. Экскурсию свою начала от моста, через который дорога вела в деревню Деви-цу, где когда-то и жила среброкрестовая бабушка. Пройдя по берегу против течения с полкилометра, Гривенкова опять представила давнего ухажера и недавнего яростного любов-ника. На этот раз в рубашке, брюках, мокалинах и фартуке, но всё с тем же страшным ампутационным ножом.

«Здесь мы тем фатальным для него июнем купались... А пляжик-то нынче совсем зарос... Ну да, вот у этой ветлы с раздвоенным стволом я тогда загорала. А два подпитых ры-ловорота с вахлацкими хвостами на затылке подвалили, вя-заться затеяли. Колька тогда за кустами ивняка плавал, но на крики враз примчался... Как же он потом, насовав обоим уродам по сусалам и за патлы ухватив, курнал их до поси-нения! Ведь чуть не утопил, насилу оттащила. Они тогда точно пожалели, что под футбол не обстрижены! Н-да-а, а ветла-то вдвое толще стала... И листья уже не беловатые, а серебристые...»

Вера кинула прощальный взгляд на заболачивающуюся у берегов речку и направилась в сторону голубо-белого с синими куполами Успенского храма, тыльной стороной выходявшего на водную гладь. «А вот и вход в церковь... Тут мы в ночь на Пасху долго стояли в обнимку, ожидая начала крестного хода и богослужения пасхальной утрени... Господи, да это тот самый проводивший ее батюшка идет! Только с поседевшей бородой... Колька тогда еще у него так вольно осведомился о непривычном цвете куполов: почему, мол, они не золотые?»

И разом ожило в воспоминаниях объяснение священнослужителя:

— Золотые купола — символы небесной славы — обычно устанавливаются на главных храмах и тех, которые посвящены Иисусу Христу и двенадцати великим церковным праздникам. На нашей же церкви Успения Пресвятой Богородицы купола традиционно синетные — это церковное слово, трактуемое как «сплошь синие». Они изображают небесную чистоту и непорочность. Зеленые купола соответствуют Святому Духу, серебрястые венчают храмы, посвященные святым, а в монастырях купола черные — это цвет монашества. Но особо строгих требований в этом вопросе нет: так, храм Василия Блаженного на Красной площади вовсе разнопалитренный. — Батюшка тяжело вздохнул: видимо, разговор задел больную жилку. — А в жизни нашей многогрешной выбор покрытия купола, увы, часто зависит от материальных возможностей конкретного прихода... Идите с миром, дети мои... — И перекрестил любопытничающую пару.

Переулком, мимо здания «пожарки» с каланчой, общежития аграрного колледжа и Мемориала — памятника погибшим землякам — Вера проследовала на центральную улицу города.

Вот он, бывший кинотеатр «Коммунар», где они с Колькой когда-то впервые поцеловались. В прошлом красивейшее здание — с рдевшим на коньке крыши флагом, с несбывшимся лозунгом по верху фасада: «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!» — ныне являло жалкое зрелище: облезлое, с разбитыми стеклами, заколоченными дверями и уже разваленным портиком. С появлением множащих свои возможности домашних кинотеатров «Коммунар» как учреждение культуры был ликвидирован за убыточность. Но приобретать строение с особой, «киношной» планировкой никто из бизнесменов не торопился, и оно постепенно ветшало и рушилось...

«Помнится, по ранней весне Кольку после фильма аж четверо встретили, — вновь нахлынули на отпускницу воспо-

---

минания. — За что? Да ведь после так и не признался... Как он этих подстерегателей метелил! Люто! А мне: «Вера, беги!» Да почему ж я тогда так у него за спиной и осталась? Посчитала: обязана... И тоже кулачками отмахивалась и орала что есть мочи. Даже матюком... До скольких раз он нападавателей на снег ронял! А самого так с ног и не сбили! Боец по крови, по сути... Потом на крики Валерка с кем-то еще подоспел, гады и смылись...»

Через дорогу от умирающего, потерявшего имя и статус «Коммунара» шеренгой выстроились семнадцать бронзовых бюстов на мраморных постаментах. Аллея земляков-усманцев — Героев Советского Союза, открытая 9 мая 1996-го. Гривенкова подошла к одному из них. «Генерал-полковник Непобедимов Михаил Парамонович», — значилось на памятной табличке. На скульптуре бросались в глаза усы с закрученными вверх кончиками, сленгово именуемые «велосипедный руль» — по схожести с его формой. Их любили носить солдаты Первой мировой. Еще впечатлял многорядный «иконостас» героя. Вчера Вере сообщили, что ее школе собираются присвоить имя этого военачальника.

«Ну конечно, — с горечью усмехнулась Гривенкова, думая о своем. — Он и здесь не упустил возможности кулаками помахать...»

А дело было так. Вечером накануне первого мая они с Колькой тогда снова вышли из кинотеатра по завершении последнего сеанса. Наобнимались еще возле афиши, пока основной народ не схлынул в разные стороны, перешли улицу, поравнялись с Аллеей героев... И вдруг Беспалов остановился, отпустил плечи девушки и скомандовал:

— Жди здесь, никуда не отходи. Я быстро, вот только кое-кого, чтоб память фронтовиков уважали, вышпорю...

И пружинисто двинулся вперед. Тут-то Вера и углядела, как невдалеке трое довольно хорошо различимых под светом ближнего уличного фонаря парней окружили один из бюстов и, по позам легко было догадаться, бесстыдно облегчаются прямо на мрамор.

— Эй, голубцы! — еще на ходу крикнул им Колька. — А друг у друга заглотнуть не слабо?

Драка завязалась мгновенно. На сей раз Беспалов особо старался угодить ногой супротивникам именно в паховую область. И довольно быстро в этом преуспел. Дважды. Третий же «писатель», узрев распростертых в позе эмбриона, беспомощных, тихо подвывающих дружков, трусливо улепетнул.

Вышпориватель поочередно колотил осквернителей бюста головами о мокрый мрамор. Потом они с Верой задворками убежали от свистящего им вслед милицейского наряда.

— Коля, ну зачем ты так жестоко? — тихо пеняла Гривенкова дружку, когда они уже домчались до прибрежных кустов Усманки и надежно укрылись в молодой листве густого ивняка.

— По заслуге и плата! — обозленно утвердил Беспалов. — Это же был бюст генерал-полковника Непобедимова! Он армии полвека отдал, с красноармейца в Гражданскую начинал. Да у него только одних советских орденов двенадцать, а еще и иностранные есть! Он, можно сказать, всей жизнью фамилию свою подтверждал. А эти ссыкуны... Их убить мало! У меня три прадеда на Великой Отечественной погибли, так один — отцов дед, его фамилию я и ношу — именно в кавалерийском корпусе Непобедимова воевал, под Берлином голову сложил!

— Ну а если бы они какой-то другой бюст опоганили? — уточнила Вера.

— Да какая, на серьез, разница? — запальчиво ответил рубака-парень...

А ноги меж тем сами собой привели Веру в старинный, с полуторавековым стажем парк. Летняя эстрада его теперь уже не имела высокой металлической ограды — ее заменила низенькая, пластиковая, декоративная.

«Конечно, всё из той же оперы, — уже не удивилась Гривенкова. — У этого фонтана ему вечером девятого мая разбил о голову бутылку один из тех самых беспощадно наказанных ссыкунов. А Колька ничего — сдюжил, лишь покачнулся, обернулся и тут же подлеца достал. Да еще как ловко-то!левой ему челюсть присподнял, а уж правой — всего, и он в фонтан улетел...»

И нигде — ни на рынке, ни на почте, ни на старом кладбище, куда пришла поклониться праху бабушки Вера, призрак Кольки Беса не покидал свою наконец-то покоренную Мадонну. Было даже волнительно-завораживающе. Но только днем. По ночам же ей оказывалось по-настоящему страшно: подолгу не могла заснуть, мучаясь избирательными воспоминаниями, хотя умом и разумела: не показывался киллер в Усмани двенадцать лет — не нагрянет и впредь: слишком уж велика вероятность здесь быстро угодить в лапы Закона.

Однажды, в постели, Веру вдруг осенило, почему это Беспалов заинтересовался биографией создателя полонеза, вписанного в историю музыки. Да ведь их судьбы во многом схожи: оба они потеряли родину! Вот только Михал Клеофас

Огинский — большую, а Колька Бес — малую. Стали понятны и процитированные им перед уходом из квартиры Гривенковой слова из песни: «К своим корням вернуться должны, к спасению души обязаны вернуться...»

И еще. От кого-то Вера слыхала, что люди из прошлого — это и есть часть самого прошлого. К которому порой так хочется — пусть хотя бы на время — прикоснуться душой, «помолодев» через совместные воспоминания. Конечно, сделать это проще именно там, где ты рос: живой пример — празднование недавнего юбилея. Ну а если нет возможности появиться в родных краях — кровавые следы не позволяют «к своим корням» и «спасению души» вернуться? Тогда и остается разве лишь встреча с земляком на «нейтральной» земле.

«Узнал же ведь мой адрес и место «сквернозапашистой» работы. А-а-а, — наморщила носик Гривенкова, — сейчас нет проблем частного сыщика нанять. Указать ему в качестве стартовой точки фамилию-имя-отчество, год рождения и место последнего проживания да фото присовокупить. И при условии достойной оплаты услуг тебе оперативно раскопают всю подноготную клиента... Нет, не всю. Вот попробуй выведай, что его на первое убийство в зоне толкнуло. Снова справедливость восстанавливал? Ну а потом-то, потом? Когда он первый платный заказ принял? Почему был сделан невозвратный шаг? Как там у Булгакова-то: «Просто так кирпич на голову не падает». Эх, Коля, Коля-Николай...»

Минули новые сутки, другие, третьи, и Вера осмыслила: ей позарез нужно сменить обстановку, иначе проклятый призрак от нее так и не отлипнет. Она и махнула сначала в Воронеж, а следом — с возвращением дня на два в Усмань — еще и в Липецк. В областных центрах обосновались несколько сокурсников, и проблем с переночевкой не возникало. В столице Черноземья она даже свою технологическую альма-матер проведала, пообщалась с бывшими педагогами.

Родители, правда, побухтели по поводу раскатываний дочери, но в меру.

В общем, ближе к концу отпуска, завершавшегося опять-таки на малой родине, всё как бы и устаканилось. Однако за день до отлета Гривенковой в Томск ее сотовый телефон, в котором тогда стояла липецкая сим-карта, в очередной раз стал выяснять у Снегурочки, где же она была.

— Алло, — обозначилась Вера.

Вызывавший молчал. Она тоже не стала больше ничего говорить, но и не отключалась, предполагая, кто именно на проводе... В томительном ожидании протекло минуты три, и раздались гудки. Прекрасно понимая, что совсем не стоит

этого делать, Гривенкова тем не менее часа через два, прошедших в упорной внутренней борьбе, попыталась перезвонить беззвучному абоненту. В ответ металлический голос автоответчика сообщил, что такого номера не существует.

Не будучи экспертом по мобильной связи, Вера всё же догадалась, что при наличии действительно больших денег возможно заблокировать любой сотовый номер. Вскоре, перед отлетом в Томск, уже в аэропорту Липецка она до рубля проговорила остававшиеся на ее здешнем номере средства и переломила «симку».

Возвратившись в Сибирь, Вера буквально атаковала своего бойфренда, чуть ли не за руку потащив его в загс подавать заявление. Еще больше Ласточкин поразился, когда Гривенкова с минимумом вещей быстро и прочно обосновалась на его территории, теперь лишь изредка — по крайней необходимости — ненадолго навещаясь в свою квартиру и почему-то упорно избегая ночевать в ней.

Через месяц Вера и Роман поженились, успев исхитриться перед самой свадьбой обменять два своих однокомнатных жилья на трехкомнатные хоромы.

Отметили ее со скромным количеством гостей (со стороны невесты — родители, тетки и Нелли с Беллой-свидетельницей плюс три подруги с работы да еще начальник) в трактире «Вечный зов» — заведении раскрученном и довольно дорогом. Зато с самобытным интерьером: зал, сотворенный из подвального помещения царской пересыльной тюрьмы, а в нем резная мебель ручной работы, старинная утварь... И с достойной сибирской кухней: коронным блюдом здесь была изумительная стерлядь горячего копчения. Из родни Романа приезжали отец, бабушка и дядя с женой. Мать же, второе лицо модельного агентства, как раз готовила очередной показ, твердо вознамерившись превратить его в полноценное шоу, а шоу — в значимое событие для всего города, посему сыновней свадьбой проманкировала с чистой душой, без сомнений и раздумий.

И еще. После загса молодые не только возложили цветы к Мемориалу в Лагерном саду и снялись на фоне Вечного огня, но, по предложению Веры, также и на Новособорной площади, у сработанного из сосны в реалистической манере памятника Рублю. Масштабом один к ста и весом в четверть тонны.

— Зачем тебе именно такое фото? — изначально не повелся на показавшееся вздорным желание Веры Роман.

— Допустим, для скорейшего привлечения денег в семью, — прояснила она.

— Трали-вали, не смейся мои подметки, — проворчал он. — Прихотям нашим нет конца...

Но в итоге таки подчинился.

А по ранним в тот год холодам Ласточкина защеголяла в изысканном зимнем туалете: песцовой длинноворсовой шубе — платиновой, с дымчатым оттенком, роскошной шапке из шкуры норвежской лисы, стильных, натуральной кожи серовато-голубых сапогах, а также с элегантной сумкой цвета мокрого асфальта. И еще «холодный» гардероб Веры пополнился четырьмя костюмами: из букле, кашемира, драпа и габардина. Туфли она теперь к своим одеяниям выбирала опять же имеющие отношение к серому цвету: защитные, кварцевые, антрацитовые.

«Такие наряды хрен знает на сколько тысяч баксов тянут, — ревниво шептались за спиной завидующие сослуживцы. — Вот тебе и серенькая мышка».

Роман сразу-то дорогие приобретения, все справленные в один субботний день и без его участия — в цеху аврарили, работал, — принял едва ли не в штыки.

— Откуда ж ты деньги в семью привлекла? — пасмурно спросил он, обозрев вечером покупки.

— От проданного бабушкиного дома энная сумма осталась, — пояснила жена.

— И сколько же именно, если не секрет?

— Всё на мне. Посчитай сам, если уж так сильно интересуешься.

— Не понимаю, для чего такой шик, — буркнул Роман, изучив ценник шубы.

— Ну, я ж теперь мужняя жена, вот и стараюсь соответствовать.

— Чем? Сплошной серятиной?

— Много бы ты понимал! Запомни: серый цвет — не для серых людей. И загадочности в нём никак не меньше, чем в чёрном. Практичный, универсальный, нейтральный. Цвет осторожности, достоинства и компромисса.

— Кстати, насчет компромисса: можно было бы сколько-то из наследства и поделиться — нам на кухне ремонт делать предстоит, и в удобствах, и в ванной.

«Шас, разбежался... удобства за мой счет», — мысленно показала супругу кукиш Вера, а вслух примирительно сказала:

— Я ведь и для тебя тоже старалась.

— Обоснуй.

— А ты выйди минут на пять из зала, потом зайдешь и сразу поймешь.

— Ох, что-то ты темнишь... — не поверил Роман, но всё же подчинился.

— Можно! — вскоре пригласила его жена.

Она стояла у разложенного дивана, облаченная в верхние обновы, с сумкой в руках.

— Ну и что? — непонимающе спросил Роман.

— А то... — И Вера быстро и изящно облизала губы кончиком языка. Потом слегка склонила голову набок и устремила на мужа призывный долгий взгляд. В глазах ее заводяще и приманчиво играли тени. — Серый цвет имеет скрытый сексуальный подтекст... Я понятно изъясняюсь?

Медленно, соблазнительно Ласточкина отложила в сторону сумку и расстегнула шубу. Никакой одежды под ней не было. Еще прельстительное движение — и шуба легко соскользнула с загорелых плеч (обладательница ее теперь посещала солярий), а Вера энергично тряхнула головой, и шапка тоже оказалась на полу. Оставшись лишь в серовато-голубых сапогах, Ласточкина наклонила голову назад и легкими движениями, неторопливо и чувственно поправила прическу. Грудь-яблоко искусительно приподнялись, прилучая мужа. Тот шумно вздохнул, вождленно глядя на глубокую ложбинку меж ними, где светлел серебряный крестик-листик с прорастающей из-под распятия лозой — символом плодородия и жизни — и поспешающе принялся растелешиваться...

Понятно, что сразу после бурного и продолжительного соития — уж на этот раз жена расстаралась особо — вторично поднимать тему дорогих туалетов мужу оказалось несподручно. Хотя впоследствии он к ней еще не раз возвращался, только увы: так и остались для него дорогие обновы сфинксовой загадкой...

В мае 2010-го у супругов родился сын. Роман было попытался предъявить Вере несоответствие сроков, но та спокойно напомнила:

— А ты забыл, как перед проводами меня в отпуск, в аэропорт, у меня же и ночевал? Скажешь, тогда ничего не было, или как?

— Ну, было... Но ты же раньше, до свадьбы, всегда предохранялась...

— И со старухой бывает порнуха, — переиначила известную поговорку Вера.

В конце августа она выгуливала трехмесячного Коленьку во дворе. Малыш спокойно спал в коляске голубого успокаивающего цвета с серыми вкраплениями. Молодая мама увлеченно читала новый роман Дэна Брауна. И вдруг услышала:

— Здравствуйте. Вера Викторовна?

Перед ней стоял крепкий парень в полностью закрытом мотоциклетном шлеме «интеграл» и весь облаченный в кожу.

— Ну, допустим, это я. А вы-то сами кто?

— Да это не столь уж и важно. Вам просили передать, вот, возьмите. — И протянул Гривенковой, ныне Ласточкиной, небольшой сверток, упакованный в плотную бумагу «крафт» и крест-накрест перевязанный бечевкой.

— Что это? И от кого?

— Маленький сюрприз... Да берите, берите, внутри вовсе не бомба. Откроете — и сразу всё поймете. Только лучше дома. А мое дело лишь вручить...

Но, поскольку Вера «сюрприз» принимать отнюдь не спешила, бережно опустил его в коляску и едва ли не бегом двинулся к стоящему неподалеку серебристо-бордовому байку, за рулем которого сидел кожаный брат-близнец.

— Подождите! — кликнула удаляющегося Вера, но мотор байка уже взревел.

Ласточкина сунула сверток под одеяльце и заторопилась домой. В бежевом пакетике оказалась лишь обандероленная упаковка столларовых купюр — без каких-либо пояснений. Впрочем, они ведь и не требовались...

«Почему он так уверен, что Коленька — именно его сын? — задумалась Вера. — Точно-то ему знать не дано... Самочинно себе желаемое за действительное выдает? У кого же читала: «Истина изготавливается самим человеком, сообразно с его выгодой»?* У него ведь не только малой родины нет, но и семьи, так неужто он ее примыслил, а вместе с тем и право на заботу о нас? Ну, «зарботки»-то, похоже, позволяют. Что-то вроде особого случая «метода от противного» — лишая кого-то жизни, оплатой за то поддерживая потом другие. А я уже раз согрешила, кровавую матпомощь приняла и на теле ее ношу. Ох и спросится с меня там... Может, к батюшке на исповедь сходить? И доллары эти кровавые церкви пожертвовать? Так первая порция «гибельных» денег потрачена вчистую. Нет, уже необратимо. Как бабушка говаривала: «Черного кобеля не отмоешь добела». И сучку — тоже. Бррр... В сознании не укладывается: он — киллер, в розыске, отринут обществом. И такие сильные, ласковые, но они же и залитые кровью руки... Ах, Коля, Коля, смогу ли я когда-нибудь забыть ту ночь нашего нескончаемого полонеза? Ой, а какое же сегодня число? Господи, да неужто?..» — И в памяти стремительно возник... малый ампутационный нож.

---

* Сомерсет Моэм, «Подводя итоги».

Вечером того дня Роман после работы возвратился домой, открыл дверь ключом, переобулся в тапочки, прошел в зал и — опешил.

Вера сидела за журнальным столиком, на котором стояла уже початая бутылка коньяка «Дербент» КВ. Вокруг нее лежали курица-гриль с отъеденной ножкой, колбасная и сырная нарезка, огурцы-помидоры крупными дольками, стояли взрезанная банка лососевой икры и тарелка с оливье... А из музыкального центра «Ямаха», размещенного в мебельной стенке, тихо лилась незнакомая песня на знакомый мотив всемирно известного полонеза:

*Там на холме — высокий храм,
К нему я в детстве бегал сам...*

— Это что такое? — трудно сдерживаясь, указал Роман на коньяк. — Как ты можешь? Ты же кормящая!

— Тише ты, — приложила палец к губам Ласточкина. — Коленьку разбудишь, он совсем недавно заснул. Сытый, а еще молока сдоено много и обогащенная смесь есть. И потом — я же не собираюсь всю бутылку в одиночку распивать, с удовольствием с тобой поделюсь. Сама же еще рюмочку-другую — и точка.

— Да что с тобой? Никогда бы не подумал! Не понимаю, в упор... — осуждающе выговорил Роман и решительно выключил музыкальный центр.

— А тебе и не надо. Присядь, раздели компанию с женой, отведай коньячку, закуси хорошенько. И пожалуйста, не мешай. Мне. Слушать. Это полонез Огинского со словами, специально написанными для ансамбля «Песняры». А капелла, то есть пение без инструментального сопровождения.

— И как часто ты теперь подобным прослушиванием заниматься будешь?

— Один раз в год.

— Тебе, похоже, к психиатру надо.

— Значит, так, дорогой, — насупясь, со скрытым неудовольствием взглянула на мужа Ласточкина. — Выбирай: либо однажды в год, сегодняшнего числа, я выпиваю сто граммов коньяка под песенный полонез, либо — развод и девичья фамилия. И не воображай, будто это сказано для красного словца. Говорю: послушай музыку тоже, употреби, откушай. Но не смей меня обижать! Я ведь совсем немногого требую... Уразумел? А теперь — немедленно включи!

Ультиматум был озвучен таким тоном, что Роман сразу понял: его слабая половина действительно не шутит. Много-

---

этажно выматерившись про себя, он ткнул на кнопку воспроизведения «Ямахи». Колоритная песня зазвучала вновь.

— Улавливаешь, какая музыкальная лирика? — осведомилась Вера. — Глубоко одушевленное исполнение, при котором пространство и время не имеют значения, главное — оставляемый в душе отпечаток...

Не отвечая, Ласточкин достал из той же мебельной стенки хрустальную стопку, наполнил ее почти до краев шафранно-желтой жидкостью и в два мощных глотка опустошил. Невольно подумал: «Богатый букет!» Закусил голубым рокфором-«аристократом» и сыровяленой, похожей на срезе на мрамор колбасой. «Необычный вкус, тонкий, а каков аромат... — оформилась новая мысль. И следующая: — А с чего бы вдруг, мля, такое дорогое спиртное и деликатесы? Может, пока я на смене пахал, она тут с любовником кувыркалась? Ну почему у Коленьки цвет радужки серо-голубой, если у меня он карий, а у Веры — карий с золотистым отливом? Да, окулист распиная, что у младенцев она всегда светлая, а годам к трем-пяти может и потемнеть. И что у кареглазых гены радужки доминантные, однако за ними могут «прятаться» серые и голубые, способные проявиться даже через несколько поколений... Ах, если бы всё же провести тест на ДНК... Вдруг?... И — что? Развод и девичья фамилия? Но если нет? Как после этого на нее глядеть-то всю последующую жизнь? Ведь за руку на горячем никогда не ловил... А-а, пусть лучше всё остается, как оно есть...»

Внутренние кончики бровей у Романа раздосадованно приподнялись, губы сложились колючком, и лицо приняло ну такое несчастное выражение... И он сокрушенно налил новую стопку. Жена, наблюдавшая за мужем, фыркнула, но от каких-либо комментариев воздержалась. Подождала, пока он вновь расправится с благородным напитком, зачерпнет чайной ложкой икры, и только тогда известила:

— Завтра начинаем капитальный ремонт кухни: с дизайнером телефонно я уже пообщалась. А там, глядишь, и до удобств очередь дойдет.

— Откуда опять подкожные? Да еще и явно в немалом количестве?

— Ладно, надоел и уел, откроюсь-таки, — усмехнулась Вера. — «Бабульки» от бабульки. Толику бабушкиного наследства пропиваем. А что тебя смущает? Сам же щетинился, что всю заначку на себя употребила. Так и радуйся, далеко не всю.

— Твоя бабушка во дворце жила или как? — не поверил Ласточкин.

— Не совсем. Но вообще-то дом у нее был будь здоров и участок изрядный, плюс имела немалое число золотых украшений. Старинных, стоящих, высшей пробы: она рассказывала, что ее дед где-то в подвале клад нашел, но языком не трепал да и особо золото не сбывал, — вдохновенно врала Вера. — В сравнении со всякими перстнями да браслетами мой нательный серебряный крестик, хоть и он тоже оттуда, — чистый пустяк, безделица... Всё выведаль? Тогда закрыли тему..

*Песня летит, как птица, вдаль,
Ведь где-то там, в тиши лесной,
Стоит у синей речки дом родной... —*

бережно выводили сладкозвучные голоса, закольцовывая музыкальное произведение. Слабому на алкоголь, моментально пьянеющему Роману концовка — про «любимую и верную» — пришлась по душе.

— Эх! Жаль, не сначала слушал, — примирительно посетовал он.

— На твоё счастье, на музцентре сейчас стоит режим повторного воспроизведения, так что внимай и ещё наливай...

И с тех пор, вот уже на протяжении нескольких лет, двадцать шестого августа, вечером, в семье Ласточкиных устраивается многократное прослушивание голосового исполнения полонеза Огинского под «Дербент» КВ.

В трехкомнатной квартире давно сделан дорогуший евро-ремонт; особенно продуман декор на кухне, в царстве Веры: на стенах — кафель грифельного цвета, при разном освещении меняющийся, как хамелеон; на полу — крупная плитка с шахматной укладкой: цвет слоновой кости чередуется с пушечной бронзой — тёмно-серым. Гарнитур оттенка «дымящиеся угли», матовый обеденный стол «серый голубь» (серый с густым синим отливом), двусторонний холодильник цвета «валюта» (серо-зелёный). Умело подобранная палитра создает утонченный и элегантный стиль. Впрочем, иные знакомые семьи утверждают, что «хозяйка зациклилась на мрачном колере» и это, мол, ещё мягко говоря.

Однако в зале и спальне серый вовсе не доминирует, а в детской отсутствует напрочь. Так Вера решила, обнаружив в сети информацию, что именно данный цвет в некоторых культурах связывается с туманом, неотчетливостью, затаиванием реальных очертаний кого-либо, его маскировкой, и ассоциируется с умением принимать неброское обличье. Лучше от греха подальше, да и от ребенка.

В квартире теперь обитает кот с чудной кличкой Миклеог — слоговая аббревиация от Михал Клеофас Огинский, — ну очень музыкальный мурлыка. Непородистый, серый, с зелеными глазами, котенком он был бездушно выброшен на улицу в декабрьский вечер и замерзал у подъезда многоэтажки, где обреченного заметила, пожалела и приютила Вера. Роман поначалу резко настроился против нового жильца, но она, наблюдая за изголодавшимся животным, жадно лакающим из блюдечка молоко, наставительно заявила:

— Пословица утверждает: «Кто кошку любит, будет и жену любить», да и вообще: встреча с животным такого окраса — к удаче в любом пути. Стоит лишь произнести: «Серая кошка — счастливая дорожка». А еще, по поверью, как раз сероцветки дом от всякой нечисти оберегают, хозяевам сил и здоровья придают.

Что интересно: у Веры токсикоз, проявлявшийся в начале беременности сонливостью, раздражительностью и особенно тошнотой — будущая мама тогда кофе, жареные яйца и любую рыбу даже зреть не могла, зато подседа на бананы и сухарики, налегала на мятный чай с лимоном и жевала имбирь, — после появления в квартире Миклеога чудотворно прекратился. Позднее же Ласточкина в Интернете вычитала: оказывается, именно зеленоглазые коты, по народным приметам, способны выпитывать лунную энергию и потом лечить ею людей.

Романа мурлыка лишь терпит. Зато за Верой, когда та дома, следует неотлучно, сопровождая из комнаты в комнату, если только не дрыхнет на кухне под батареей, на лежанке тигриных тонов. С Коленькой у кота отношения, скажем так, переменчивые.

Семья теперь имеет авто «Форд Куга» практичного серебристого цвета, скрывающего дорожную пыль и мелкие царапины. Для него рядышком с жильем удачно приобретен капитальный гараж, ныне окрашенный в цвет фельдграу (тёмно-серый, с отливом хаки). Деньги на его покупку, как и на сам престижный внедорожник, саможеланно выделил свёкор.

Ласточкин-средний нынче щеголяет в костюмах классического стального цвета с тщательно подобранными в тон сорочками и галстуками. Он так и работает сменным мастером, хотя Вера успела дорасти до замначальника цеха: еще до ухода в декрет в ней нежданно и, главное, доказательно проявился талант управленца. А в обозримом будущем, похоже, и до цехбосса поднимется.

Она уже давно и регулярно занимается классическим шейпингом с упором на упражнения для пресса и бёдер, а дома

установила велотренажер. Плюс питается по индивидуальной диете и заметно уменьшилась в талии, обретая почти совершенную фигуру. Вдобавок постоянно следит за лицом: массаж, подобранные лучшим косметологом города крема... Так что и «гусиные лапки», и морщинки у век теперь практически разгладились.

Коленьку возят в детсад с английским уклоном. Мальчик растет крепким, сметливым и очень высоким: Вера утверждает, в ее деда, мужа бабушки, чей наследственный крестик она носит; предок умер совсем непожилым от туберкулеза, подхваченного им когда-то на срочной службе в Риге. Но до чего же малыш эмоционален! Потому-то и твердо решено через два года отдать его в секцию традиционного карате, где помимо искусства квалифицированно постоять за себя особо заботятся о духовном росте ученика и совершенстве его терпения.

Год назад в гости к молодой семье впервые вместе приехали родители Романа, так его мать уже на второй день вдребезги расплевалась с невесткой. Как? Проходя по кухне, свекровь бесцеремонно пнула Миклеога, возжелавшего было мирно потереться гостю о ноги. Ну откуда бы ему ведать, что та котов на дух не терпит? Впрочем, животное не осталось в долгу: мол, что за распускание лап на моей территории? И в обратку ощутимо тяпнуло нападчицу за икру.

В царстве серого цвета вскоре началась ужасная ругня.

— Все равно я этого паршивца с балкона шмякну! — разорвалась из кресла «раненая» и перебинтованная. — Как завтра на работу уйдете, так и вылетит серая тварь, драная шкура, мерзавец у меня птицей с седьмого этажа! Клянусь! Поняла?

Вера, прищурившись, уперев руки в бока и махом перейдя на «ты» (ну, один к одному тетя Мора-Ёра), зло резанула:

— Ишь, ножки да ручки шаловливые! Значит, так, бредкая ты наша, взглянет — лес вянет! Что, на мою с Романом свадьбу-то приехать жаба задушила? А сейчас заявлялась царский режим свой тут устанавливать? Дома всех гноби, раком и по стойке смирно ставь! Здесь же ты — никто, а я — хозяйка! И мне мой кот во сто раз дороже тебя со всеми модельными потрохами! Ты Евангелие хоть раз в жизни открывала? «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» И с их любимцами тоже! Вот и сделай фокус — исчезни! И немедля! И на полном серьезе, пока я тебя, как ты собиралась моего кота, сама с балкона не наладила! Поняла?

При последних словах хозяйки стоявший у ее правой ноги Миклеог, давно уже недовольно размахивавший хвостом,

---

распушил его, прижал к голове повернутые назад уши, изогнулся дугой и впервые в жизни яростно завыл...

Примиришь круто закусивших удила женщин мужчинам так и не удалось, и Ласточкины-старшие тем же вечером стрессово укатили на вокзал. Уже сидя в вагоне СВ, мать Романа желчно заявила мужу:

— Ну и стерва нашему сыну досталась! Я не я, если его с ней не разведу!

— Стерва, говоришь... — протянул супруг. — Вот на зеркало неча пенять...

— Это ты к чему выкидышь родил? — агрессивно поинтересовалась изгнанная.

— Да к тому, что сын от тебя после вуза через полстраны сдернул: грызла ты его отчетисто — ни шагу без абсолютного контроля. Однако ж в отношении себя и малейшего не допускала! Зато всегда точно знала, чего от жизни хочешь: тут вы с невесткой схожи. Эх, вот не зря же утверждают: сын себе в жены бессознательно выбирает чем-то похожую на мать... Хотя на заводах люди не настолько быстро, как в моделях, жизнь постигают. К примеру, ты еще до меня два официальных брака похерила, а уж неофициальных-то... И уже при мне бестормозно тешилась.

— Да с какой радости ты сегодня так горло распустил? — рывкнула озадаченная супруга.

— Да с такой: не лезь не в свои сани! Вера для Романа — семейный джекпот! Он у нее одет с иголки! И домовита — вот уж вовсе не ты, — и квартиру на ять отделала, и как мать заботлива... Зато твоя главная забота была — почаще на сына «фас» спускать! Туда не ходи, сюда не гляди, и в кого ты только такой тупой и размазня уродился... Не припоминаешь, как его в школе-то дразнили? Нет? «Телятина!» А вот ты — местномасштабная Мессалина: вся из себя и вся для себя!

Жена непонимающе вперилась в мужа, уже не находя слов: это что же с ним такое творится? А тот пошел вразнос:

— Ты до каких пор в мини-юбки рядиться будешь? Зенит жизни пройден, давно уж бабка! Нет, всё мнит, будто прима. А Вера-то тебя по делу окоротила. Ее кухня — она там и хозяйка! Ну, если б кто-то да на твоих глазах у обожаемого лимонного дерева начал ветки обламывать, что бы ты с ним тогда сотворила, а?

— Я б этой сволочи лично все руки-ноги пообломала! — не уловив провокации в вопросе, подставилась жена.

— Что и требовалось доказать! Ну надо же, так мозги на передке и остались!

— Ты гляди-ка, как он здесь раскудахтался! Что ж тогда за жену не вступился, серо-засеристой дряннй пасть не заткнул? Значит, сам теперь и заткнись!

— Всю жизнь только этим и занимался... — подставился теперь муж.

— А ну, закрыл свой поганый рот! — выдала супруга коронное, еще в модельной молодости без запинки освоенное выражение. — Повторяю: я всё равно их разведу! Клянусь!

— Ума палата, да ключ потерян. Может, и мне тоже в разводки податься? Седина, знаешь ли, в бороду.. И блудницу приискать посвежее. Если сама сейчас же не закроешься! Бог ты мой, сколько ж я от тебя натерпелся! Но семью сына трогать не смей! Слышишь? Иначе сядешь старухой у разбитого корыта!

Бывшая модель скривила выразительно напомаженные губы и уставилась в окно, решив в поездной обстановке перещадать внезапный «бунт гарнира», а уж дома разобраться с благоверным по полной программе...

И еще об особенностях нечастых прослушиваний «песнярского» полонеза в семействе Ласточкиных. Примерно за неделю до очередного Роман уже начинает злиться и тщетно мечтает: а вдруг Вера да и забудет о своей дурацкой причуде? Когда же наконец звенящие голоса стартуют под традиционно накрытый для этого особого вечера стол, безуспешно терзается во всевозможных догадках, инстинктивно пытаюсь связать с а капелла прямо-таки неиссякаемое бабушкино наследство, изводит себя мыслями о воображаемом пресупевающем любовнике жены... В итоге же постепенно и раздражительно выпивает под ненавидимую им теперь мелодию львиную долю «Дербента» КВ. Вера, сидя рядом с Коленькой и держа на коленях блаженствующего Миклеога, всякий раз строго ограничивается лишь тремя рюмками марочного спиртного.

А из колонок музыкального центра меж тем льются обвоорожительные, гибкие и красочные звуки, переполняющие сердце:

*К своим корням вернуться должны,
К спасению души обязаны вернуться...*

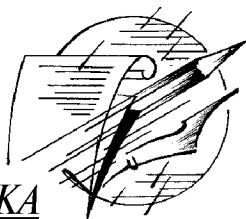
г. Ростов-на-Дону

ВОЙНА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Как известно, война с гитлеровской Германией шла не только на полях сражений, но и в радиозфере. В этих невидимых баталиях принимал участие узкий круг посвященных. Однако от их оперативного мастерства во многом зависел успех на фронтах. На эту тему в СССР в 1975 году был снят 5-серийный телефильм «Вариант «Омега». Сюжет картины вкратце таков.

В оккупированный нацистами Таллин весной 1942-го приезжает ас немецкой разведки барон Георг фон Шлоссер (его роль исполнил Игорь Васильев). Задачу ему поставили архисложную: создать постоянный канал для продвижения дезинформации непосредственно в Ставку Верховного Главнокомандования. Соскучившийся по настоящему делу, барон с азартом берется за выполнение задания.

Для начала он засылает в советский тыл двух агентов с таким расчетом, чтобы их легко вычислила советская контрразведка. Параллельно в самом Таллине люди Шлоссера пытаются вычислить советского разведчика и склонить его к работе на Германию, чтобы через него регулярно под-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

брасывать Москве искусно сфабрикованную «дезу». Впрочем, ничего из этого не вышло: канал по продвижению дезинформации так и не был создан. Более того, в результате сложнейшего интеллектуального поединка Георга фон Шлоссера с советским разведчиком Сергеем Скориным в исполнении Олега Даля сам барон в финале картины оказался в роли вербуемого.

Основная сюжетная линия фильма основана на реальном историческом материале. В годы войны и советские, и немецкие спецслужбы провели не один десяток радиоигр — различных по степени сложности и продолжительности. Многие из них до сих пор остаются тайной за семью печатями. При этом обе стороны старались не только выведать истинные замыслы противника, но и подsunуть ему заведомо ложную, но убедительную информацию о своих собственных планах. В этом многолетнем поединке двух достойных противников победу одержали советские спецслужбы.

К этой теме мы еще вернемся, а пока посмотрим, насколько точно главные герои телефильма соответствуют реальным историческим персонажам.

У Сергея Скорина нет прямого прототипа. Однако некоторые его черты явно списаны с известного советского разведчика Александра Демьянова. К тому времени, когда началась работа над фильмом, с Демьянова уже был снят гриф «совершенно секретно», и детали некоторых операций с его участием стали известны. Например, тот факт, что в советских оперативных документах Демьянов проходил под псевдонимом Гейне, сценаристы фильма — Николай Леонов и Юрий Костров — прекрасно знали и даже обыграли его в одном из эпизодов. Неслучайно для шифровки своих радиограмм советский разведчик Скорин использовал томик стихов немецкого поэта Гейне. А Георг фон Шлоссер прокомментировал это следующей фразой: «Запрещенный Гейне. Любопытный выбор для кода».

Кстати, и внешне Олег Даль, исполнивший роль Скорина, был похож на Александра Демьянова. Правда, не столько чертами лица, сколько аристократичностью манер, благородной внешностью, умением расположить к себе собеседника. Демьянов, как известно, происходил из дворян, долгое время проживал за границей, безупречно владел немецким и несколькими европейскими языками. Происхождение Сергея Скорина в фильме обходится стороной, зато упоминается его филологическое образование и увлечение немецкой литературой. Кроме того, из контекста зрителю становится известно, что еще до войны Скорин в течение долгого време-

---

ни жил в Германии. В Москве он оказался зимой 1942 года, когда перешел линию фронта. С этого эпизода, собственно, и начинается фильм. А летом того же года Скорин снова был переброшен за линию фронта в оккупированный немцами Таллин, где по сюжету и разворачиваются основные события фильма.

Александр Демьянов также побывал в тылу врага с ответственным заданием советского командования. Случилось это в феврале всё того же 1942 года. Причем, и Демьянов, и Скорин целенаправленно искали встречи с немецкими разведорганами, дабы донести до противника информацию, нужную советскому командованию. Разница лишь в том, что киношный Скорин сделал так, что немцы до последнего момента считали, будто это они вычислили советского агента, а Демьянов сам явился к немцам и рассказал им о существующей в Москве подпольной церковно-монархической организации, лояльно настроенной по отношению к третьему рейху.

Никакого подполья в Москве, разумеется, не было: всё это — плод фантазии советских разведчиков. Однако Демьянов оказался настолько убедительным, что в Абвере ему поверили и после нескольких месяцев проверок и обучения забросили обратно в советский тыл с заданием активизировать антисоветское подполье и с помощью его членов организовывать диверсии на объектах промышленности и транспорта.

В течение года Демьянов, получивший у немцев оперативный псевдоним «Макс», морочил противнику голову и так преуспел в этом деле, что даже был представлен германским командованием к ордену с мечами за храбрость. Любопытно, что примерно в это же время советский разведчик Александр Демьянов, или «секретный сотрудник Гейне», также был представлен к высокой правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Непосредственный начальник Скорина — майор государственной безопасности Николай Симаков — явно был списан сценаристами фильма с легендарного советского разведчика Павла Судоплатова. Как раз в тот период времени, который показан в фильме, Судоплатов носил петлицы майора госбезопасности и занимался организацией диверсий в тылу врага. С этой целью в составе НКВД СССР в начале 1942 года было создано специальное подразделение — 4-е (зафронтовое) управление. Именно его сотрудники, например, раздобыли информацию стратегического значения о подготовке немцами наступления летом 1943 года в районе Курс-

---

кой дуги. А всего же за годы войны сотрудниками зафронтальной разведки было передано в Центр более четырех тысяч сообщений различной степени важности. Руководил этой грандиозной работой Павел Судоплатов. В фильме «Вариант «Омега» этот талантливый советский разведчик выведен в образе Николая Симакова. Его роль исполнил Евгений Евстигнеев.

Теперь о немцах. Образ барона Шлоссера, как и Сергея Скорина, по всей видимости, собирательный. Причем, в его взглядах и манере поведения явно прослеживаются типичные черты старой немецкой военной аристократии. Ее представители, как известно, без особого восторга относились к Гитлеру и фашистскому режиму. Впрочем, пока дела у нацистов шли успешно, эта неприязнь не шла дальше кулуарных разговоров. Более или менее серьезные действия в виде покушения на Гитлера последовали лишь летом 1944 года, когда всему миру стало понятно, что третий рейх обречен. Вот и в фильме «Вариант «Омега», как мы помним, отец Георга, старый генерал в отставке, поругивает у себя в имении нацистов и называет одного из них — штурмбанфюрера Маггиля — не иначе как лавочником. В окружении генерала даже слуги имеют на сей счет вполне однозначное мнение. Вспомним, с какой неохотой один из них подчиняется распоряжению Георга фон Шлоссера называть Маггиля не Францем, а господином штурмбанфюрером. «А раньше ваш батюшка его даже на порог своего дома не пускал», — не без горечи изрекает по этому поводу слуга.

Да и сам Георг на протяжении всей картины старается всячески дистанцироваться от нацистов и их идеологии. У него тоже нет особого повода для любви к режиму: в 1940 году его доклад о военном потенциале СССР не пришелся по вкусу нацистскому руководству, и барон был отправлен в отставку. Долгие два года он стрелял уток в отцовском имении и мечтал о настоящей работе. И только весной 1942-го ему представилась, наконец, отличная возможность применить свои таланты разведчика в конкретном деле.

Эта коллизия между старой немецкой аристократией и новой властью показана в фильме достаточно точно. На всем протяжении сюжетной линии Георг фон Шлоссер и «мясник» Маггиль, дослужившийся до чина штурмбанфюрера СС, противопоставляются друг другу. И это сравнение явно не в пользу «мясника». Вообще в советском кинематографе о Великой Отечественной войне достаточно четко прослеживается эта линия: отделить военную разведку Абвер от прочих нацистских институтов и организаций. В советском кино

сотрудники Абвера никогда не совершают преступлений против человечности, всегда выступают как профессионалы своего дела, частенько порывают с нацизмом и даже переходят на сторону СССР. Да и Нюрнбергский трибунал на этот счет высказался однозначно: среди организаций, признанных международным судом преступными, военная разведка Абвер не значится...

Наверное, поэтому таким же обаятельным профессионалом своего дела показан в фильме и другой представитель Абвера — фрегатен-капитан Александр Целлариус. В отличие от прочих персонажей это реальное историческое лицо. В Абвере фрегатен-капитан, или подполковник в переводе на общевоинские звания, Целлариус возглавлял специальный разведорган «Ревель». В фильме «Вариант «Омега» его именуют Абвер-командой. Иногда можно встретить и другое название: «Бюро Целлариуса». Сначала это «бюро» дислоцировалось в Финляндии, а затем, после оккупации Эстонии, перебазировалось в Таллин.

В задачу Целлариуса входила организация глубинной разведки и терактов в советском тылу. Особенно интересовали немцев Архангельск и Мурманск, поскольку именно туда доставлялось большинство грузов по ленд-лизу. В первые месяцы войны немецкая авиация пыталась нанести нашим северным портам максимальный урон, но когда выяснилось, что эти попытки малоэффективны, основной упор немцы сделали на организацию диверсий.

С этой целью под чутким руководством Целлариуса в окрестностях Таллина еще осенью 1941 года были созданы специальные разведшколы, где готовили агентов для заброски в советский тыл. Летом 1942-го таких школ было три. В одной из них и побывал главный герой фильма барон фон Шлоссер, когда подыскивал подходящую кандидатуру для своей операции. Располагалась школа в местечке Кейла-Йола неподалеку от Таллина, на берегу Балтийского моря. Официальное название — «Лагерь №2». Когда-то, до революции, здание принадлежало семейству Бенкендорфов: здесь находилась их усадьба. А после Великой Отечественной войны в здании разместили Дом офицеров. Правда, к 1970-м годам здание сильно обветшало, и в кадре появляется совсем другое, похожее на бывшую усадьбу. Однако некоторые сцены фильма все-таки снимали непосредственно в тех местах, где в реальности в годы войны располагались немецкие разведывательные школы.

Дальнейшая судьба Целлариуса оказалась куда более удачной, чем у его шефа адмирала Канариса. Он избежал ареста

летом 1944 года после неудачного покушения на фюрера и продолжил службу в разведке. А после войны неплохо устроился в западной Германии и даже выполнял особые поручения новых германских властей.

Внешне Целлариус выглядел весьма импозантно: высокий, статный, в эффектной военно-морской форме... Таким он показан и в фильме «Вариант «Омега». Роль фрегатен-капитана в картине исполнил эстонский актер Пауль Кальде.

А теперь несколько слов о реальном противостоянии советских и германских разведслужб в годы войны.

Первую крупную радиоигру с немецким Абвером наша контрразведка начала еще в 1942 году. Цель игры — подбрасывать противнику дезинформацию, а заодно вычислять вражеских агентов на своей территории. В результате умело спланированных мероприятий в руки советских контрразведчиков угодили 23 немецких шпиона. Но самое главное — немцы поверили в правдивость той информации, которую им регулярно подбрасывали, и стали полностью доверять своему агенту по кличке Макс, не подозревая, что тот работает на советские спецслужбы.

Летом 1944 года Макс, он же Александр Демьянов, передал немцам сообщение о том, что в белорусских лесах бродят разрозненные группы солдат и офицеров вермахта, стремящихся прорваться через линию фронта. Абвер заинтересовался и попросил Макса собрать более подробную информацию о численности этих соединений и их боевом потенциале. Очевидно, германское командование решило использовать их для проведения диверсий в советском тылу. Этим обстоятельством тут же воспользовались советские контрразведчики.

Уже через несколько дней была сформирована специальная группа чекистов, которую перебросили в район реки Березина, той самой, где зимой 1812 года потерпела фиаско «великая армия» Наполеона. Офицеры этой группы исполняли роль немецких военнослужащих, оказавшихся в окружении. Согласно легенде командовал ими подполковник Герхард Шерхорн. Это — реальный немецкий офицер, бывший командир полка. В район Березины его специально доставили из лагеря для военнопленных. А чтобы фриц не выкинул какой-нибудь фокус, при нем неотлучно находился офицер советской контрразведки, в совершенстве владевший немецким языком.

Итак, операция под кодовым названием «Березина» началась. 18 августа Макс сообщил своему немецкому «начальству» о том, что случайно вышел на контакт с попавшей в

окружение воинской частью. Немцам подробно рассказали, в каком тяжелом положении оказались «окруженцы», о наличии большого количества раненых, о нехватке оружия и продовольствия. А чтобы рассеять все сомнения, в немецкий разведцентр передали биографические данные подполковника Шерхорна.

Немцы клюнули на приманку и пообещали регулярно снабжать «окруженцев» оружием и специалистами по диверсионному ремеслу. И действительно, в ночь на 16 сентября 1944 года, в районе озера Песочное в Минской области, приземлились на парашютах первые посланцы Абвера. Их встретили и отвели в «штаб части». Все выглядело настолько натурально, что никто из немцев ничего не заподозрил. По их словам, группой Шерхорна заинтересовались на самом верху. Гитлер и Геринг пообещали сделать всё возможное для ее спасения. Дело в том, что Гитлер лично знал Шерхорна: отец подполковника, крупный немецкий промышленник, еще в конце 1920-х активно помогал нацистам деньгами.

Вскоре Абвер забросил в советский тыл еще двух офицеров — врача и военного летчика. Затем транспортные самолеты Люфтваффе доставили «окруженцам» 8 радиостанций и оружие. А еще через неделю в советский тыл были заброшены восемь офицеров дивизии «Бранденбург» — элитной диверсионно-разведывательной воинской части. К счастью, их удалось вычислить и задержать в прифронтовой полосе. Никто из них не успел передать в эфир ни одной радиограммы. А чуть позже кое-кто из заброшенных агентов вышел в эфир, но уже под контролем чекистов.

Операция «Березина» продолжалась вплоть до мая 1945 года. Советские войска штурмовали Берлин, а немцы всё еще лелеяли надежду, что отряд Шерхорна сумеет с помощью диверсий в советском тылу как-то повлиять на обстановку на фронте. И только после войны, когда были рассекречены некоторые советские архивные документы, немецкие историки с удивлением узнали о том, что никакой воинской части под командованием подполковника Шерхорна в белорусских лесах никогда не было, а всё это — результат радиоигры, умело проведенной советской контрразведкой.

Помимо активной помощи несуществующему отряду Шерхорна в конце войны фрицы предприняли еще одну авантюру — вознамерились убить Сталина. Забегая вперед, отметим, что секретная операция по ликвидации советского лидера закончилась, так и не успев толком начаться, — помешали советские спецслужбы. Однако в Берлине до последнего надеялись на успех своего предприятия, даже не подо-

---

зревая, что немецкие агенты, заброшенные в советский тыл для организации покушения, давно выходят в эфир под контролем «Смерша».

Началось всё с того, что рано утром 6 сентября 1944 года в районный отдел УНКВД по Смоленской области поступила информация о подозрительной парочке, которая разъезжает на мотоцикле и интересуется ближайшей дорогой на Москву. Вскоре опергруппа, поднятая по тревоге, задержала мотоцикл, за рулем которого находился мужчина в кожаном летнем пальто с погонами майора. Рядом с майором в мотоциклетной коляске сидела женщина в форме младшего лейтенанта.

Представившись, начальник опергруппы потребовал у майора документы. Тот предъявил удостоверение заместителя начальника отдела военной контрразведки «Смерш» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта Петра Ивановича Таврина. Проверив документы, сотрудники НКВД незамедлительно связались с Москвой и вскоре установили, что никакой Петр Иванович Таврин в военной контрразведке 39-й армии не значится. Майор и его спутница были тут же арестованы и доставлены в Москву.

На Лубянке выяснилось, что до 1939 года Таврин носил фамилию Шило и проходил по документам НКВД как злостный расхититель социалистической собственности. В 1930 годы его трижды арестовывали, однако каждый раз ему каким-то чудом удавалось бежать из-под стражи. В 1939 году, подделав документы, он поменял фамилию с Шило на Таврина, под которой вскоре был призван в Красную армию. Летом 1942 года Таврин перешел на сторону врага и дал согласие на сотрудничество с германскими спецслужбами.

В течение последующих двух лет Таврин сделал у немцев блестящую карьеру и заслужил репутацию преданного разведчика. А потому именно Таврину летом 1944 года руководством 6-го управления РСХА (внешняя разведка) была поставлена задача: проникнуть в Москву и организовать покушение на Сталина. Для этого, помимо поддельных документов и крупной суммы советских денег, Таврина снабдили пистолетами с комплектом отравленных и взрывных пуль, а также специальным аппаратом под названием «панцеркнаке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему. Этот «панцеркнаке» можно было незаметно спрятать в рукав пальто и использовать, например, на улице во время прохождения правительственного кортежа.

В инструкции Таврину подробно расписывалось, как следует себя вести, чтобы установить полезные связи с техни-

---

ческими работниками Кремля, обслуживавшими руководителей государства. Особое внимание в инструкции уделялось знакомству с женщинами — стенографистками, телефонистками, официантками. Таврина даже снабдила специальным препаратом, который при подмешивании в напитки вызывал у женщин сильное половое возбуждение, что следовало использовать в интересах порученного дела.

Что касается задержанной вместе с Тавриным дамы, выяснилось, что она с ноября 1943 года являлась его женой и по совместительству агентом немецкой разведки. Впрочем, в конкретный план операции ее не посвящали. Она готовилась для переброски в советский тыл только в качестве радистки.

Радисткой она действительно поработала. Только против своих бывших хозяев. Дело в том, что, арестовав Таврина и его жену, советская контрразведка тут же начала радиоигру с немецкими спецслужбами под кодовым названием «Туман». Под контролем смершевцев супруга Таврина регулярно отправляла радиোগраммы, в которых подробно сообщала о том, как они с мужем выполняют поставленную задачу.

Все было настолько убедительно, что руководители германской разведки до последнего момента надеялись, что не сегодня-завтра Сталин будет убит, и фортуна отвернется от русских.

Всего же за годы войны советская контрразведка обезвредила около 3,5 тысяч немецких диверсантов и свыше 6 тысяч агентов-парашютистов. 80 вражеских агентов, захваченных с рациями, стали работать под контролем чекистов. Таким образом, противнику регулярно подбрасывалась «деза», что во многом повлияло на ход военных действий.

Например, в мае 1943 года советская контрразведка с помощью перевербованных вражеских агентов убедила немецкое командование в том, что на Курском выступе сконцентрировано огромное количество советских войск. Для немцев это стало последним доводом в пользу того, чтобы начать летнее наступление 1943 года именно на Курском направлении, дабы окружить советскую группировку и уничтожить ее. На самом деле численность советских войск под Курском была сильно завышена. Зато на Орловском и Белгородском направлениях Красная армия действительно создала мощную оборону, истинных масштабов которой противник до последнего момента даже не представлял. На некоторых наиболее опасных участках советская оборона простиралась на сто и более километров в глуби-

---

ну. В результате немцы, начав наступление 5 июля, уже через неделю полностью выдохлись и были вынуждены сами перейти к обороне.

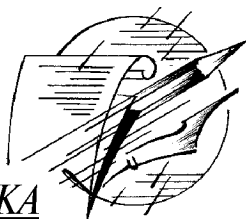
Зимой 1944 года во время боев на Правобережной Украине наши спецслужбы подбросили противнику дезинформацию о том, что в районе Корсунь-Шевченковского советские войска не намерены предпринимать серьезных наступательных операций. Немцы, поверив, приостановили начавшееся было контрнаступление. Тем самым советское командование получило возможность перебросить на этот участок фронта дополнительные силы и стремительным броском замкнуть кольцо окружения. Тогда в «котле» под Корсунь-Шевченковском оказались десять немецких дивизий. Все они были уничтожены.

И такие примеры не единичны. Как видим, то, что не удалось сделать киношному барону фон Шлоссеру, в реальности сделали сотрудники советских спецслужб. Их потрясающее оперативное мастерство достойно всяческого уважения и восхищения.

ЗАБЫТЫЕ СТАЛИНСКИЕ УДАРЫ...

«...Сталин имел колоссальный авторитет не только в России. Он умел «приручать» своих врагов не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него несравнимо больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией... Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено. А Сталин не уйдет в прошлое: он растворится в будущем». Это высказывание генерала Шарля де Голля, великого политического деятеля Франции, датировано 10 марта 1953 года, на следующий день после весьма торжественных, но сверхскоротечных похорон Сталина, через 3 дня после его «официальной» кончины...

Уже сопоставление этого мнения и столь быстрого «распрощания» со Сталиным показывает, насколько чуждыми были его политика и его личность для тех, кто клялись в те мартовские дни в вечной верности «нашему вождю и учителю». Как и в решимости приумножить беспримерные политические, экономические, социальные достижения сталинского периода. Уже 21 марта 1953 г. союзный Со-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вмин навсегда отменил реализацию почти всех промышленных и других экономических проектов последних пяти лет сталинского времени.

О многочисленных достижениях сталинской эпохи в СССР и за рубежом изданы в буквальном смысле горы историографической, справочной, художественной литературы. Вероятно, именно поэтому продолжается — подчеркнем — с середины 50-х кампания по шельмованию личности Сталина, по дискредитации или, как минимум, по замалчиванию тех выдающихся достижений. Зато ошибки, неизбежные в процессе столь уникального и столь же географически масштабного создания, возлагаются сугубо на Сталина.

Всё это неувидительно. Поскольку Сталин и его эпоха в корне противоречат тому, что уже не первое десятилетие происходит в экономике, социальной сфере, да и в общественной морали в нынешней России и большинстве экс-соцстран. Как и в общемировой экономике и геополитике.

Еще более поражало Запад то, что означенные успехи СССР были достигнуты его собственными силами и в считанные годы после беспримерно разрушительной Великой Отечественной войны. Кордел Хэлл, в 1933—1944 г. госсекретарь США, весьма точно определил роль руководителя СССР в той войне, в экономическом созидании страны, да и в мировой геополитике: «Сталин — удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями, умением схватывать суть сложнейших практических вопросов — военных, хозяйственных, других. Он среди тех немногих лидеров, на которых возложена такая ответственность, какой не будет знать ни один государственный деятель».

Схожую оценку 7 марта 1953 г. высказал генералиссимус Чан Кайши, глава (в 1937—1949 гг.) Китая (и глава «некоммунистического» Китая на Тайване в 1950—1975 годах): «Генералиссимус Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции. Внутренняя и внешняя политика сталинской России обусловлена стремлением Сталина укрепить ее державный статус, обеспечить ее глобальные интересы. Эти задачи в основном решены, но что будет в СССР после Сталина — большой вопрос». Ответ известен...

Да, 10 сталинских ударов Красной армии 1944 года вошли как в отечественную, так и в мировую военно-политическую историографию. Но нелишне напомнить экономические и идеологические сталинские удары по империализму и его колонизаторской стратегии. Не только ввиду их бессрочной актуальности, но и потому, что они почти замалчивались советской пропагандой даже до небезызвестного XX съезда

КПСС. А потом и вовсе были сфальсифицированы или, по современной терминологии, забанены: достаточно упомянуть пресловутое постановление ЦК КПСС (30 июня 1956 г.) «О культуре личности», где сказано об «...ошибках Сталина, особенно в последние годы его жизни». Но именно в 1947—1953 гг. было реализовано большинство антиимпериалистических антиколониальных ударов. Если вкратце:

— во-первых — это формирование антидолларового политико-экономического блока социалистических и развивающихся стран, стартовавшее с создания Совета экономической взаимопомощи и с планов его интеграции с постколониальными странами — подчеркнем, не только с «просоветскими»;

— во-вторых — это «отвязка» рубля от курса доллара в пользу обязательного, притом растущего золотого содержания рубля;

— в-третьих — это укрепление платежеспособности рубля не за счет роста зарплат и пособий, способствующего обесцениванию денег, а посредством ежегодного, а то и дважды за год снижения розничных цен и тарифов;

— в-четвертых — это содействие окончательной победе социалистической революции в Китае и оперативное — пока не опомнился империализм — создание военно-политического союза с КНР с беспрецедентным содействием ее социально-экономическому развитию;

— в-пятых — это более четкий государственный курс на укрепление стержневой роли России, русской истории философии, культуры, русского языка в политико-идеологическом и межнациональном единстве СССР, в сплочении всех соцстран, что было теоретически обозначено прежде всего в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.);

— в-шестых — это творческое развитие политэкономии, опровержение безальтернативности госсобственности при социализме. С включением национального суверенитета и патриотизма в идеологический базис коммунистических партий («Экономические проблемы социализма в СССР», 1952 г., выступление на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 г.);

— в-седьмых — это кратчайшие сроки освоения атомного оружия, водородной бомбы и создание технических средств для адекватного ответа НАТО в связи с ее официальными планами ликвидации СССР оружием массового поражения;

— в-восьмых — это создание ГДР вслед за предотвращением западногерманского поглощения Восточной Германии и Восточного Берлина ввиду спровоцированного Западом «Берлинского кризиса» (1948—1949);

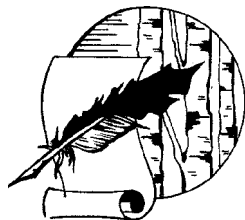

— в-девятых — это военно-политический союз почти со всеми соцстранами Европы, что предопределило последовавший (в 1955 г.) Варшавский договор;

— в-десятых — это возвращение Польше ее обширных исконных регионов, издавна оккупированных Германией (как и возвращение Чехословакии и Литве их исконных экс-германских регионов — Судет и балтийской Клайпеды), и воссоздание Австрии с гарантированным ею дружественного СССР нейтралитета.

Это, ко всему прочему, и военно-политический союз с не-социалистической Финляндией наряду с советским военным форпостом там (прибалтийская база Порккала-Удд). Воссоздание российских (экс-японских) военных форпостов в Порт-Артуре и на Дальнем Востоке (Китай) в статусе их советской аренды.

Подавляющее большинство этих сталинских ударов, как известно, были впоследствии упразднены или, что еще хуже, трансформированы в ущерб СССР и его союзникам. Как говорил Мао Цзэдун Хрущеву: «Вы, прежде ни в чем не возмущавшие Сталина, теперь поливаете его грязью, даже с его обликом ведете борьбу. Это — путь к краху социализма у вас и там, где это повторяют ваши попугаи». Так и случилось...

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

Ольга Козловцева — плоть от плоти дочь Рязанской земли, потому и строки ее стихов просты, чисты и любовны: «Ты овей меня ветрами // И дождями напои, // Ты предутреннюю ранью // Озари пути мои...» Так просит она родную землю в своем стихотворении «Отчие края». В нём — свежая поэтичность и мудрая простота любящей дочери родного края: «В чистом поле только воля // Да нетронутая гладь. // Тороплюсь я: вот бы вволю // С вешним ветром погулять...»

Свободолюбивый характер Ольги Козловцевой тоже выпестован рязанским раздольем и ярко воплотился в ее стихах. Основа же ее творчества — православная вера. Именно она, эта неколебимая вера, помогает Ольге устоять порой среди одичавшей безнравственности и духовного падения. Строки ее стихов полны верой в Спасителя и оттого — уверенностью в спасение Родины и человека на ней: «Все в этом мире в Божьей власти, // Один Господь — Хозяин нам» — утверждает Ольга Козловцева. Мудрые слова!

Поздравляя Ольгу Козловцеву с юбилеем, надеюсь, что и читатели высоко оценивают ее творчество и желают ей новых творческих свершений.

Раиса Купавская, председатель Правления Рязанского регионального отделения Союза писателей России.

РАССВЕТ НА РОДИНЕ

* * *

Сестре Вере

Лишь сто верст от Рязани
Мне на юго-восток.
Там в тени привокзальной
Мой родной островок.

Поезд ход замедляет,
Набегает слеза —
В душу радость вселяет
Старый Ряжский вокзал,
Мост железнодорожный
И знакомый перрон...
Различить невозможно:
Это явь или сон.
И ступеньки считая,
Я на мост поднимаюсь,
Вот уж сорок шестая —
Взглядом вдаль устремлюсь.
И забьется невольно
Сердце трепетно так:
Вон блестит колокольня,
И раскинулся парк,
А вдали телевышка
За домами видна,
Вон черемуха вышла
Постоять у окна.
Соловьиные трели,
Стук железный колес,
Запах шпал и сирени —
Теплый ветер весенний
Мне из детства принес.

* * *

Мост над железной дорогой
Юность напомнил мою.
Я задержусь ненадолго,
Молча на нем постою.

Сердцу все так же отрадно
Слышать гудки поездов.
Сколько на мост и обратно
Сделано было шагов!

— Это в полжизни длиною, —
Кто-то тихонько сказал.
Словно считал их со мною
Наш опустевший вокзал.

Поезд со свистом промчится,
Ветром попутным гоним.

Хочется вольною птицей
Мне улететь вслед за ним.

В поисках истины маюсь,
В жизни одна суета —
То ли на мост поднимаюсь,
То ли спускаюсь с моста.

* * *

Где рассыпало небо
На поля изумруд,
Зорька бросила невод
В тихо дремлющий пруд.
Солнце на воду светит,
Улыбаясь слегка,
И запутался ветер
В кружевах лозняка.
Снова я отдыхаю
В заповедной тиши,
И о прошлом вздыхают
Вслед за мной камыши.
Мне светло и привольно
На родном берегу,
Глядят легкие волны
Каждый след на песке.
С тем же юным кокетством
Здесь кувшинки цветут...
Море нашего детства —
Светом залитый пруд.

ДОРОЖНЫЙ МАСТЕР

Мне восемнадцать только справили,
А я в начальниках уже.
Дорожным мастером направили,
Вся жизнь теперь — на вираже!
А Сапожок — поселок маленький,
Где по походке знают всех.
Я той весной в подшитых валенках
Месила там апрельский снег.
Мой первый день рабочий, помнится,

Прошел, не как учили нас.
Шофер небрежно бросил: «Школьница»,
И резко надавил на газ.
— Твоя контора там, курносая,
Где в поле крашенный вагон,
А рядом, вишь, щебенка в конусах,
И я возить ее должен.
И громко выдохнул: «Причалили,
Григорий, слышишь, выходи!
Привез я новую начальницу,
Давай, скаватор заводи!»
Григорий выполз из вагончика:
В одной руке пустой стакан,
В другой — кусок сухого пончика,
Глядит, как будто истукан.
Я брови черные нахмурила
(Да он, похоже, пропитой):
И ну орать, как злая фурия:
— Я вам тут мастер или кто?
За Гришей дверь тихонько скрипнула,
Как будто испарился он,
А я ему вдогонку крикнула:
— Теперь у нас сухой закон!
«Сухой закон» — на стенке крашеной
Я нацарапала пять раз,
И тут водитель ошарашенный
Залез под старенький «КамАЗ».

* * *

В храме мироточила икона,
Днем и ночью плакала она —
И по нашим, по земным законам
Этого причина не ясна.

Но на лик святой по Божьей воле,
Озарив прикрытые глаза,
С тихой благодатью, с благовоньем
Выступала светлая слеза.

Сквозь нее Блаженная Матрона
Пристально взирала на людей,

И они молитвенно, с поклоном
Кротко предстояли перед ней.

— Это на беду, — одни шептали,
— Это радость, — кто-то говорил,
А иные веру обретали
Перед Чудом, что Господь творил.

* * *

Рассвет на родине светлей,
Здесь небо ласковей и чище.
Средь милых и родных полей
Всегда душа покоя ищет.

Бежит навстречу ветерок,
В ладони падает прохлада,
И мне загадку трех дорог
Уже разгадывать не надо.

Какой бы я ни знала путь —
Всегда иду к родному дому,
Где тает сладостная грусть,
И солнце светит по-другому.

* * *

Я пойду на знакомую улицу,
И поныне родную до слез,
Где с рябинами ветер целуется
И срывает сережки с берез.
Где под вечер окошечко узкое
Зажигается, будто свеча,
И, как в юности нашей, без устали
Всё поют соловьи по ночам.
Только домик под старую крышею
Приголубить меня не готов:
Занавески чужие колышутся,
На калитке тяжелый засов.
Притаюсь за высокой оградой,
Полюбуюсь родимым гнездом.
Снова сердце и ранит, и радует
Этот милый родительский дом.

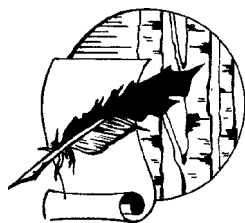
СЧАСТЬЕ

Всё в этом мире в Божьей власти,
Один Господь хозяин нам.
Моей семье послал Он счастье —
Три килограмма тридцать грамм.
И нам великой самой мерой
Измерить счастье суждено.
В нем всё: любовь, надежда, вера
Слилось в дыхание одно.
В нем столько нежности и силы!
В нем неба свет и свет Земли...
И в честь епископа — Василий —
Мы счастьем имя нарекли.
Рязанский наш первосвятитель,
Не отведи очей своих!
Святой небесный покровитель,
Храни дитя от бед земных!
Я славлю Бога всей душою
По вечерам и по утрам
За счастье самое большое —
Три килограмма тридцать грамм!

* * *

Слава Богу за всё!
За нетленность заката,
За рассвет, что надежду
Вселяет в сердца
И за то, что на свет
Родилась я когда-то,
И за то, что согрета
Любовью Творца!

г. Рязск Рязанской обл.

Ольга ГОНЧАРОВА
(1937 — 2004)

Ольга Александрована Гончарова родилась в селе Дегтярёвка Мглинского (ныне — Суражского) района Брянской области. Закончила факультет журналистики МГУ. Работала в Верхне-Волжском книжном издательстве, затем на кафедре философии Ярославского университета. Там же, в Ярославле, вышел ее первый сборник стихов «Семь камушков». В 2002 году в Приокском книжном издательстве вышла вторая книга стихов «Иная музыка».

Последние годы жизни О.А. Гончарова провела на родной Брянской земле.

В 2017 году в селе Дегтярёвка открыта мемориальная доска с именем О.А. Гончаровой. В том же году при содействии брянского землячества в Санкт-Петербурге в издательстве «Пересвет» вышла книга её стихов «Дорога, где ветер в лицо».

ШЁПОТ ДОЖДЯ

* * *

Что б ни пела, о чем ни тужила бы
и куда б меня ни занесло,
будешь биться под каждую жилкою
болью тихой ты, село.

Ты, на сотни других похожее,
с тем же ладом тех же речей,
ни проезжими, ни прохожими
не выдавшее москвичей.

А приехали — то-то бы ахали:
красотища!..

Но вот беда:

кузнецы твои, косари, пахари
растекаются в города.

Там делами ведают новыми
(отплатить тебе не успеv):

планетариями, столовыми,
отделениями СП...
И сама я — такая ж отступница:
взмах руки — и прощай-прости!
Привечай, столичная улица,
ты ж, село мое, хлеб расти
и не жги меня болью смутною...
Но лишь стихнет города гам,
теплым мороком сна окутана,
всё метаю, метаю стога!
И взлетают до неба синего
вороха душистой травы...
И разносятся песни сильные
по урочищам борovým...
И колышется стадо шумное,
и грохочут вальки на реке,
и ласкаются твари умные
теплой шерстью к моей руке...

* * *

Рисунок давний карандашный:
забор какой-то, сад и дом...
То я когда-то, третьеклашка,
над этим мучилась листом.
Хотел тут встать во всем величье
Синь-город на семи холмах,
хотели расцвести налличники
на всех домах и теремах.
А чтобы в город тот стоглавый
не смог проникнуть злой Кашей —
с конем и свитой у заставы
царевич в огненном плаще...
Но карандаш иное метил
не по незнанию ремесла.
Он метил горькие приметы
послевоенного села.
Заместо сказочного града
нестройно встали на листе
изба и ветхая ограда
попынь седая возле стен.
И не царевич с бровью тонкой,
не конь горячий под седлом —
на тощей бурой коровенке
пахала баба за селом.

Рывком на сошку налегала.
И по взерошенной шерсти
кнутом стегала и шептала:
«Уж ты, кормилица, прости!..»
О жизнь!
Других удач не надо,
но в трудных этих строчек вязь
врываешься со своею правдой,
как в тот рисунок ворвалась.

* * *

Лицо иконной черноты.
И лишь глаза — два полдня жаркие.
...А было:
дивной красоты
своей
стеснялась ты, Одарка.
Сказал:
«Таких вот в старину
На серых волках увозили...»
Сказал
и зашагал в войну
и где-то лёг в полях России.
На всех заснеженных проселках
его следы позанесло.
Совсем не сказочные волки
истошно выли за селом...
В неистовость и ярость рук
та горечь вылилась полынная,
а плакать было недосуг:
была работа лошадиная,
такая, что мужик-крепьш,
с тобой в возок однажды впрягшийся,
солдатский снял ремень:
«Шалишь!
Возьми, не то пупок развяжется».
И пал в траву, с натуги пьян.
...Где сила падала великая,
Одарка — бабий атаман —
ты шла, босая, темноликая.
Как жернова, вращались дни.
прямее плечи обозначивались:
а будь покатее они,
полегче б, может, беды скатывались...

То лихолетье за чертой:
всё пережито и забыто...
Лишь вот — иконной чернотой
лицо прекрасное покрыто.

* * *

Руки мои —
жестче ладоней не сыщешь.
Слово мое —
бритвы острее не сыщешь.
Взгляд мой —
так разве что плеткой стегают.
Сердце мое —
тверже камней не бывает.
Что ж ты к коленям прильнул
и твердишь-уверяешь,
что не бывает ласковой рук
и взгляда добрей не бывает?
Что ж ты с лица моего
твердости маску снимаешь
и, словно воск,
злючки-колючки сминаешь?
Если случится беда,
горькое горе нахлынет,
чем защищаться тогда
моей беззащитной гордыне?..

* * *

Поднялась я к древнему Казбеку
и, когда достигла высоты,
обратилась, словно к человеку,
вставшему над миром суеты.
И сказал рассерженно и гневно
в синих льдах сверкающий Казбек:
«Будь горянкой ты, тебя бы ввергнул,
Как отступницу, я в пену рек!
Женщина...
Слагали не о ней ли
гимны, что с тоскою пополам,
Пушкин, Данте, звонкий Руставели —
златоусты, равные богам!

Не о ней ли из глубин Востока
тянется шаири пышных нить!
Не забыла ль женщина до срока
древний и священный долг — любить?
Я — мужчина,
я учу лишь ратным
подвигам и верности мечу.
Мужеству любить, хоть, может, равное
ратному оно, я не учу.
Опустись в долину к Алазани,
что волной мне каждую верна,
попроси ее пропеть сказанья,
как горька любовь и солона.
Встречных женщин изучи обличье,
их глаза — сосуд скорбей людских,
поучись у них любви величию...
Да Волконских вспомни, Трубецких.
Да еще взгляни: там бард суровый
спит в земле, умолкнувший давно,
и над ним, родным тебе по крови,
дочь моя — скорбящая Нино...
Я гоню неверных. Лишь когда ты
песню долга вырастишь в груди,
чтоб звенела, как клинок булата,
сверить верность, что же, приходи!»

* * *

Вспоминаю тебя всё реже.
Ухожу от тебя всё дальше.
Впереди — потайные мережи
серых будней и скучной фальши.
Трачу скупо воспоминанья,
с каждым днем становясь скупее:
так про черный день сохраняют
сбереженную горсть копеек.
Так в пустыне под яростным солнцем,
задыхаясь от жажды смертной,
сохраняют на самом донце
теплой влаги глоток последний.
Берегу, чтоб, спасаясь от фальши,
прибегать к тебе, как и прежде...
Потому, уходя всё дальше,
вспоминаю тебя всё реже.

ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Невнятный шепоток дождя
на вымершем родном подворье,
вчерашних ран не бередея,
мои зашептывает хвори.
Шепчи, кудесник мой, шепчи,
кропи живой водою тело.
И душу влагой размягчи —
она во мне ороговела.
И пусть опять в моей судьбе
лепечет сад и бьются ставни,
и домовой ворчит в трубе —
жилец привычный, стародавний.
Но нет спасения душе,
былого тени не утешат.
И этот тихий дождь уже
с чернобыльской пылью смешан.
И старый добрый домовой
покинул мамину избушку.
И за расколотою вьюшкой
грохочет хаос мировой.

Валерий СЕРЯКОВ

Валерий Серяков родился в 1963 г. в п. Башмаково Пензенской области. Работал корреспондентом Башмаковской районной газеты, собкором «Пензенской правды», «Пензенских вестей». С отличием окончил МИИСП им. Горькина. Печатался в Пензенском литературном журнале «Сура», межрегиональном журнале «Поволжье», в газетах «Сельская жизнь», «Советская Россия», «АиФ».

РАСКАЗЫ

САША

При соборе я жил три месяца, практически всю зиму. Был в моей биографии такой эпизод. Напротив входа в храм есть административное здание, в одной из комнаток которого на втором этаже я и обретался. Ходил на службы по утрам, потом шел работать на стройку. Возвращался уже по темноте, как раз поспевая к вечерне. Потом ходил на богословские курсы, организованные для желающих прихожан, слушал интересные лекции.

Расположен храм в середине кладбища, и дорога к нему идет между рядами могил слева и справа. Крестово-купольный трехпрестольный собор, выстроенный в так называемом русском стиле, роскошен. Это довольно внушительное здание, которое видно почти со всех улиц небольшого областного центра. Над куполами, покрытыми совершенно потемневшей от времени медью, возвышаются шпили с золотыми крестами. С востока к храму примыкают три полукруглые аспиды, а с запада — звонница. Особенно красив собор ночью. Звезд в небе над городом из-за повсеместно горящих огней по-

ПРОЗА

чти невозможно разглядеть, но луна все-таки видна хорошо, и в ее свете храм сказочно красив. Еще прекраснее он в лучах прожекторов выглядывает во время снегопада. Как иллюстрация к сказке.

А вот сторожа снегопад не любили. Они ведь не только охраняли собор, но и чистили от снега территорию внутри ограды, весьма немалую. Механических снегоуборщиков тогда не было, и мужики утюжили асфальт скребками. Вечерами, когда в административном помещении никого не оставалось, мне скучно было сидеть в комнатушке, и я спускался к сторожу — пообщаться. Заодно брал в руки второй скребок, и вдвоем у нас дело шло пошустрее. Потом мы со сторожем пили чай в его коморке, разговаривали, и я уходил спать.

Сторожей было трое, они дежурили сутками по очереди. Особенно близко я сошелся с Сашей. Это был высокий, крепкого сложения мужчина лет 45, черноволосый, смуглолицый, темноглазый, казавшийся воплощением душевного и физического здоровья. Он из всех троих был самым серьезным. Очень основательный такой человек, обычно немногословный. Всё, что ни делал, — делал хорошо, снег убирал тщательно. Если, бывало, снегопад зарядит на всю ночь — он так и будет ходить со скребком до утра, пока не сдаст преемнику смену.

Так же старательно, как к работе, Александр относился к молитве. Вставал в комнатушке для сторожей с молитвословом перед иконами. Стоял прямо, как солдат. Крестное знамение накладывал четко, поклоны делал, как положено, и правила никогда не сокращал. В это время, конечно, ему было не до разговоров, и я заходил позже. Мы ставили чайник, приятель доставал конфетки. И за чаем у нас шла беседа. Говорил больше я. Саша охотнее слушал. Чего в нем не было совершенно — это какой-то экзальтации, склонности к фантазии. Про веру он ничего не говорил, беседы на теологические темы не поддерживал. У него был совершенно рациональный склад мышления. Тем более интересным показался мне его рассказ.

Я знал, что у Саши двое детей. Зарплатка у него была небольшая. Священником стать он не собирался. Спросил его как-то:

— Саша, а как ты тут оказался, почему работаешь при соборе, а не на заводе каком, где побольше платят?

Он задумался на минутку и ответил вопросом:

— Тебе с самого начала рассказать? Ну, слушай...

Я в свое время работал на часовом заводе в гальваническом цехе. Производство вредное, да по молодости об этом не

задумываешься, а зарплата была очень неплохая. Но от химии здоровье у меня пошатнулось. Да и пил я крепко тогда, честно скажу. В семье из-за этого скандалы, ссоры постоянно происходили. Нажил язву. Однажды вечером открылось внутреннее кровотечение. «Скорая» увезла, меня откачали, полежал в стационаре. Но заболел я серьезно. Просто как будто сила из меня стала выходить, слабел день ото дня. В Бога я тогда не то, чтобы не верил, — не интересовался духовными вопросами абсолютно. Мама у меня верующая, в церковь на каждую службу ходила, а я, маленький, с ней в храме бывал. А повзрослел — не стал ходить. Единственную молитву знал, бабушка в детстве научила — «Богородице Дево, радуйся».

Однажды ночью приснился мне удивительный сон. Пришел ко мне Николай Чудотворец. В зеленом облачении, с крестами на плечах — вот в точности, как на этой иконе. Говорит: «Саша, я тебе помогу. Но ты должен навсегда бросить пить и начать ходить в церковь». Проснулся я в изумлении. Никогда в моей жизни никаким чудесам места не было. И в сны я не верил, конечно. Но радость на душе, помню, была такая! С того дня я выздоравливать начал очень быстро. Через месяц где-то и следа от моей хвори не осталось. В церковь не пошел, но с питием завязал. Три года не пил.

Собрал я сорокалетний свой юбилей. Жена говорила, мол, 40 лет не отмечают — примета плохая. Но я в приметы не верю. Гостей было немного, человек десять. Друг детства, с которым не виделись долгое время, подарил бутылку какого-то шикарного коньяка с тремя звездочками. И так мне его захотелось попробовать, что прямо перед собой поставил на стол бутылку, чтоб другие не открыли. Жадность какая-то в душе проснулась, ни с кем делиться не хотел. Откупорил я бутылочку и плеснул в рюмочку грамм 50. Потом еще. Три рюмочки всего за вечер. Я их и не почувствовал.

А ночью у меня случился приступ. Тахикардия, пот холодный, руки-ноги затряслись, как в лихорадке. Увезли на «Скорой», попал в реанимацию... В этот раз влип я серьезней некуда. С работы уйти пришлось, по дому передвигался с клюшкой. Голова кружилась постоянно, таял я, как свеча. На неделе по два раза «Скорую» вызывали. Жена измучилась со мной. Попросил ее отвезти меня к маме на какое-то время. Честно говоря, не хотел умирать при детях. У мамы я лежал целыми днями, ни на что не было сил.

Болезнь меня настолько измучила, что решил я уйти из жизни. В загробный мир не верил, думал — убью себя, и все страдания окончатся. Вопрос встал только: каким способом.

Повесился бы, но маму жалко стало. Она ж верующая, а самоубийц в церкви не отпевают, панихид по ним заказывать нельзя. И мама не просто потеряет сына, она ведь будет плакать, что я в аду буду мучиться вечно. Как ей с этим жить?

И пришла мне в голову идея. Купить литр водки, выпить — и умереть... Пошел я по дому денежки искать. Тут посмотрел, там. И падает мой взгляд на стол, на котором Новый Завет мамин лежит открытый. Подхожу и читаю первую же строку: «Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют...» Первое послание к коринфянам, шестая глава, десятый стих. В жар меня бросило. Это ведь меня так же отпевать не будут, мама будет мучиться... Что же делать?

Вечером приезжает жена. Говорит: «Саша, к нам в город приехала какая-то женщина-экстрасенс, биоэнергетик очень сильная. Лечит людей, многим помогает, говорят. Не хочешь попробовать?» Не верил я в эту чушь совершенно, но утпающей хватается за соломинку. Взяли такси, прикатали в какой-то клуб ведомственный, где эта целительница арендовала зальчик. Очередь отсидели на прием. Экстрасенс оказалась женщиной в годах уже. Глаза умные, взгляд пронзительный, как рентген. Поводила руками надо мной. Поставила диагноз: брешь у меня, оказывается в защите, и энергия из меня уходит. А у нее, как она сказала, дар от Бога такие вещи лечить. И она со мной «поработала». Ни одному слову не поверил, но я себя реально намного лучше почувствовал после ее «сеанса». Начал я к целительнице ездить, деньги возить. На второй раз мне стало лучше уже ненамного, на третий — почти не помогли бабкины манипуляции. И на душе после каждого сеанса у меня возникали тревога и страх беспричинный. Даже не знаю, что хуже — хворь или вот эта депрессия, когда ничего не радует. Да и денег надо было много платить, а у меня никаких запасов уже не осталось. Опять тупик какой-то...

И тут бабуля мне делает выгодное предложение: «Саша, у меня скоро намечен большой семинар. Приедут ученики, пациенты. Мне нужен помощник — принимать людей, рассаживать, и всё такое. Не хочешь мне помочь? А я с тобой за это бесплатно буду работать». Конечно, я согласился.

Наступил день семинара. Народу действительно прибыло много, в основном болящие. Бабушка всех рассадилась за столы и начала лекцию читать про свой исцеляющий дар, про то, как Бог через нее действует. Я слушаю, и меня опять охватывает беспричинный страх. Доходить стало до дурной головы немножко, что бабулька — не просто говорун с каки-

---

ми-то туманными способностями, а реально опасный человек. Наконец, она объявляет людям: «Вы потому не можете исцелиться, что ваши просьбы до Бога не доходят. Между вами и Богом находится сатана, и он ваши молитвы перехватывает. Сейчас я каждому из вас дам секретный код, и вы будете молиться так, что сатана не будет вас понимать, а молитвы прямо в небеса будут подниматься». Ходит она, бормочет что-то на ухо каждому. И потом говорит: «Молитесь!» И что тут началось! Кто захрюкал, кто залаял, кто завыл. Многие на четвереньках стали бегать. А бабуля упивается этим зрелищем, торжествует прямо. Дикая ужас мной овладел. Вот тут-то я и вспомнил единственную молитву, которую знал. Сажу в углу и быстро-быстро лепечу про себя: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших...»

Вдруг бабка поворачивается ко мне, лицо перекошено от злобы, глаза горят. Кричит: «Саша, прекрати мне мешать! Что ты делаешь? Уходи! Вон отсюда. И подумай над своим поведением, если еще захочешь ко мне попасть!» Вышел я — и пошел, шатаюсь, вдоль по улице на негнущихся ногах. Не на что больше, вроде, мне было надеяться. Но иду и повторяю молитву, и страх уходит, а в душе возникает такое спокойствие, которого я уже и не испытывал с того времени, как болеть начал. Физически почувствовал, что пока ее произношу — ничего мне не может сделать злого колдунья эта, и вообще ничего плохого со мной не случится. Стал я ее читать и читать. Проснусь — читаю, хожу — читаю, делаю что-нибудь — читаю...

Раз ночью, уже у себя дома, мне приснился сон. Огромный изумрудно-зеленый луг с прекрасными цветами. Прямо через него ко мне лежит дорога. Слева и справа вдоль дороги стоят люди в белых одеждах со скрещенными на груди, как при причащении, руками, головы у всех склонены, а взоры опущены долу. И по этой дороге ко мне идет очень красивая женщина. Я боюсь сказать, что это была Богородица. Потому что кто я такой, чтобы мне Царица Небесная являлась? Но если это была не сама Она, то я точно понял, что от нее. По всей видимости, за то, что я всегда читал молитву. Женщина подошла ко мне и сказала: «Саша, я полечу тебя так, как тебя еще никто не лечил. Но ты должен начать ходить в церковь. И никогда больше не пить спиртного». Она прямо через виски вставляет мне ладони в голову, потом резко разводит их в стороны. В этот момент я просыпаюсь от ослепительной вспышки и боли, как будто в голове граната взорва-

---

лась. Боль сразу же проходит, и у меня от радости душа поет. Бужу жену, говорю: «Мне в храм надо!» Она говорит: «Ну, не сейчас же, среди ночи...» — «Хорошо, с утра».

Утром она с работы отпросилась и повела меня в этот собор. Я прилив сил чувствую, бежать хочу. Только зашел в храм — как меня начало ломать, тошнить, колбасить! Думал, умру. Выйду на улицу — сразу проходит всё... Зайду — опять... Но тут уже понятно было, что делать. В соборе служба ежедневная, каждый день стал добираться. Сначала приучил себя в притворе стоять, затем в трапезную заходить ненадолго, потом научился всю службу выстаивать. Дошло и до исповеди, и до причастия. По монастырям начал ездить, к старцу попадал. Много на душе у меня мусора накопилось, долго выгреть пришлось.

А собор для меня — это дом мой второй. Денег всех не зарабатываешь. Нам хватает...

Я ВЕРЮ!

С Женей мы трудились вместе в областной газете, и относились друг к другу с симпатией, хотя принадлежали к разным возрастным категориям: Евгений был постарше меня лет на двадцать пять, опытнее, мудрее. Вообще, предшествующее поколение журналистов формировалось в условиях гораздо более жестких, нежели мы — акробаты пера эпохи возрождения капитализма. Жизнь научила старших товарищей перепроверять факты прежде, чем публиковать, аргументировать выводы и быть готовыми отвечать за свои слова. И если я в журналистике был, скорее, случайным человеком, то мой коллега, напротив — настоящим газетчиком, выбравшим работу в прессе осознанно и делавшим ее профессионально.

Работали мы с Женей в одном жанре, можно сказать: оба писали охотнее всего очерки о людях. Только я, в силу молодости и темперамента, строчил субъективные, эмоциональные зарисовки, а он — объективные, добротные статьи. Не боялся Евгений заступаться за людей через газету, отстаивать их права, иногда даже наживая неприятности на свою голову. Обостренное чувство справедливости у него было — так можно сказать.

Так как мы трудились собкорами, каждый по месту своего проживания, в разных районах — встречались редко: только в редакции на общих собраниях. Поэтому я был очень рад, когда однажды Женя позвонил, что придет по делам в наш райцентр и, ежели возможно, у меня переночует. Я встретил

его на вокзале, мы пошли ко мне домой. Потом Евгений весь день ходил по каким-то своим делам, а вечером, когда вернулся, мы, наконец, сели за накрытый стол на кухне. Конечно, я поставил бутылку горькой, но Женя попросил:

— Слушай, можно я не буду водку пить?..

Поэтому злодейка с наклейкой отправилась на свое место в холодильник, а я стал разливать по чашкам чай. Евгений сказал:

— Валер, ты уж извини. Ненавижу я ее... Вся жизнь моя под откос пошла из-за этой дряни.

Я немного удивился. В ту пору множество знакомых журналистов поддавало хорошо. Это не упрек, не поклеп — просто факт сам по себе. Но за Женей ничего такого я не знал и спросил чисто из вежливости:

— Что, проблемы были с этим делом?

— Да не у меня лично. У сына. Ты что, не слышал, какая у меня беда?

— Жень, прости, не в курсе. А что случилось?

— Посадили. Восемь лет...

Он помолчал немного, взвешивая, стоит ли рассказывать, а потом продолжил:

— Жуткая история вышла. Он один у меня. Моя, наверно, вина, что упустил я сына. В общем, пить сынуля начал еще со школы. А после армии уже конкретно спиваться стал. Ни на одной работе не держался. Постоянно в какие-то истории влезал, и я его вытаскивал. А из последней уже не в моих силах было...

Пили они летней ночью с двумя друзьями в нежилом заброшенном доме на краю поселка. Мой вообще смутно помнит, как в это здание попал, его уже пьяного позвали самогонку откусать. А в помещении он после первого же стакана сразу вырубился, и спал мертвым сном. Ребята веселились, шумели, песни пели. Кто-то из соседей вызвал милицию. Наряд приехал, всех упаковали. Но в соседней комнате оказался труп. Бомж какой-то убитый. Не из их компании. Все трое клялись, что понятия не имели о покойнике в доме, они в другую половину и не заходили. Однако судили их. Знаешь, я не думал, что так всё серьезно. Ну алкаши они, ну раздолбаи. Но не убийцы же? До последнего полагал, суд окончится тем, что оправдают дураков наших. Приговор был — как гром среди ясного неба. Одному дали 6, другому 4, а моему все 8 лет.

Писали мы кассационные жалобы, пытались оспорить приговор. Но получали отказы. В общем, сидеть моему сынуле еще много лет. А я даже подохнуть не могу себе позво-

---

лить, потому что должен его дожидаться, как-то попытаться воткнуть на работу, помочь устроиться в жизни. А здоровья нет уже ни шута...

Жалко мне было коллегу страшно. Хороший человек, справедливый, порядочный. Я его знал всегда таким веселым, оптимистичным. А сейчас увидел — ссутулившимся, раздавленным, поникшим. Понимал, что ничем не могу его утешить, поддержать. Сказал только:

— Женя, иди в церковь. Молись. Бог поможет.

Он ответил грустно:

— Валер, к сожалению, я атеист. Не верю совершенно. И рад бы бога попросить помочь, но знаю, что его не существует, а самого себя не обманешь...

Где-то несколько месяцев спустя после нашего разговора я приезжал в областной центр. В прессе тогда уже не работал, но по старой памяти, бывая в городе, всегда заходил проведать свою бывшую наставницу, начальницу отдела писем — любимую мою Татьяну Дмитриевну. Она была моей крестной мамой в журналистике. Пра-пра-правнучка декабриста, интеллигент в десятом поколении, Татьяна Дмитриевна читала музыку по нотам, как я слова по буквам, разбиралась в опере и театре. Но при всем том, являлась скромнейшим человеком, с огромным сердцем, добрейшей, отзывчивой душой. Вечно она всем помогала, о ком-то хлопотала, чьи-то проблемы решала. Во мне души не чаяла, называла меня Валерушкой и носилась со мной, как с каким-то хрустальным мальчиком. Встречаясь, мы не могли расстаться. Пили на кухне у нее в квартире чай — и разговаривали, разговаривали. Никогда не говорили о пустяках — зарплате, ценах, политике. Ни разу такого не было. Мы говорили о Пушкине, Моцарте, интересных книгах, новых театральных постановках...

Вот и в этот приезд я зашел к Татьяне Дмитриевне в гости. Она была очень рада меня видеть. Мы пили чай и вспоминали минувшие дни, работу в редакции, коллег и друзей. Татьяна Дмитриевна спросила:

— Валерушка, а ты слышал, что у нашего Жени случилось?

— Да, знаю. Он был у меня в гостях как-то, рассказывал. Сын у него сидит, Вы про это?

— Постой, ты, вижу, не знаешь окончания этой истории! Сейчас расскажу. С полгода назад я встретила с Женей на Пушкинской, он приезжал по каким-то делам. Погуляли, поговорили. Он мне рассказал, как сына арестовали, суди-

---

ли, приговорили... Я ему сказала: «Женя, я не могу ничем тебе помочь. Но дам совет один. В эти дни у нас в городе проходят торжества по случаю прославления в лике святых святителя Инокентия. Его мощи в раке сейчас выставлены в Успенском соборе, и каждый желающий может зайти и приложиться к ним. Когда прославляют святого, ему нужно молиться, и очень часто бывает, что по просьбам молящихся совершаются чудеса. Пойдем с тобой вместе в собор сейчас и помолимся святителю о твоём сыне».

И мы пошли в храм. Очереди не было, мы сразу подошли, приложились. Валерушка, как Женя молился! Он стоял на коленях перед ракой, упершись в нее лбом, и рыдал, как ребенок... Из собора Женя ушел на вокзал, а я пошла домой.

Миновало месяца три. Иду я как-то в магазин за продуктами. И вдруг слышу крик: «Таня! Я верю!» Оборачиваюсь — Женя бежит ко мне и кричит на всю улицу, так что прохожие оборачиваются: «Таня, я верю! Таня, я верю!» Подбежал, обнял меня. «Таня, я верю!» — всё повторяет. Мы с ним прогулялись, и он мне рассказал. Деталей я не поняла толком, не разбираюсь в таких делах. В общем, без всяких действий с его стороны, буквально через несколько дней после того, как мы в соборе были, где-то какая-то произошла плановая проверка. Дело Жениного сына рассмотрели и увидели, что он не виноват ни в чем. И его освободили, судимость сняли. Он уже дома. И они с отцом сейчас в церковь ходят оба...

А я сказал:

— Татьяна Дмитриевна, а Вы помните — Женя, когда работал, всегда за справедливость воевал, вечно за кого-то заступался? Пришла пора — и за него нашлось кому заступиться...

РАССКАЗ БАБУШКИ

Идем с отцом хмурым зимним утром по пробитой грейдером посреди улицы колее, а навстречу, вырастая из тумана, домики плывут. Деревня называется Каменка. Название редкое: сотни на Руси Каменок, больших и маленьких. Село как село. Школа. Администрация. Мостик через крошечную, летом по колено воробью, а зимой промерзающую до дна речушку Раевку. Улица без названия с ветхими, вросшими в землю домишками. В окошечках обитаемых жилищ горит свет, из труб струится веселый дымок. Покинутые, брошенные людьми строения мрачно косятся исподлобья на прищельцев черными пустыми глазницами выбитых оконных проемов. Чужих они не любят, а своих не ждут.

Почти в конце улицы, на небольшом взгорочке — крохотный, примерно, два на два, домик с маленьким огородиком. На низкой пологой шиферной крыше — метровый слой снега. А к дому протоптана узкая тропиночка. Проходим с папой к двери, он стучит. Женщина из администрации наказывала: «Постучите — и не уходите. Баба Катя не сразу откроет. Подождите». Ну, понятно. Хозяйка не может быстро подойти. Бабушке 105 лет. Ждем...

Наконец, дверь приотворяется. Она, видимо, и не была закрыта ни на какой запор. В проеме — маленькая, хрупкая фигурка в бесформенном, до полу, коричневом платье. На голове у бабушки — белый старомодный чепец со сборчатыми полями. Голосок тихий, как шелест ветра, приглашает: «Проходите». Мы проходим за хозяйкой в избу. Она идет не медленно — обычным шагом. В малюсенькой, с потолком прямо над нашими головами каморке — печка, кровать, столик, три стульчика и табуреточка посреди комнаты. На табуретке — сталинская круглая электроплитка с открытой спиралью. В чугушке на плитке варятся какие-то грибы.

Стена, расположенная напротив двери, сверху донизу полностью покрыта иконами. На прилегающей к ней стенке — тоже несколько икон и много старых, коричневых от времени фотографий в деревянных рамочках. У нас в деревне тоже так вот было принято вывешивать на парадном месте в избе фотографии — хозяев дома, предков, родственников.

Я рос с иконами, люблю их очень. Не сказать, что разбираюсь, но немножко представление о них имею. На поверхностный взгляд, «ценных» икон у бабушки нет. Деревянные — работы местных богомазов, многократно, совсем не профессионально «поновленные» настолько, что о первоначальном изображении можно только догадываться. И — кустарные поделки в коробках эпохи развитого социализма: фотографии-рисунки черно-белые, раскрашенные анилиновыми красками, убранные фольгой и искусственными цветами. Помните?

Баба Катя жестом показывает на стулья. Мы с папой усаживаемся к столу напротив окна, сама хозяйка садится сбоку на свой стульчик. Поля ее чепчика настолько большие, что закрывают пол-лица, глаз не видно совсем. Бабушка такая маленькая и хрупкая, что кажется бесплотной, и непонятно, имеет ли смысл ее о чем-то спрашивать, поймет ли она, о чём спрашивают, сможет ли ответить. Папа задает все же несколько вопросов. Баба Катя отвечает, тихо и односложно.

— Бабушка, ты в каком году родилась?

-
- В таком-то.
  - А где работала?
  - На дому.

Вопрос, который я сам собирался задать, да папа опередил:

- Баба Катя, про тебя говорят, ты верующая очень?

Бабушка поднимает голову, мгновенно преображается. Взгляд умный, пронизательный, ясный. И голос бабы Кати становится звонким, молодым:

— Я — да, верующая. А вы? Ты в Бога веруешь? — обращается она к отцу.

- Да сам не знаю, — честно отвечает он.

- Сынок, а ты верующий?

- Да!

— Так вот я кого ждала сегодня! Родной ты мой! — радостно восклицает бабушка. Она протягивает руку и дотрагивается до моей головы: — А я с утра Псалтирь читаю — вижу, сегодня гость у меня будет. Я когда Псалтирь читаю — как бы предчувствую некоторые события иногда. Думаю — может, из Совета Катя зайдет. Она меня навещает. Но Катя неверующая, а придет кто-то верующий... Сынок, а ты и молитвы знаешь какие-нибудь? «Отче наш» знаешь?

- Знаю, баба Катя.

- Голубчик ты мой! И «Богородицу» знаешь?

- Знаю.

- Умница! И «Верую!» знаешь?

- Да.

Она хочет привстать из-за стола, но я опережаю, встаю сам и подхожу к ней. Бабушка кладет мне ладошки на локти:

- Сыночек! Золотой ты мой. Вот кого я так ждала!

Так радовалась мне, наверное, единственная женщина на свете — моя бабушка. Я наклоняюсь и бережно прикасаюсь губами к ее чепчику. В глазах моих всё плывет от внезапно нахлынувших слез...

Вот так просто, незаслуженно, без паломничества в какой-нибудь далекий монастырь, без просьб, молений и постов, даровал мне Бог счастье увидеть в жизни святую женщину — бабушку Катю. Увидеть и услышать ее рассказ.

— Читать меня никто не учил. Не помню, чтобы кто-то буквы показывал. В школе дня не была. По Псалтири научилась лет с пяти, и читаю его всю жизнь. Евангелие, Деяния, Послания. Не было дня, чтобы не читала. В церковь ходила еще с младенчества...

Сказать, что баба Катя соблюдала посты, сколько себя помнит, — это еще неточно выразиться, наверно. Для нее по-

---

ститься — так же естественно, как дышать. Предложи ей съесть скоромное в среду или пятницу... Это, как мне бы, например, украсть автомобиль. Даром не надо — и всё. Мясa баба Катя не ела вообще всю жизнь.

— В этом доме я весь век свой прожила. Раз только уходила на месяц, когда сосед мне дом поджег, Царство ему небесное, — продолжает она, осеняя себя крестным знамением.

— Зачем поджег? — спрашиваю.

— Да я в храм ходила, а он не любил верующих. Но дом отремонтировать люди помогли, и вернулась назад... Я очень хилая была с детства. Болела всегда, легкие у меня слабые. В колхозе работать не могла, но очень хорошо научилась на машинке шить, швеей была. На дому шила, и этим кормилась. Кроме еды ничего за работу не брала. Денег мне нельзя в руках держать совсем. Как если прикоснусь к ним только — меня враг бьет. До нескольких дней худо мне потом бывало...

Папа переспрашивает:

— Какой враг?.. А, понятно...

Она продолжает:

— Да они и не нужны мне, деньги. Что покупать-то? По-есть — есть чего, и сейчас на огорожке сама всё сажаю, мне хватает. Одежду себе всегда шила. Зарплату, а позже пенсию отправляла в Фонд Мира. Заявление писала, чтоб сразу переводили, и чтобы мне в руки денег не брать. Тогда на церкви нельзя было послать — так чтоб войны не было. А затем уже стало можно на Храм Христа Спасителя отправлять, потом и на другие храмы...

Церковь я очень любила, на все службы ходила, не пропускала. Когда нашу закрыли — в Липовку ездили мы, там храм не закрывался никогда. А сейчас меня батюшки на дому посещают. У нас своей церкви нет, но на похороны отпевать людей или в гости к кому — приезжают священники из Башмакова, Липовки, с соседнего района и даже с Тамбовской области. Они все меня знают, обязательно заходят, причащают. На году несколько раз...

Революцию помню очень хорошо. Я уже взрослая была. Народ ликовал, люди по селу ходили с красными флагами и кричали все радостно: «Земля и воля!» А у меня на душе — тревога, предчувствие страшной беды какой-то. Хочу сказать «Земля и воля!» тоже, а горло сжимает — и не могу. И слёзы текут ручьями из глаз...

Очень мы, верующие, переживали, когда узнали, что Царя и его семью расстреляли. Среди людей ходили слухи, что это неправда, все они живы. На церковь гонения начались вско-

---

ре после революции. Но наш храм закрыли, а батюшку арестовали уже в тридцатых.

Баба Катя встает из-за стола, подходит к фотографиям на стене. Общая фотография нескольких священнослужителей в облачениях.

— Это владыка Тамбовский в центре, епископ Венедикт. Его арестовали, расстреляли. Это с соседнего села священник, он в лагерях погиб. Этого батюшку я тоже знала... Все, кто на этой фотографии, были арестованы, все погибли. Живой остался только наш отец Трофим, вот он. А это вот его отдельная фотография.

У отца Трофима лицо интеллигента: высокий лоб, четко очерченные линии рта. На батюшке доисторические очки с круглыми стеклами. У него удивительные глаза — широко открытые, умные и в то же время наивные, как у ребенка. Взгляд человека беззащитного и одновременно бесстрашного. Такие же глаза и у бабы Кати.

— Отца Трофима арестовали, матушку тоже. Ему дали 15 лет лагерей, отсидел он 13. И матушку осудили, отправили в лагерь.

Не помню точно, в каком году. Ноябрь стоял, холода наступили рано. Как раз на Казанскую вечером дело было. Стенело. У меня немножко муки имелось, я тесто на блины поставила ради праздника. А вместо сахара свеколку парила в чугушке. Вдруг — стук в окошко. И голос слышу: «Баба Катя, открой!» Открываю дверь. Мамочки мои! Отец Трофим на пороге стоит, дрожит весь от холода. В пальтишке осеннем, на ногах ботиночки на деревянной подошве, в руках чемоданчик.

— Баба Катя,пустишь?

— Батюшка, заходи!!!

Худой он был, бледненький...

— Баба Катя, можно я у тебя поживу?

— Да как же нельзя!!!

И стал отец Трофим проживать у меня. Спокойно жить власти ему не давали. Батюшку постоянно куда-то звали: то крестить кого-то, то отпевать, то венчать. Всё это тайно, уходил-приходил батюшка по ночам. Но шила в мешке не утаишь, докладывали на него. И замучили нас проверяющие. Приезжает очередной начальник, в дом заходит и начинает:

— Товарищ поп! На тебя сигнал опять. Такого-то числа в соседнем селе крестил, такого-то там-то соборовал больного. Было дело?

— Было... Вы понимаете... Я же священник, не имею право отказывать.

— В лагерь опять захотел?

— Это уж воля ваша...

Начальник пошумит, пошумит для остратки. Потом к делу переходит. На сигнал можно не реагировать, но... Бабка, у тебя масло есть? Масло давай, яйца давай, мясо — что есть, то и давай. А откуда это все брать-то? У соседей займешь, бывало...

Раз приехали двое из района. А у меня ни масла, ни яиц — ну ничего ценного вообще. Картошку в чугунке поставила, стою у печки, слушаю разговор. Они на отца Трофима надели:

— Ваши документы. Паспорт давайте сюда. Проедете с нами.

Меня взорвало прямо. Я вышла с ухватом в руках и говорю:

— Вы кто такие? Вы свои документы показали? Отец Трофим, ты кому паспорт даешь, может, это жулики какие. Вот вам — порог, гости дорогие, — и до свидания!

Они встали, смеются. Старший говорит:

— Паспорт мы заберем. Приедете за ним, батюшка, в райисполком, там и поговорим.

Я дверь загородила и говорю:

— Сейчас же верните документ батюшке! Иначе не уедете.

— И что ты нам, бабка, сделаешь? Ухватом будешь бить?

— Нет! — отвечаю. — Вы сейчас по улице пойдете, а я буду идти за вами и кричать на все село: «Помогите! Спасите! Караул!» Вам станет стыдно от людей — и вы отдадите паспорт.

Засмеялись оба. Старший говорит:

— Иван, с этой бабкой не договоришься! Отдай ему паспорт, пошли...

Отец Трофим был художник. Он рассказывал, что в лагере выжил за счет этого. Плакаты всякие писал, рисовал портреты начальников, их жен, детей. Ему дадут поесть что-то, хлеба буханку — он приносит в барак, там с друзьями делят на всех хлеб ниткой, еду поровну...

Приносили ему иногда иконы обновить. Тайно, конечно. Тогда образа в красных углах не ставили. После революции иконы уничтожали, в костры кидали. В школе окна ими заколачивали, парты из них делали. Мало у кого они остались, а у кого остались — хранились редко в хорошем месте. Приносят икону иной раз в страшном виде — топором изрубленную, ободранную, обугленную. Отец Трофим возьмет ее на руки, да расстроится весь до слез: «Родная ты моя... Да что же с тобой сделали... Ничего, голубушка, мы тебя поправим — будешь, как новая!» Вечером окна плотно зашторит, керосинку зажжет, краски достанет, сядет за стол:

— Баба Катя, ты спи. Я поработаю.

Утром покажет, что получилось, — я гляжу и не верю, что это та же самая икона, что вчера видела. Лучше новой!

Еще рисовал отец Трофим духовные ковры. Перед ними люди молились. Иконы боялись ставить, а ковры на стены вешали. Нарисованы на полотне пастух и стадо овец — всем понятно, что это Иисус Христос, Пастырь добрый. Или женщина с ребеночком на руках у ручья — это Богородица... Не осталось у меня ни одной иконы отца Трофима, ни одного ковра. Всё раздарила. Людям нравилось что-то, просили — отдавала. Пусть молятся...

Отец Трофим, сразу, как вернулся, стал письма посылать, в разные инстанции ездить. Нашел матушку свою, привез. Она раньше него отсидела. Оба у меня жили. Только прожил батюшка недолго — года три: больной весь возвратился, кашлял постоянно. Вскоре умерла и матушка.

А баба Катя прожила еще долго-долго...

БАТЮШКА

Чей это голос на улице? Кто с собакой разговаривает, а она на него не лает?

— Сержант... Какой красивый вырос. Старшиной тебя еще не сделали? — слышу голос гостя.

Собаку мою зовут «Сержант». Только отец Виктор, священник из Высокого, может вот так подойти и овчарку чужую погладить. Ставлю чайник на огонь и бегу к двери:

— Доброго здоровья, батюшка. Проходи, проходи, не развайся там. Проходи...

Отец Виктор дышит, где хочет. Спросишь: «Ты откуда?» Он ответит: «Из Чаадаевки. Рамы для церкви заказывал». В другой раз поинтересуешься: «Куда путь держишь?» — «В Нижний Новгород. Сейчас до Пензы, там на поезд». Попьет чаю — и в путь. Через неделю встретишь: «Был в Нижнем?» — «Был». — «Как до Пензы добирался?» — «На попутке. Бог послал...» Сын у него в Нижнем служит.

У него руки, как у кузнеца. Бесстрашен он абсолютно. Я к нему тянусь, как ко мне мой сынишка, хотя по возрасту он не намного старше. Батюшка немногословен. Больше слушает, чем говорит. Спросишь — ответит. Для него всё на свете просто и ясно.

Пьем чай с домашними булочками. Беседуем.

— Отец Виктор, меня так телевизор раздражает...

Он прихлебывает из чашки. Говорит:

— Выключи его.

— А вот есть у меня друг. С ним о душе заговоришь — он сразу спорить начинает.

— Не ходи к нему.

Он прикусывает булочку.

— Батюшка, как быть, если приходишь в гости, тебя скоромным угощают, а день постный?

— Обижать людей нельзя, поэтому не ходи в гости постом. Сиди дома. А коли пришел — ешь все подряд, не обижай хозяина. А то есть умники — спрашивают, постные ли булочки или в тесто сметану добавляли. Это — фарисейство.

Вот тут я и поймал его буквально дня через два. Заехал он в гости с матушкой в среду. Матушка Валентина — это ангел в женском облиции. Пока они с моей женой на улице разговаривали, мы с отцом Виктором вошли в дом. Спрашиваю: «Батюшка, блины будешь?» — «Да они у тебя на яйцах, небось». — «Сейчас узнаю», — говорю. Дверь открываю, интресуюсь у супруги: «Наташ, тут фарисей в гости зашел. Спрашивает, в блинах яички есть?» Ох и смеялись мы, громче всех отец Виктор! Даже матушка хохотала: «Батюшка, ты — фарисей? Ха-ха-ха!»

Раньше я очень спортом увлекался, железом. Отец Виктор не отрицает пользы для здоровья, однако сказал мне как-то:

— Ерунда это. Пустая трата времени.

И потихоньку я от серьезного спорта отошел. Так, время от времени балуюсь. Однажды я видел в музее меч. Длинной метра полтора, толщиной в палец и шириной в ладонь. Как наши предки такими махали? А ведь у них постов было больше, чем скоромных дней. Откуда энергия бралась? Отец Виктор мои сомнения разрешил:

— Лошадь одну траву ест, а она сильнее нас намного.

Про сигареты он так считает:

— Ну, вино хоть пьют, как воду, а дымом дышать или иглу себе вводить — это же противоестественно. Уродство.

С ним — спокойно. Мне не хочется его отпускать. Ну, куда он пойдет? Ночь скоро. Осень. Как он там на дороге будет стоять? Вдруг дождь хлынет?

Как представляю его на перекрестке бесконечных российских дорог... Иногда вдруг мне покажется, что из нас двоих не он старший. И будто он бесстрашен оттого, что беззащитен. Если бы кто-то обидел, я тому нехорошему человеку голову открутил бы. Но он встает из-за стола, читает благодарственную молитву, и эта иллюзия исчезает. В стареньких ботинках он уходит из Башмакова, ему надо в Нижний Новгород.

Я уже точно не помню, как мы познакомились. В селе Высоком жители решили восстанавливать церковь. Владыка прислал отца Виктора. Вот я и встретился с ним в полуразрушенном храме. Крестов, куполов на церкви не было, внутри лежали трубы, доски. Крепкие руки батюшки были перемазаны раствором, и если бы не ряса с засученными рукавами, я и не выделил бы его среди других мужиков. Он водил меня по церкви, рассказывал:

— Как начали мы окна освобождать, прямо под куполом раздался такой злобный свист, вроде змеиного шипения. Мужики испугались. Злился враг, гнездо тут свил... Знаешь, я рад, что восстанавливаем церковь с нуля. По крайней мере, никто не упрекнет, что на готовое приехал. Бывает, начинают одни люди, заканчивают другие. Ссорятся, спорят. Это оттого, что человек мнит о себе, думает: «Вот я церковь строю». А мы ничего сами не строим. Господь возводит, мы присутствуем.

Работником батюшка оказался истовым. Он церковь отстраивал своими руками, таскал кирпичи, воровал бревна вместе с нанятыми, а когда нанимать было не на что, один вкалывал. Сейчас, приезжая в Высокое, я даже вспомнить не могу, как выглядел храм в доисторическую эпоху.

Однажды я застал батюшку лежащим под машиной — ремонтировал он ее тоже сам. Помню, потом матушка поила нас чаем с медом, а батюшка рассказывал:

— Вот как здорово. Бог послал. «Нива» с кузовом. На ней можно и кирпич привезти, и цемент.

На машину он смотрел только как на подсобное средство для стройки. Я спросил:

— Это твоя собственная?

— Да можно и так сказать. Я сам себе не принадлежу вообще-то, наверное, и про машину нельзя говорить, что она мне принадлежит...

А потом он ее продал. И говорит:

— Как без нее хорошо стало, спокойно. Идешь куда хочешь. Ни ремонтировать ее не надо, ни бензин покупать. Бог забрал...

На днях он заезжал. Рассказал мне притчу одну. Я человека обидел, вроде за дело. С батюшкой поделился. Он засмеялся:

— Знаешь, один монах все к кузнецу приставал: «Откуй мне вериги». Тот к настоятелю пошел, спросил: «Отковать или нет?» Настоятель посоветовал: «Он к тебе придет, ты его ударь по левой щеке и сам увидишь, нужны ли ему вериги». Пришел монах к кузнецу, тот ему — хлоп по щеке. А монах ему в ответ так поддал, что кузнец ходить не мог. Я тоже за

собой знаю: вспыльчив бываю. Сначала ударю словом, а потом жалею. Никого не считай ниже себя — вот и не обидишь никого.

Я спросил:

— Ну как там твоя церковь?

— Приедешь — увидишь. Всё Бог посылает потихоньку. Диву даешься. Вот только подумаешь: где бы гвозди взять? Вдруг человек приезжает: «Батюшка, тебе гвозди не нужны на церковь? Я вон ящик привез...»

А мне засмеяться хочется. Недавно встретил человека из Высокого. Он в церковь не ходит, другом батюшки его никак не назовешь. И он мне сказал:

— Батюшка наш отмочил: машину продал, а на эти деньги церковь оштукатурил...

Спросить об этом стесняюсь. Он скажет: «Бог послал» или отшутится.

Он встает и уходит пешком в свое Высокое. А темнеет скоро... А тучи ходят низко-низко...

Не верьте тому, что пишут о наших батюшках московские газетки, интернетные блогеры, выключите телевизор, если он о них лжет. Их гонят те же самые люди, что травили церковь. Только раньше боролись с «опиумом для народа», а сейчас борются за «чистоту церковных рядов». Священники гонимы за Христа, по Его же слову: «Гонимы будете за имя Мое». Не повторяйте клеветы на них, не оскверняйте уст хулой на них, даже если сто лжесвидетелей будут гнать на них пургу. Идите в церковь Божию, слушайте батюшек, смотрите им в глаза. Вы сами увидите, что это за люди.

Мне посчастливилось знать многих священников. Они разные. Кто строг, кто ласков, кто начитан, кто прост. Но подавляющее большинство — люди чистые, светлые. Они жизнь свою Господу отдали, и до того, чтобы понять это, нам порой очень и очень далеко.

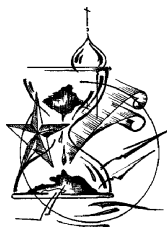
п. Башмаково Пензенской обл.

НАРОД, НЕ ПРИЗНАВАЕМЫЙ ВЛАСТЬЮ

Меня потрясла фраза простой русской крестьянки, которая, увидев недавно в своей деревне немецких туристов, пригласила их к себе в хату «попить молочка» со словами «Заходите, немчики, мы же с вами воевали!» Это вовсе не показатель некоего «рабства духа». Русский народ в силу присущего ему христианского всепрощения и подлинной, а не показной толерантности не раз за историю Руси становился жертвой своей доверчивости. И только убедившись в том, что за добро ему платят злом, брался за оружие и громил коварного врага. В силу той же ментальности и в заботе, как бы сказали сейчас, об «имидже» России у нас привыкли смотреться в зеркало Запада: а что там про нас скажут?

В плену иллюзий

За многие сотни лет противостояния с русофобским Западом можно было бы окончательно убедиться в том, что зеркало это кривое и в объективном восприятии России нам заведомо отказано. наших лидеров там под-

РУССКИЙ ВОПРОС

держивают только тогда, когда видят в них своих «троянских коней», способных взорвать изнутри крепость по имени Русь. Самый яркий тому пример — это номенклатурный недоумок Михаил Горбачев, которого «мировая закулиса» провела на мякине и использовала по полной для развала СССР в обмен на мишуру почетных титулов, орденов и званий. Увы, не только история его предательства, но и вся наша история подтверждает, что искушение признанием либерального Запада остается в России неодолимым.

Историк В. Шамбаров, замечая, что Николай II был слишком мягок в обращении со своими политическими врагами, которые одновременно были и врагами России, пишет: «Россию губили не самодержавный «деспотизм», а, наоборот, слабость и беззубость власти. Царь слишком часто пытался найти компромисс, договориться с либералами, чтобы не произошло кровопролития между правительством и частью обманутого либералами и социалистами народа. Для этого Николай II увольнял преданных монархии, порядочных, компетентных министров и вместо них назначал или непрофессионалов, или тайных врагов самодержавной монархии, или мошенников». Все повторяется, не правда ли?

Владимир Путин в своем выступлении на заседании Совета по правам человека (СПЧ) сказал, что в результате осуществления ленинского плана строительства «новой России», теперь «мы не можем понять, что делать с Бутовским полигоном и как выстроить там работу, чтобы люди не забыли, кто там лежит в земле».

Для того чтобы понять, почему вся Россия по воле Ленина, Троцкого и их подручных была превращена в огромный расстрельный полигон наподобие Бутовского, надо вспомнить о том, каковы были движущие пружины российских революций 1905 и 1917 годов и последовавшей за этим Гражданской войны в России.

Революции 1917 г. в России и почти одновременно с ними вспыхнувшие красные путчи в Германии и Венгрии, в других странах Европы были продолжением и завершением «Весны народов» — буржуазных революций, разрушивших столетние монархии и целые государства. Финансировавший эту «Весну» крупный финансовый капитал использовал тогда для захвата мировой власти не только свою «закулису» в виде масонских лож и тайных еврейских орденов, но и Первый Интернационал К. Маркса и Ф. Энгельса, где задавали тон те же логи и ордена.

Большевики, выступившие под стягом марксизма, воспринимали Россию как базу для подготовки мировой рево-

---

люции по Марксу, Троцкому и Ленину. Сословный геноцид и тотальное разрушение государственности сопротивлявшихся этому стран и народов были **предусмотрены** в этом страшном сценарии, а затем в топку мировой революции, не жалея, бросали миллионы долларов, фунтов, рублей и миллионы людей. Для этого огромная доля национального продукта Советской России уходила на поддержку реждвижений, компартий и разного рода «прогрессивных» режимов третьего мира. Русскому народу доставались в результате крохи, да и к тому же меньшие, чем другим народам России. К чему всё это привело — известно.

Говоря словами Александра Исаевича Солженицына, «мы докатились до Великой Русской Катастрофы 90-х годов XX века». Последствия этой русской катастрофы мы будем преодолевать еще не один десяток, а то и сотни лет, если власти предержавшие в России не осознают и не воплотят в политическую реальность идею русского национального государства. Сталин, начинавший свою карьеру с должности народного комиссара по делам национальностей РСФСР, только после Второй мировой осознал значение русского народа в укреплении, защите и сохранении государственности Советского Союза. Но и его запугали жупелом «русского шовинизма», чему примером останется в нашей истории позорное «Ленинградское дело».

Интернационалист-ленинец Сталин, как, увы, и нынешнее руководство России, так и не понял, что государствообразующий статус русского народа жизненно необходим не только для русских, но и для всех других народов России. Без этого она рано или поздно просто развалится по образцу 1991 года, растворится в том плавильном котле, в котором «мировая закулиса» готовится переплавить человечество в лишенных национальных корней манкуртов.

К сожалению, государственная политика последних лет в национальном вопросе идет в прямо противоположном направлении. Русские патриотические движения, национально-патриотические организации всячески подавляются (один из примеров тому — судебный процесс над руководителем Института русской цивилизации О.А. Платоновым), а на открытые вылазки националистов в российских автономиях власти смотрят сквозь пальцы.

На территории России проживают от 12 до 14 млн. иностранных граждан, из которых свыше 8,8 млн. не имеют легального статуса. По другим данным, их уже около 30 млн., и 15 млн. из них — нелегалы. В последнее время ситуация с притоком нелегальных мигрантов приобретает статус госу-

---

дарственной политики компенсации депопуляции. Вымирающих русских заменяют пришельцы. При этом, по данным Роскомстата, в стране насчитывается свыше 6 млн. собственных граждан, не имеющих работы и свыше 4 млн. бездомных. В последнее время наблюдается своеобразное «импортзамещение» наоборот — работающих граждан России заменяют специалистами-иммигрантами из бывших советских республик, которым платят в разы меньше, а россиян, особенно заслуженных ученых, врачей и учителей, воспитателей детсадов и яслей, принуждают тем самым к увольнению. Более успешной стратегии подрыва национального кадрового ядра и благосостояния трудно было бы придумать.

В Москве живет азербайджанцев больше, чем в Баку, а татар — больше, чем в Казани. К середине века мусульманском будет как минимум каждый четвертый россиянин. Можно ли гарантировать, что толкование мусульманских постулатов будет проводиться умеренными знатоками Корана? Практика показывает, что и ваххабиты сплошь и рядом маскируются под умеренных, но от этого терактов в стране меньше не становится. Едва ли не ежемесячно ФСБ раскрывает то подготовку взрывов в Москве и других городах боевиками, связанными с запрещенным в России ИГИЛ, то Росгвардия спешит разнимать поножовщину с русскими, устроенную исламистами на городской окраине. Дело дошло до того, что вроде бы умеренные мусульманские лидеры призывают убрать с герба России православную символику. Повсюду в России строятся новые мечети.

Не надо иллюзий, господа! То, что начинается с невинных разговоров о свободе совести и религиозной терпимости, заканчивается, как в Западной Европе, переживающей небывалое нашествие иммигрантов, призывами к «джихаду» и истреблению «неверных». Дело дошло до того, что в Татарстане ведущая местного телевидения назвала русских «окупантами» в открытом эфире, что есть экстремизм в чистом виде, но ее за это не только не отстранили от работы, а повысили в должности.

По заветам Ильича

В советские времена нам морочили голову по поводу того, что в СССР якобы сложилась «новая историческая общность — советский народ». При Хрущеве это пытались даже внести в Программу КПСС, но всё же не решились. Но о какой общности можно было говорить даже тогда, когда при всем строжайшем контроле над настроениями населения, на-

---

ционализм «туземных народов» в СССР процветал пышным цветом? Достаточно вспомнить, как в Узбекистане националистические банды в 1976 г. вырезали финками звезды на спинах русских ребят, которые по воле сердца приехали им помочь в беде — восстанавливать Ташкент после землетрясения. А кто бывал в Прибалтике в те же 70-е годы, или на Украине, или в Грузии, разве не встречался через раз с нежеланием аборигенов говорить на русском языке, который они прекрасно знали и знают до сих пор, как теперь выясняется. И всё это после распада СССР воплотилось там в официальную русофобию и нагнетание ненависти к русскому народу.

Российские власти тоже пытались изобрести нечто подобное «новой исторической общности». Так, выступавший на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в феврале 2004 г. в Чебоксарах президент РФ В. В. Путин сказал: «Еще в советские времена говорили о единой общности — советском народе. И были под этим определенные основания. Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации». Но нет для этого никаких оснований, как и никогда не было, если только формулировку г-на Путина не уточнить: «Российский народ является единой нацией при государствообразующей роли русского народа!» Вот в этом случае не было бы в «национальных» республиках, где «титупная» нация составляет меньшинство при русском подавляющем большинстве, таких местных органов власти, где в подавляющем большинстве представлен именно «титуп».

Только окончательно освободившись от национального нигилизма и русофобии, российским властям предрержающим действительно пора осознать, что Россия, как говорили классики, «может быть только государством русского народа или ее не будет вовсе».

Еще в начале XVIII века Михаил Ломоносов писал: «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа». А великий русский философ Николай Бердяев (1874—1948) сформулировал этот завет как лозунг: «Россия — для русских и по-русски!»

Заветы эти забыты, хотя попытки законодательным путем закрепить за русским народом статус государствообразующего народа предпринимались не раз после развала СССР. Так, еще в октябре 2006 г. комитет Госдумы по делам национальностей утверждал концепцию законопроекта «Об основах государственной политики в сфере национальных отношений в РФ». В первоначальном тексте законопроекта (ст.

---

16), внесенном группой депутатов фракции «Единая Россия», говорилось, что «русский народ признается государствообразующим народом, самоопределившимся на всей территории РФ», а органы госвласти всех уровней «обязаны учитывать потребности и интересы русского народа». Однако в конечном итоге понятие «государствообразующая нация» было изъято, как и положение об обязанностях госвластей. Вместо этого записали, что «русский народ составляет этническую, социальную, языковую и культурную основу РФ», а статья, ранее полностью посвященная русским, стала называться «Государственные гарантии равноправия народов РФ». В конечном счете документ так и не был принят — ни в первоначальном, ни в исправленном виде, хотя сам Путин в ряде своих выступлений называл русский народ «государствообразующим». Но дальше этого публичного признания очевидного факта дело не пошло. Это крайне характерно для понимания состояния умов российских властей предрежащих и народных избранников, как и понимания того, кто на них влияет.

Дискуссии по этому жизненно важному для русского народа вопросу не прекращаются. Есть немало разумных проектов конституционного оформления его государствообразующего статуса не формальности ради, не в целях лишения гражданских прав других народов России, а для самоутверждения русского человека, поддержания его духовного и нравственного здоровья, укрепления в нем веры в самого себя, в будущее русской нации и Русского национального государства. Такой статус — наилучшее средство поддержать в русском народе желание жить, чтобы он не закончил свой уникальный исторический путь коллективным самоубийством с помощью наркотиков, самогона и ядовитой палёнки. Но главное — русские, получив реальное законодательное и материальное подтверждение того, что они хозяева в своем доме, в своем национальном государстве, сами взяли бы всерьез за его укрепление и оздоровление. Тогда и вечный вопрос о создании гражданского общества в России решился бы сам собой. И всё это пойдет только на пользу и малым народам России. Если русские излечатся наконец от своей аномии (разложения общества), то создадут такое мощное и свободное национальное государство, стать гражданином которого действительно будут мечтать многие в современном мире.

Один из наиболее детально разработанных проектов давно назревшего закона о русском национальном государстве был опубликован еще в 2001 г. Согласно тому проекту Россия, в соответствии с международными стандартами, обяв-

---

лялась мононациональной страной, а русский народ — государствообразующим народом. Понятие «русская нация» приравнялось к понятию «русский народ». Авторы проекта по-своему использовали китайское понятие «хуацяо» — так обозначаются зарубежные китайцы, которые тем не менее признаются частью китайской нации. В проекте 2001 г. исходили из того, что «...русскую нацию (народ) составляют русские, являющиеся гражданами России, и русские, не являющиеся гражданами России, постоянно или временно проживающие за границей, как имеющие иностранное гражданство, так и лица без гражданства. Проект признавал разделённое состояние русской нации (народа) (ст. 6) и факт геноцида русских, который должен быть подвергнут историческому расследованию (ст. 13). Ст. 12 квалифицировала русофобию как преступление против государства и требовала преследования ее в уголовном порядке. Важным положением проекта была ст. 14: «Русский народ как государствообразующий должен иметь во всех органах государственной власти и органах местного самоуправления Российской Федерации квоты, соответствующие его удельному весу в составе населения соответствующей административно-территориальной единицы» (Национальная газета. 2001, № 4-5).

Конечно, редакция такого закона — дело не отдельных личностей и политиков, а предмет национального референдума. Вот там бы и выяснилось, готов ли русский народ взять на себя новые конституционные обязанности и новую историческую роль в Русском национальном государстве. Для этого необходим полный и радикальный пересмотр решений, законов и подзаконных актов, принятых ранее в интересах узкого (и нередко нерусского) меньшинства, прежде всего законодательства о земле и природных ресурсах. Давно назрел пересмотр законодательства о гражданстве с запретом лицам с двойным гражданством находиться на государственной службе, избираться в выборные органы, где сейчас десятки, если не сотни, обладателей иностранных паспортов и зарубежной недвижимости, не говоря уже о центральном телевидении и других российских СМИ.

Что касается Русского мира, то одновременно с признанием гражданами России всех лиц, русских по происхождению (в том числе по их желанию и свободному волеизъявлению всех, кто мог бы считаться «коренными русскими»), потребуются и жесткое законодательство о миграции — в интересах коренных народов, живущих на территории РФ. Нужны новые законы о культурной автономии и местном самоуправлении в любых формах (советы, церковные общи-

---

ны, сельские управы, казачий круг и т.д.), законы о сохранении местных обычаев, местных промыслов и многое другое. В том, что касается уголовного законодательства, то и оно должно быть пересмотрено с учетом национальных интересов русского народа.

Увы, такой подход в российских верхах не разделяют. Взгляд на «единую общность», высказанный Путиным еще в 2004 г., мало изменился.

Закон «О российской нации»

31 октября 2016 года Владимир Путин и тогда уже заместитель руководителя администрации президента РФ Магомедсалам Магомедов провели в Астрахани заседание Совета по межнациональным отношениям. В повестке дня было обсуждение Закона «О российской нации». Автором проекта этого закона выступил Вячеслав Михайлов, бывший и.о. заместителя министра ЦК КПСС, министр по делам национальностей и федеративным отношениям РФ. *«Разрабатываемый в настоящее время закон «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» будет переименован, — писал «Коммерсантъ». — Такое решение приняла рабочая группа по подготовке концепции законопроекта из-за «неготовности общества воспринять идею единой нации», объединяющей все национальности в постсоветской России. Видно, с учетом негативного восприятия самой идеи этого закона его разработчики объявили, что он может получить название «Об основах государственной национальной политики». Так спокойнее».*

Любопытно, что саму идею этого закона в России поддерживали только в руководстве Федерации еврейских обществ России (ФЕОР), а «за бугром» за его принятие принялась ратовать радиостанция ЦРУ «Свобода». С чего бы это?

«Учитывая, что и президент предложил переложить стратегию госнацполитики на язык закона, мы решили изменить его название», — пояснил руководитель рабочей группы по подготовке этого закона академик РАН Валерий Тишков, самый первый ельцинский «наркомнац». В российской этнологии его школа в последнее время доминирует, а в президентской администрации получила наибольшую поддержку, хотя в ученом мире Тишков в корифеях не числится. В 1979 году Тишков стал доктором исторических наук, защитив диссертацию «Освободительное движение в колониальной Канаде». С 1982 по 1992 год заведовал сектором народов Америки Института этнографии АН СССР, в 1989—2015 годах был

директором Института этнологии и антропологии РАН. После развала СССР пошел во власть и в 1992 году занимал должности председателя Государственного комитета по делам национальностей и министра по делам национальностей Российской Федерации. Он — руководитель Комиссии по толерантности и свободе совести. Входит в состав президиума Совета при президенте Российской Федерации по международным отношениям. С 2017-го, помимо множества других должностей, стал сопредседателем научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и международных отношений. С изучения канадских индейцев он переключился на «русский вопрос». Тишков считается одним из ведущих разработчиков нового Закона «О российской нации», проекты которого кочуют из года в год по всем ведомствам, вовлеченным в это дело.

Со второй половины 1960-х годов на Западе в социальной и культурной антропологии стали распространяться принципы социального конструктивизма. Эти веяния не минули и постсоветскую Россию. В исследованиях целого ряда ученых были подвергнуты критике традиционные подходы к трактовкам таких понятий, как «раса», «класс», «нация», «этнос», которые были охарактеризованы как политические и интеллектуальные конструкции. Академик В.А. Тишков, который сегодня занимает высший административный пост в официальной этнологии России, известен как сторонник конструктивизма. Представители этого направления отрицают само понятие «этнос» (Тишков В.А. «Забыть о нации» (1999), «Реквием по этносу» (2003) и др.). Этноссы расцениваются как фикция, «воображаемые общества», не существующие в реальности. Вместо понятия «этнос» В.А. Тишков предлагает распространенную в западной науке конструктивистскую концепцию «этничности», которая не имеет стабильных и обязательных признаков, может изменяться у индивида или у группы людей, а также может иметь множественный характер. Этот подход к национальному вопросу ведет к стиранию граней между традиционными понятиями в этнологии, в частности, таких базовых понятий, как «этнос», «национальность», «народ» и «нация». В своей основополагающей книге «Российский народ: история и смысл национального самосознания» Тишков признает «существование исторического Российского государства (Российская империя — СССР — Российская Федерация)», но не признает существования русского народа. «Мною предлагается, — пишет он, — дополнить общественно-политический и научный язык понятием «русский народ — нация» при со-

---

хранении использования категории «нация» в отношении этнических общностей страны (народов или национальностей). Такова общемировая практика, и России нет смысла изобретать велосипед по части использования категории «нация» (Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013).

В российском научном мире концепция В.А. Тишкова была принята небольшой частью ученых. Вместе с ним к этому приложил руку В.А. Шнирельман, сотрудник Института имени Н.Н. Миклухо-Маклая, наряду с В.Тишковым наиболее цитируемый исследователь по тематике «межэтнические отношения». Против конструктивистской, а, по сути, антирусской концепции Тишкова—Шнирельмана выступили не только многие этнографы, но и философы. В то же время отрицание понятия «этнос» было поддержано российской властью как «удобное идеологическое средство для борьбы с растущим национализмом, особенно с сепаратизмом национальных окраин».

В трудах Тишкова такое понятие, как «русский народ», вообще отсутствует, само его существование отрицается и подменено термином «российский народ». Под этим понятием подразумеваются все входящие в состав России народы и народности, что предполагает не только лишение права русских на статус государствообразующего народа в полном соответствии с «заветами Ильича», но и ликвидацию самого понятия «русский народ», который теперь, по мнению Тишкова, следует именовать исключительно «российским», а русских — исключительно россиянами. Аналогичным образом Тишков отредактировал понятие «Русский мир», включив туда всех эмигрантов из России после революции и из СССР, в том числе советских евреев, выехавших на ПМЖ в Израиль. Этот «научный» профиль академика Тишкова позволяет понять, какой закон «О российской нации» он и его коллеги готовят русскому народу.

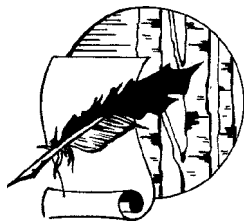
Суть нового Закона «О российской нации», который, к счастью, пока не принят, сводится, как уже всем ясно, к тому, чтобы уже и вовсе вывести из государственного обращения понятие «русский народ». Нечто подобное происходило в последние годы советской власти, когда это понятие заменяли категорий подданства — советский народ. Под тем предлогом, что за годы советской власти якобы сформировалась «новая историческая общность советский народ», а термины «русский человек», «русская цивилизация», «русская куль-

---

тура» попали уже тогда фактически под запрет. В наши дни с подачи таких русофобов, как академик Тишков, история повторяется. Если бы речь шла только о научных спорах, можно было бы не обращать внимания на лукавое мудрствование консерваторов от этнологии. Но дело куда серьезнее. Речь идет об очередном опасном заговоре против русского народа. Ведь под угрозу поставлен сам факт его обозначения, а следовательно — существования.

От редакции

Некоторые русские идеологи во время обсуждения новых поправок к Конституции в феврале этого года предложили внести в число этих поправок понятие «русский народ». Однако политические деятели нерусского происхождения резко выступили против этого предложения. В конце концов никакие органы власти РФ не внесли название «русский народ» в список изменений в Конституции для всероссийского голосования. Вновь «русский вопрос» в России оказался заболтан и отвергнут избранной народом властью.

СТИХИ БРЯНСКИХ ПОЭТОВ

Николай ИВАКИН

Николай Иванович Ивакин родился в 1937 году на Брянщине — в деревне Боргачёвка Выгоничского района, где сполна познал нелёгкий крестьянский труд, который закалил будущего поэта и привил ему любовь к родной земле. Автор четырёх книг стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в Брянске.

В ОВСТУГЕ

У памятника Ф.И. Тютчеву

Во времена затиший и невзгод
К своим святым местам идёт народ.
Так и к тебе, певец земли славянской,
Народная тропа
Не зарастёт!

Ещё хранят, как чудо из чудес,
Ту благодать и луг, и дол, и лес,
Когда, играя, ветреная Геба
Зевесов кубок
Пролила с небес!

Я как бы слышу тот весенний гуд!
И пусть поляны уж не так цветут, —
Не столь «стерильны» перлы дождевые,
Но чья душа
Не просветлеет тут?!

Я не иду на зов чужих дорог.
Мои дороги вдоль и поперёк
Моей страны — моей Руси великой,
Где на виду —
Родительский порог!

* * *

Памяти В. Козырева

Осень в том году была отменной.
Я такой не видывал поры.
И, казалось, что из недр Вселенной
Были ей ниспосланы
Дары!

Золотились травы и ракиты —
Весь больничный сад и грани стен.
И медсёстры — местные Хариты —
В лёгоньких халатах
До колен.

И сама с собой, не зная сладу,
Осень полонила высь и даль.
Но ему дарила не отраду,
А невыразимую
Печаль.

День в больнице непомерно долог.
И куда свой взор ни обрати,
Не уйти от мыслей невесёлых...
И от самых горьких — не уйти.

Но в беседах время коротая,
Он шутил — под лёгкий вскид руки:
«Отговорила роща золотая...
Да не будем плакать,
Старики!»

...На трюмо и окна занавески.
И людьми набит проход дверной...
Рок ударил жёстко — «по-дантесски»
И опять по масти Козырной.

---

* * *

Ещё до школы
Начал я читать.
Ещё до школы бросил
Куролесить.
Конец войны. Вдовой осталась мать.
Нас четверо,
Где старшей — только десять.
Я по слогам читал:
«Мы не ра-бы»,
А жизнь свои являла атрибуты:
Мы голодны до крайней худобы
И на зиму —
До голых пят
Разуты.
Но помнится:
Прочитаны в запой,
Ни горем не избыть, ни кутежами,
И бой Руслана
С грозной Головой,
И «Тихий Дон»,
Объятый мятежами.
Но вместо книг,
Когда уж нет войны,
Когда казалось — всё к твоим услугам,
Ходил, потуже затянув
Штаны,
За бороной, за сеялкой,
За плугом.

* * *

Каким я
Был бы на войне,
Когда б зимой — по целине
В бушлате, кирзачах, ушанке
Пришлось идти на вражьи танки?..
То шанс, быть может, уцелеть,
Чуть-чуть замешкаться в траншее...
Но синим пламенем гореть
В пожаре совести —
Страшнее.

Юрий КРАВЦОВ

Юрий Иванович Кравцов родился в 1956 году в селе Чернацком Середино-Будского района Сумской области. По окончании средней школы работал механизатором в местном колхозе, токарем и маляром на Севастопольском судоремонтном заводе. Служил сигнальщиком на сторожевом корабле Балтийского флота.

В 1985 году заочно окончил Брянский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. Двадцать три года возглавляет Зерновскую школу в Суземском районе Брянской обл.

Член союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Н.И. Рыленкова (2009) и областной премии имени А.К. Толстого «Серебряная лира» (2012). Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ.

ПОЛУВЕКОВАЯ ОСЕНЬ

В лицо дохнуло свежестью осенней,
Родная даль в рябиновом огне.
Пришла пора душевных откровений,
Пришла пора раздумий в тишине.

Пришла пора почувствовать шагами
Сердцебиенье матушки-земли,
Услышать, как сомкнувшись головами,
Вздыхают сосны — сверстницы мои.

Нам пятьдесят, и кольца годовые
От сердцевины нервно разошлись,
То нас качали ветры верховые,
То лютый холод омрачал нам жизнь,

То задыхались от жары и зноя,
То ощущали ливней жуткий шквал,
Но помогало выжить всё родное,
Что с колыбельной песней постигал.

И вот среди высоких сверстниц-сосен,
Уже не молод, но еще не стар,
Вхожу я в полувековую осень
И на душе — рябиновый пожар.

АЛЕШКИНО СОЛНЦЕ

Скучая по теплу и по весне
Среди пурги,
Деревьев полусонных,
Сын посадил в горшочке на окне
Любимца лета знойного —
Подсолнух.

Садился на окно,
Как на леток,
Снежинок рой,
На стекла налипая,
А сквозь январь
Проклюнулся росток,
И прописалась к нам душа живая.

Подсолнух быстро,
Как бамбук, растет,
Вот и цветок зажегся лепестками.
И сын улыбкой радостной цветет
От чуда,
Сотворенного руками.

То ласково потрогает листья,
То к золотому кругу прикоснется.
И стало в доме больше теплоты
От яркого Алешкиного солнца.

* * *

Никуда не уйти и не деться
От родных берегов, от судьбы,
От берез незакатного детства
И пропахшей дождями избы.

Я прошел города и поселки,
А вернувшись с полевых дорог,
Услыхал меж хлебов перепелку,
Ту, что раньше услышать не смог.

И те звоны, что в даях померкли,
Заполняют равнину окрест.
Словно в черной заброшенной церкви
Ожил вновь колокольный оркестр.

Ожил вместе с Ефимом Павленком —
Самым лучшим в селе звонарем.
Потому-то по-медному звонким
Стал вечерний, ржаной окоем.

В этот час, о былом вспоминая,
Можно петь, можно плакать во тьму..
Все равно перепелка родная
Не расскажет вовек никому!

УЧИТЕЛЬНИЦА

Что теперь осталось от бывшего?
Фотографий давних желтизна,
Иногда открытки на три слова
Получает по весне она.

Осень георгины преподносит
И звонка ликующую медь,
И тогда, печаль свою отбросив,
Так не хочет женщина стареть.

Ей бы вновь с журналом и указкой
Дверь открыть,
Войти в знакомый класс,
Где приятно пахнет свежей краской
И уютно от ребячьих глаз.

Но она уйдет.
Дорога длинной
Будет ей казаться вдоль реки,
Будут дома вянуть георгины
И на скатерть падать лепестки.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Вокруг него спешили, уезжали,
Устраивали жизни, кто как мог,
А он сидел спокойно на вокзале,
Сидел один,
Без дома и без ног.

Здесь, на скамейке жесткой,
Ставшей домом,
Безрадостные ночи коротал.
Среди людей случайных, незнакомых
Он для души спасенье обретал.

И вот квартиру в новом доме дали.
Свой угол есть теперь у старика...
Но все равно встречаю на вокзале
В толпе
Среди людей фронтовика...

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Кожевникова Надежда Борисовна родилась и проживает в г. Новозыбкове Брянской области. Лауреат премии Н.И. Рыленкова (2015). Автор поэтических сборников «Пролески» (2010) и «Окно, распахнутое в сад» (2016).

СТАРУШКА ГЛАДЬЮ ВЫШИВАЛА

Старушка гладью вышивала.
День за окном совсем поник.
С иголки красота стекала
Ажурной вязью на рушник.

Очки немислимых диоптрий
И в тысячу свечей ночник.
Печаль и грусть, вразброс и оптом,
Ложились гладью на рушник.

Чуть голову приподнимала
И вслушивалась в тишину...
Старушка гладью вышивала
Любовь, замужество, войну.

Вот раньше всё бегом бывало,
А нынче некуда спешить...
В иголку с ниткой заправляла
Старушка прожитую жизнь

---

* * *

Не разгулялась нынче осень —
Ни золота, ни даже меди
не накопила. Неба просинь
Зашторил облаками ветер.
Холодный дождь кнутом стегает
ночь от заката до рассвета.
Чуть слышным шёпотом стекает
не вызревшее бабье лето
с деревьев. Изморозь резвится,
по травам рассыпает стразы,
и травы умирают сразу,
и безысходность в крике птицы
мне слышится. И я ночами
той безысходностью болею,
печаль, как колыбель, качаю.
И быстротечность лет жалею.

МАМЕ

Я устала, мама, я устала.
Я к тебе с повинною иду.
Сколько раз соломку расстилала
Под ноги ты мне — вдруг упаду.

Сколько убрала с моей дороги
Видимых, невидимых камней.
Целы, мама, руки, целы ноги.
Душу мою, мама, отогрей.

Молоко парное, земляника
Горкою на блюдечке лежит.
Как ребёнок я к тебе приникну
Обниму — и посидим в тиши.

У тебя шершавые ладони
И щека холодная, как лёд.
Помнишь, ты мне говорила: «Доня,
Не реви, плохое всё пройдёт».

Говорила: «Сверху позолота
У людей, а главное — внутри».
Видно, я не поняла чего-то.
Ты опять со мной поговори!

Тишина. Никто не отвечает.
В тёмной рамке на столе портрет...
А на стенке ходики качают
Отзвуки давно минувших лет.

* * *

Я сказала — отрубила,
Ты поверил — не пришёл.
Я забуду то, что было,
И одной мне хорошо.
Мой язык — моё же горе,
Вырвать бы, отдать врагу.
На тебя сквозь щель в заборе
Наглядеться не могу.

Виктор МАКУКИН

Виктор Павлович Макукин родился на Брянщине. С шести лет — воспитанник Суземского детского дома. Окончил Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников стихов.

МЫ — ДЕТИ РОССИИ!

Пусть я корни не помню,
только
не вина то моя, а горе:
мне Большая война
осколком
перебила памяти горло.

Вижу вновь на крылечке детства
чей-то след, до боли знакомый...
Никуда от тебя не деться,
стооконная грусть детдома!..

Там впервые с незнакомой силой,
с рыбьим жиром и манной кашей,
в нас вошло:
мы — дети России,
разъединственной мамы нашей!

Мы забыли родимых руки, —
руки Родины нас взрастили.
Напишите в паспорте:
«Русский»!
То же самое — на могиле!

БУНИН В ПАРИЖЕ

...В эту ночь опять увидел сад:
на ветвях антоновки висят,
трепетно качаясь в укоризне.
Эта боль...
И вряд ли хватит жизни
колесо поворотить назад...

За окном погасла суета,
город снова умер до рассвета.
И опять приходит маята —
ночь длинна у старого поэта.

И тревожен ясных мыслей ход:
так ли он, по-божески живёт?
Ну, а если так, тогда к чему же
ночь-тоска ночами душит душу?

...И опять он сад увидел тот,
где когда-то юный, озорной
бегал вслед за няней по дорожкам...
Родина! Хотя бы из окошка
вновь увидеть край любимый свой,

Где твои надежды и святыни,
что вовек у сердца не отнять.
...Стыдно жить поэту на чужбине!
Страшно на чужбине умирать...

* * *

Дохнет однажды полымем
из прожитого дня...
Что на веку запомнил я?
Немного помню я.

Я помню, как над зыбкою
плясала тень неистово
пожаром Новозыбкова,
пожарами Борисова...
Средь многого и разного,
чем жизнь моя наполнена,
я вижу знамя красное
над уцелевшей школою.
Ликующее полмя
из прожитого, давнего...
Немногое запомнил я.
Но я запомнил главное.

АИСТЫ

Давнее, далёкое село,
Над рекой туманов рвутся сети.
Затаив дыханье, смотрят дети:
аисты ложатся на крыло
Смотрят — как, наверное, в кино
никогда на свете не смотрели, —
дети, не убитые войной...
Сорок пятый год, конец апреля.
У домов обуглены венцы,
на садах — пороховая копоть...
Эх, узнать бы, что там за Европа,
по которой топают отцы!
Аисты ложатся на крыло...
Нам бы тоже крылья!

Вот тогда бы
мы прошли над взорванною дамбой,
над селом, над сонными садами
и — к отцам и к незабытым мамам...
Время встреч ещё не истекло!..

Давнее, далёкое село...
Над рекой туманов рвутся сети.
Затаив дыханье, смотрят дети:
аисты ложатся на крыло.
И уходят мальчики из детства...

Валентина КРИСАНОВА

Валентина Александровна Крисанова живет в г. Жуковка Брянской обл. Закончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор стихотворных книг: «Имени твоему» (1985), «Русалочьи песни» (1994), «Синий колодец» (2004), «Волшебная свирель» (2015).

КНИГА

Есть книга в старом переплёте —
Подруга давняя моя.
Я с ней в признательном полёте
На всех дорогах бытия.

В её страну не надо визы —
Струила б лампа тихий свет.
С ней не сравнится телевизор
И не заменит интернет.

Как освежительная влага,
Весны звенящие ключи.
Я не скажу: мертва бумага.
Её касанья — горячи.

Живя в её чудесном круге,
Ещё хотелось бы сказать
О книге — трепетной подруге,
С которой сладко засыпать.

Она наперсница и няня,
И утешительница мне:
Мы вместе странствуем в тумане
И вместе плачем в тишине.

Она — любовница и фея,
Она — волшебный эликсир.
Душой и сердцем молодея,
С ней забываешь целый мир.

КОЛОДЕЦ

В загадочный сумрак колодца,
Где эхо живёт в глубине,

Открой голубое оконце
В язык его тайн и теней.

Под гулкой колодезной крышей
Струится певучий кристалл.
Воды зачерпни — и услышишь
С низов многозвучный хорал.

Как с клавиш срываются ноты
И падает каплями звук.
В глубоких колодезных гротах
Подземные громы живут.

И сердце замрёт с незнакомой
Мелодией в тайном ладу:
В колодце подземные гномы
Хрустальную пряжу прядут.

В содружестве муз Геликона
Душа родниковая вод.
Пусть даже он в срубы закован,
Но как же волшебно поёт.

И кажется — добрая сказка
Сегодня коснулась меня:
Воды родниковая ласка
И радость звенящего дня.

И детство раскатистым смехом
Откликнулось в синем лесу.
Весёлое, гулкое эхо
В душе из колодца несу.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

...Я Вас люблю бескрайне и безбрежно,
Моя любовь наивна и безгрешна.
Когда поют в округе соловьи,
Я думаю о пальцах Ваших нежных
И о глазах, похожих на мои.
Я думаю о том, что Вы могли бы
Быть мне отцом и пестовать, как дочь,
Но у небес какой-то странный выбор,
Каким-то странным эхом полон дождь.

Как держите Вы книгу на отлёте,
Весь озарённый шелестом страниц...
А сколько там, под пальцами, мелодий,
Касаний бурь и трепета зарниц!
Я жду, когда объявят белый танец
Сирень в саду, черёмуха в лесу, —
О чём молчу или о чём мечтаю,
Я, может быть, тогда произнесу...

... В тумане вижу — плащ, плечо и шляпу...
Две девочки Вас называют папой.
А я, конечно, вовсе ни при чём.
И некому прикрыть меня плечом.

* * *

До свиданья, Любовь!
«До» — высокая нота печали.
Одиночество — боль,
Это то, что и было в начале.

То, что позже поймешь,
То, что просто приходит ночами,
Одиночество — дождь,
Только дождь с голубыми очами.

Одиночество — дар,
Наша встреча с тобой неизбежна.
Пребываю всегда
У тебя ученицей прилежной.

Ни к чему возражать
И устраивать тяжбы с судьбою,
По ветрам вопрошать,
И выпрашивать благо любви.

Все равно я одна,
Это то, что ниспослано свыше.
И не наша вина,
Что у нас разговора не вышло.

И еще не беда —
Есть у женщин похожее свойство —
Плакать даже тогда,
Когда мало причин к беспокойству.

Одиночество — боль.
Как горчит твое тихое имя.
ДО свиданья, Любовь!
ДО свиданья, до встречи с другими.

Александра ТАРАСОВА

Александра Семёновна Тарасова родилась в Брянской области. После окончания средней школы окончила Ленинградское КПУ, потом ЛГПИ им. Герцена.

Сборник стихов «Рождение дня» вышел в свет в 1998 году в Санкт-Петербурге, сборник «Радуга над бездной» — в 2005 году в Смоленске.

РОЖДЕНИЕ ДНЯ

Рассвет, как жизни вечное движение.
Вдруг разорвал ненастья пелену:
Уходят прочь тревоги и сомненья.
Я этим утром счастлива — живу!

Мне взять бы кисть, чтобы сберечь все это,
В глубины памяти уйти от суеты
И песню спеть о волшебстве рассвета,
Увидев отблеск утренней звезды.

Из нежных красок акварель рисую:
Голубизна, сиреневый отлив...
Блеск розовый скорее нанесу я,
Запечатлев слепящий перелив!

Как мне сберечь красы земной мгновенья?
Так зыбок и так короток рассвет!
Забуть не в силах это дня рожденье.
В моей палитре многих красок нет.

Как будто приоткрылось вдруг оконце,
И ливень радуг выплеснул рассвет,
И вот взошло, проснулось наше солнце,
В усталых душах зажигая свет!

ОСЕНЬ В КОНСТАНТИНОВО

Высокое небо. Приокский простор.
Река как в разливе весеннем.
С волненьем ступаю на тот косогор,
Где пел вдохновенно Есенин.

И вдруг ощущаю внезапную дрожь
От боли иль грусти осенней,
Что этой тропой ты сюда не придешь
За новою песней, Есенин!

* * *

Любовь коснулась легким дуновеньем
И улетела в дальние края.
Но долго, растревоженная пеньем,
Внимала я тем трелям соловья.

И пусть она ко мне не возвратилась,
Но только, точно это знаю я,
Она была святая, Божья милость,
Чтобы проснулась вновь душа моя!

ДЛЯ ЧЕГО ВЫШЛИ ДЕКАБРИСТЫ

Декабристы вышли на площадь вовсе не за народное счастье. Затеваемое ими разделение России на 15 полусуверенных «держав» и заигрывание с малороссийскими и польскими сепаратистами привело бы к распаду страны. Планируемое ими «освобождение» крепостных с урезанными вдвое земельными наделами не только превратило бы тех в батраков, но и привело бы к голоду.

Эта статья не о том, чему посвящен фильм «Союз спасения», не о конкретных событиях, связанных со смертью императора Александра I, не о действиях восставших в декабре 1825. Это весьма краткая обрисовка того, откуда декабристы вышли и что хотели для себя, своего класса и страны.

«Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того, которое доселе делало нашу историю, — из высшего образованного дворянства», — пишет В.Ключевский. Подтверждает это «деланье истории» и С.Платонов: «Попытки переворота исходили из той же дворянской среды, которая в XVIII веке не раз делала подобные попытки, а орудием переворота избрана была та же гвардия, которая в XVIII столетии не раз служила подобным орудием».

УРОКИ ИСТОРИИ

Свои интересы в том самом XVIII столетии, «высшее образованное дворянство» отстаивало, проявляя железную волю, не останавливаясь и перед царубийством. Одним из следствий того, что гвардейские офицеры делали царей, было ужесточение крепостного права, которое перешло из области публично-правовой в область частно-правовую, и очень стало напоминать польскую панщину. Когда крестьянин должен был нести уже не тягло по обеспечению военной и государственной службы воина-помещика, а обеспечивать его праздную и безбедную жизнь — после 1762 года дворянин был освобожден и от обязательной службы. Но сразу заметим, что крепостное крестьянство, по счастью, не составляло большинства в российском сельскохозяйственном населении. Так в 36 губерниях преобладало или было исключительным государственным крестьянство и близкие ему категории сельских тружеников. В нечерноземных губерниях крепостное право очень часто сводилось лишь к тому, что крестьянин выплачивал помещику денежный оброк, а сам находился, как правило, большую часть года на отхожих промыслах.

Плеяда «освободителей» 1825-го, если откровенно говорить, была порождена именно тем, в основном, паразитическим сословием, тормозившим развитие общества и сделавшим наибольший вклад в ужесточение крепостного права несколькими десятилетиями раньше. В момент максимальной своей праздности дворянство захотело оформить свое господство над обществом в виде правильных политических институтов.

«Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом, — пишет Ключевский, — но и при этом это было первой попыткой идеологического переворота, когда претензии на политическую власть опирались на отвлеченные идеи».

Собственно, в этой сентенции маститый историк соединяет два определения и получается по сути — гвардейский идеологический переворот. Или попытка захвата политической власти, с использованием отвлеченных идей.

Историки, выискивающие черты «прогрессивности» у декабристов, старательно затушевывали вопрос, интересы какого сословия они представляли, оставляя за ними роль маленькой группки прекрасных личностей. Однако прекрасных личностей хорошо характеризует уже то обстоятельство, что, будучи поголовно крепостниками, они вовсе не собирались давать свободу собственным крестьянам до своего намечаемого прихода к власти. А ведь будущие декабристы могли с удобством совершить это благодеяние при помощи

закона о «вольных хлебопашцах» от 1803 года. Один лишь будущий декабрист М.Лунин освободил нескольких своих крепостных, да и то — скромненько, без земли. Похоже, что свободу народу собирались нести именно те люди, что на-мертво вцепились в кормушку.

При всей «просвещенности» никто из декабристов не предлагал своему сословию отказаться от земельной собственности, от экономического господства над низшими сословиями. Никто со слезами умиления не предлагал начать жизнь с нуля, в бедности и трудах. При любых преобразованиях они оставляли за собой обладание прежними материальными имуществами и политическими возможностями. А народу дворянские революционеры собирались подарить «счастье», заключающееся в высоких словах, плоских поэмах и различных проектах перекройки России.

Согласно благообразным книжкам о декабристском движении, будущие декабристы, едва вернувшись домой из зарубежных походов русской армии, немедленно приступили к созданию подпольных организаций, направленных на перенос западных достижений на нашу почву. Кстати, получается, вместо чувства превосходства над врагом и осознания мощи своего государства, господа офицеры принесли домой острое желание устроить тот же политический режим, как и в той стране, которая высылала к нам орды мародеров.

На самом деле, у тайной политической деятельности гвардейских офицеров были довольно глубокие корни. Интересным образом многие декабристы учились в крайне дорогом петербургском пансионе аббата Николя, иезуита, представителя того самого воинствующего ордена, который занимался колонизацией западно-русских земель. «Значительная часть людей, находившихся в списке осужденных по делу 14 декабря, вышли из этого пансиона или воспитаны были такими гувернерами», — читаем у Ключевского. Как пишет Н.Бердяев в «Русской идее»: «Декабристы прошли через масонские ложи». Пестель был масоном, Н.Тургенев был близок иллюминатству Вейсгаупта, то есть радикальному масонству, Рылеев был членом масонской ложи «Пламенеющая звезда». «Масонские ложи, терпимые правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития, — сообщает Ключевский. — При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании...»

Около полусотни декабристов были членами разных масонских лож: «Соединенных Друзей», «Избранного Михаила», «Трех Венчаных Мечей», «Сфинкса», «Трех добродете-

---

лей», «Пламенеющей Звезды» и т.д. Большинство входило в состав французской «Великой Диктаторской Ложи».

Приходя вместе с русскими войсками в Европу, будущие декабристы также оказывались в тесных объятиях масонов. В Берлине они вступали в ложу «Железного креста», во Франции их ждала «Военная ложа к святому Георгию», ложи «Избранного Михаила», «К трем добродетелям». Естественно предположить, что на родину гвардейские офицеры возвращались с готовыми масонскими структурами, существовавшими в полках. Так что прежде создания собственных политических организаций гвардейцы успели изрядно повариться в тайных обществах, которыми управляли силы, весьма далекие от любви к России.

«После запрещения масонства, декабристы, используя конспиративный опыт масонства и связи по масонской линии, создают тайные революционные общества. Цель этих обществ та же самая, которая была и у масонских военных лож, существовавших в полках — «пересадить Францию в Россию», то есть совершить в России революционный переворот», — пишет на старости лет декабрист А. Розен в «Записках декабриста».

Вполне оправданное недовольство офицеры испытывали уже в 1815-м, когда великий западник Александр I заставлял армию-победительницу перенимать у пруссаков и англичан «экзерцмейстерское искусство». Не слишком были обрадованы офицеры и поспешным возвращением из кипящей жизнью Франции в места постоянной дислокации, где-нибудь в недавнем Диком поле, Василькове или Ахтырке. Однако первые сведения о заговорщиках относятся не к Дикому полю, а к гвардейцам, расквартированным в блестящем Петербурге, причем генштабистам, которым совсем не надлежало заниматься муштровкой на плацу.

Офицеры генерального штаба основали в 1816-м в Петербурге тайное общество, имеющее два названия: «Союз спасения» и «Союз истинных и верных сынов отечества». Возглавляли его Никита Муравьев, отец которого был одним из учителей великого князя Александра Павловича, и князь Сергей Трубецкой. Цель общества выглядела достаточно неопределенной, хотя и несла масонский отпечаток: «Содействовать в благих начинаниях правительству в искоренении всякого зла в управлении и в обществе». Как считал видный декабристовец М. Цейтлин, в уставе «Союза Спасения» «явственно видны масонские черты, и впоследствии можно проследить в политическом движении тех лет подземные струи масонства».

В 1818 году это тайное общество было переименовано в «Союз благоденствия», на базе которого возникли две новые организации. «Северным обществом» руководил вышеупомянутый генштабист Муравьев и статский советник Николай Тургенев (кстати, автор таможенного тарифа, настезь открывавшего российский рынок западным товарам). В 1823 г. в него вступил Кондратий Рылеев, поэт и управляющий делами (топ-менеджер) Российско-американской торговой компании. Последнее обстоятельство сыграло роль в том, что новичок сразу пополнил руководство общества.

«Южное общество» состояло из офицеров 2-й армии, штаб-квартира которой находилась в Тульчине (Подольская губерния). Здесь лидером был командир Вятского пехотного полка Пестель, сын бывшего сибирского генерал-губернатора, известного своим самодурством и злоупотреблениями.

«Северное общество» было расположено к конституционно-монархической форме правления, Пестель являлся страстным республиканцем. Ещё более чем во взглядах на форму верховной власти различались северные и южные вожди в своих планах по социальному и хозяйственному переустройству России. Общее впечатление от декабристских программ — их составители более всего верили в либеральную фразу. Красивые слова заменяли им знания о Родине.

Маленькая иллюстрация. Никита Муравьев (автор конституционного проекта, принятого «Северным обществом») в 1812 году заплатил крестьянам золотой рубль за кусок хлеба и кружку молока, потому что просто был не в курсе, какие цены в России. Мужики приняли его за французского шпиона.

Может показаться удивительным, но в среде свобододолюбивых мечтателей действовала и группа твердых дельцов. С крупнейшей российской торговой компанией того времени прямо или косвенно (через ценные бумаги, родственные или служебные отношения с основными пайщиками) были связаны многие декабристы: Рылеев, Ростовцев, С. Трубецкой, Н. Бестужев, Завалишин, Перетц, Штейнгель (последний служил вдобавок в канцелярии генерал-губернатора Милорадовича). Дом Российско-Американской компании, в котором находилась квартира Рылеева, и дом адмирала Мордвинова были двумя штабами заговорщиков.

Крупный бизнес, как считается некоторыми, несет респектабельность. Это ошибочное мнение. К примеру, английская и нидерландская Ост-индские компании торговали людьми, как товаром, грабили казну завоеванных ими стран, в огромных масштабах использовали принудительный труд,

---

разоряли и доводили до голодной смерти миллионы людей. Если бы дело дошло до извлечения огромных прибылей, то российские акционеры вряд ли бы отнеслись к русскому народу лучше, чем английские и нидерландские к народам южных морей.

Но дельцы прекрасно умели считать и знали, что крепостные отношения становятся всё более нерентабельными для крупных землевладельцев. В неурожайные годы законодательство обязывало их обеспечивать крестьян продовольствием. Крестьянские наделы и выпасы занимали землю, стоимость которой во многих регионах была высока. «Освободить» крестьян с минимальным количеством земли означало для землевладельцев освободиться от каких-либо обязанностей перед крестьянами. Те превращались в батраков и кабальных арендаторов, вынужденных отдавать последние гроши, чтобы арендовать у землевладельца землю, без которой не выжить. Собственно, так и произошло в остзейских губерниях: из латышских батраков веком позже выйдут упорнейшие из революционеров — латышские стрелки.

А с принудительным трудом и с бесправием труженика в Европах было хорошо. К 8—9 вв. основная масса бывших римских рабов стала безгласным угнетаемым крестьянством. Их число было значительно пополнено бывшими свободными людьми за счет коммемдации. С империи Карла Великого начинается массовое закрепощение общинников-германцев.

К востоку от Эльбы с XVI в. царило «вторичное крепостничество», обслуживающее европейский рынок. Державы центральной и восточной Европы произвели «вторые издания» крестьянской зависимости, причем в таких тяжелых формах, каких не знало классическое Средневековье. Цель — максимизация поставок дешевого сырья на внешний рынок в обмен на предметы роскоши. Шляхта и бароны были, по сути, колонизаторами в своей собственной стране, образуя там республику грабителей и эксплуататоров. В некоторых странах панщина (барщина) доходила до 6 дней в неделю, а затем нередко стала занимать всю неделю, как, например, в Польше и Ливонии, — крестьянин, потерявший возможность трудиться на своем наделе, получал паёк-месячину.

Ничем не ограничена была и власть сеньёра над жизнью и имуществом крепостного. «Если шляхтич убьет хлопа, то говорит, что убил собаку, ибо шляхта считает кметов (крестьян) за собак», — свидетельствует польский писатель XVI в. Моджевский. В Дании в XVI в. крестьянами торговали, как скотом. Король Кристиан II пытался отменить это и издал

указ: «Не должно быть продажи людей крестьянского звания; такой злой, нехристианский обычай, что держался доселе в Зеландии, Фольстере и др., чтобы продавать и дарить бедных мужиков и христиан по исповеданию, подобно скоту бессмысленному, должен отныне исчезнуть». Однако феодалы свергли Кристиана и продажа людей продолжилась. В Шлезвиге и в середине XVIII в. помещик владел крестьянином, как вещью. В Силезии утвердилось правило, что «крестьянские барщинные работы не ограничиваются». В Саксонии крестьянская молодежь призывалась, как в армию, на трехгодичную непрерывную барщину.

Начиная с XVI в. фактически весь мир оказался полем действия западных торгово-пиратских сообществ. Сутью этого действия был захват чужой собственности. Без ограбления мелких и общинных собственников, без работорговли и плантационного рабства не обходился ни один «очаг свободы».

Приход буржуазии в сферу земельных отношений начинался с того, что она захватывала средства производства крестьянских общин, сгоняя людей с их земли. Ограбленный люд обязан был, по сути, не продать, а принудительно отдать свой труд первому же хозяину-нанимателю по самой минимальной цене — на это были направлены и законы.

Трудящиеся фактически подвергались новой форме рабства — и в него загнана была большая часть населения в самых передовых европейских государствах. Совокупность английских законодательных актов на протяжении трех столетий сводилась к тому, что пролетаризированный труженик, по сути, являлся рабом, который не имел права выбора и обязан был наняться на любых условиях в кратчайшие сроки.

В случае, если трудящиеся пытались искать более подходящего нанимателя, им угрожали обвинения в бродяжничестве с наказаниями в виде различных истязаний, бичевание, заключение в исправительный дом, где их ожидали плети и рабский труд от зари до зари, каторга и даже виселица. Согласно английскому закону «о поселении» от 1662 г. (действовавшему до начала XIX в.), любой представитель простонародья — а это 90% населения — мог быть подвергнут аресту, наказанию и изгнанию из любого прихода, кроме того, где он родился.

Дети уже во времена Даниэля Дефо начинали работать с четырех-пятилетнего возраста. В период промышленной революции десятилетние трудились на шахтах по 14 часов в день, таская по низким штрекам, где взрослому не разогнуться, вагонетки с углем. (Первые законы по ограничению времени работы детей до 10 лет появятся только в 1850-х гг.)

Людей превращали в говорящий инструмент разными способами. Практиковалось доведение до такого состояния, что они сами продавали себя в рабство. Первыми рабами на плантациях Вест-Индии были белые — «сервенты». Недостаток «добровольцев» работорговцы дополняли захватом молодых простолудинов. Практиковались принудительные договоры «пожизненного найма» на шахты и копи, принудительно вербовали в английский флот (где пороли плетьюми-кошками и килевали) — это был практически тот же захват рабов. Продавались подмастерья и сироты из приютов, наложницы для вельмож и королей.

12 млн. негров были доставлены в трюмах на американские плантации, а еще не менее 40 млн. погибли при отлове и транспортировке рабов. Рабство будет существовать в Британии до 1834-го, во Франции до 1848-го, в США до 1865 года, в некоторых латиноамериканских странах, являющихся экономическими колониями Запада, до конца XIX в. Затем произошел колониальный дележ Африки. До половины населения бельгийского и французского Конго, около 10 млн. чел., погибло, став жертвой большого каучукового бизнеса и тяжелых повинностей вроде переноски грузов — самая крупная страна Африки была превращена в огромный концлагерь с жесточайшими наказаниями для тех, кто не приносил достаточного дохода колонизаторам. Прямое порабощение, что всюду практиковалось в африканских колониях европейских держав вплоть до новейшего времени, и принудительный труд, как в азиатских колониях, дополнялись конфискациями земель и скота, разорением и доведением до нищеты, чтобы работа за гроши от зари до зари на колонизатора оказалась единственным способом спастись от голодной смерти.

Но вернемся к декабристам. Если даже поверить словам заговорщиков о том, что они являются «истинными сынами отечества», то это «отечество» явно находилось для них не в настоящем и не в прошлом, а в гипотетической новой России. И уж не сынами, а скорее отцами-основателями должны были они стать для него.

Насколько специфически дворянские революционеры понимали историю России, видно по творениям декабристского пиита Рылеева, любимым жанром которого была историческая поэма. Впечатление такое, что Рылеев нарочито выбирал в качестве героев для своих поэм знаменитых предателей, боровшихся против русского государства с помощью коварства и подлости. Среди его героев был князь Курбский. Неважно, что «герой» вместе с поляками лил потоком

русскую кровь и терзал русскую землю ради сохранения привилегий феодальной знати. Топ-менеджер зрит в этом борьбу за свободу. Другим героем стал Войнаровский, приспешник и племянник гетмана Мазепы, — после прочтения Рылеевым антироссийской поделки «История русов». «Так мы, свои разрушив цепи, На глас свободы и вождей, Ниспровергая все препоны, Помчались защищать законы Среди отеческих степей. Я жизни юной не щадил, Я степи кровью обагрил, И свой булат в войне кровавой О кости русских притупил».

Реальный Войнаровский «многократно ездил к хану крымскому и султану турецкому, чтобы побудить их к войне с Россией», как сообщает энциклопедия Брокгауза, отнюдь не страдающая ненавистью к либерально настроенным господам. Суесловные декабристоведы, конечно же, скажут, что рылеевский Войнаровский — это вовсе не тот реальный Войнаровский и что Рылеев совсем не имел в виду конкретного человека, а только взял его имя, фамилию, отчество, время и место проживания для создания виртуального образа планетного демократа. Но хочется спросить у декабристоведов, а в своих планах преобразования России Рылеев разве был меньшим абстракционистом?

Давайте заглянем в составленные декабристами проекты конституционного устройства новой России. Проекты С. Волконского и Н. Муравьева внешне были весьма недурны, они предполагали конституционную монархию и «освобождение» крестьян. Однако, если приглядеться к предлагаемому «освобождению», то сквозь него явно проглядывают уши мордвиновского проекта «освобождения крестьянства» (согласно которому земля должна была вся остаться во владении помещиков; но крестьяне получали право выкупить личную свободу за очень приличные деньги) и прибалтийской реформы Александра I, где эстляндские и лифляндские крестьяне были «освобождены» без земли, и для большинства из них единственным вариантом выживания было стать батраком у помещика-немца.

«Патриот» Никита Муравьев оказался щедрее адмирала Мордвинова. Личную свободу он давал за так, бесплатно предоставлял и немного земли — менее 2 десятин на семью. Это было примерно в два раза меньше того среднего земельного надела, что крестьянин имел при крепостничестве. (Получалось, что помещик безвозмездно приватизировал, а, по сути, крал половину естественного достояния земледельца.) И этот муравьевский надел был ниже железного минимума в 2,5 десятины, который обеспечивал убогие 1700—1800 ккал в день на человека. Любимец либеральной публики, по сути,

---

планировал голод. И даже эти две несчастные десятины давались мужику вовсе не на правах личной собственности. Продать их, прежде чем уйти, голодный крестьянин не мог.

Конечно же, Н. Муравьеву виделось в мечтах, как по всей России возникают крупные помещичьи высокотоварные хозяйства (типа прибалтийской мызы), на которые рвется работать толпа батраков. В этих мечтах вместо низкорентабельного зернового хозяйства в Нечерноземье приходит высокорентабельное животноводство, выращивание кормовых и технических культур. Однако рабочих рук в таком «сельском хозяйстве» нужно в десять раз меньше, чем в традиционном. И скажет тогда просвещенный землевладелец батраку и арендатору: придется тебе, деревенщина, бросить дом, семью и уйти в городскую трущобу. Ведь ты теперь воистину свободен.

Образцом, конечно, служила Британия. Там крестьян принудительно лишали их средств производства, сгоняли с земли, разрушая их дома, вешали как бродяг, собирали в города, где на средства, полученные от пиратства, работорговли и ограбления колоний создавались мануфактуры и фабрики. Но в России не было таких источников роста городского хозяйства. Поскольку обезземеливание крестьян предлагалось провести на всех огромных просторах нашей страны, то не было никакой надежды, что город поглотит высвободившуюся крестьянскую массу. В британской Ирландии процесс раскрестьянивания и перевод сельского хозяйства на интенсивные капиталистические рельсы завершился гибелью и бегством за океан большей части населения. Наше многомиллионное крестьянство не имело возможности эмигрировать. Так что «освободительный проект», имея он успех, закончился бы колоссальной социальной трагедией.

Правда, крестьянин, согласно муравьевскому проекту, мог выразить свое недовольство на выборах. Но возможности такого выражения были предусмотрительно ограничены. Первый вариант конституции предоставлял крестьянам-общинникам — «общим владельцам», по терминологии Муравьева, — весьма своеобразное избирательное право. «Всё общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 душ мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с гражданами как уполномоченные целого общества, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старшинами». Во втором варианте конституции Муравьев расщедрился и к участию в выборах волостного старшины допустил всех граждан «без

изъятия и различия». Великое достижение: крестьянина без ограничения подпустили к выбору самого низшего начальника — волостного старшины. К стати сказать, в столь ненавидимое декабристами время Ивана Грозного крестьяне избирали всё волостное правление.

Захотел Муравьев в своем проекте подвергнуть страну беспощадной федерализации, порезав ее на полтора десятка «Держав», обладающих почти всеми атрибутами суверенной власти. Причем делить на почти что независимые государства предстояло и коренную Великороссию.

Вот список придуманных Держав, с указанием их столиц:

1. Ботническая — Гельсингфорс (Хельсинки. — Ред.);
2. Волховская — Город Святого Петра (Петербург);
3. Балтийская — Рига;
4. Западная — Вильна (Литва);
5. Днепровская — Смоленск;
6. Черноморская — Киев;
7. Кавказская — Тифлис;
8. Украинская — Харьков;
9. Заволжская — Ярославль;
10. Камская — Казань;
11. Низовская — Саратов;
12. Обийская — Тобольск;
13. Сибирская — Иркутск;
14. Московская область — Москва;
15. Донская область — Черкасск.

Столицей федеративной России предстояло стать Нижнему Новгороду. Здесь должна была заседать Дума. В неё избиралось бы по три гражданина от каждой Державы, два гражданина от Московской области и один — от Донской области. И эта веселая компания, в которой Обийская Держава имела больше представителей, чем Московская область, давала бы стране законы, формировала правительство и командование вооруженных сил.

Наводит на грустные мысли отсутствие в списке Держав многих областей Российской империи. Гродненские и минские земли то ли отдали Литве, присутствующей в виде Западной Державы, то ли подарили Польше, отсутствующей в списке Держав, то есть полностью независимой. Тот же вопрос насчет Волыни, Подолии — они, что, тоже переданы Польше? А кому подарили Кубань и Ставрополье? Черноморской киевской державе? Или сразу туркам? Где Урал и вся Северная Россия до Белого и Баренцева морей? Что случилось с русскими землями между Окой и Доном — их что, сплывили в Украинскую Державу?

Очевидно, при победе такого проекта было достаточно одного мановения перстом, чтобы Россия превратилась бы не в федерацию, а в кровавое болото. Зажигательного материала оказалось бы предостаточно — Державы, делящие между собой земли, и крестьяне, «освобожденные» без земли и фактически без еды. Скорый крестьянский бунт, равный по мощи десятку пугачевских, разнес бы федеративную декабристскую Россию на сто тысяч деревень. Во главе каждой деревни встал бы батька-атаман, а во главе каждой Державы кучка дворянских революционеров. И каждая революционная кучка имела бы свои взгляды на развитие либерализма и демократии. И каждый батька-атаман посылал бы кучку либеральных руководителей, куда подальше. И жёг бы ближайшие дворянские усадьбы, откуда приходили бы претенденты на деревенскую землю.

Павел Пестель, как и полагалось сыну губернатора, прославившегося своим самодурством, продвигал республиканский проект, которого боялись даже члены радикального «Южного общества». Хотя, как пишет декабристоведа Нечкина о Пестеле, «он высоко ценил личную свободу», однако хотел передать власть в России на 10—15 лет временному правительству с диктаторскими полномочиями. Способ формирования правительства был покрыт тайной.

Всю землю России, согласно Пестелю, предстояло поделить на две части. «Одна половина получит наименование земли общественной, другая земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять. Она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полной свободой и право имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия».

Чем больше было у помещика земли, тем больше её должно было конфисковываться безвозмездно. «Если у помещика имеется 10 тыс. десятин земли или более, тогда отбирается у него половина земли без всякого возмездия». Речь здесь идет об огромной латифундии. Но кто должен возмещать конфискации меньшего размера, пестелевский проект предусмотрительно не сообщает. Несмотря на внешнюю демократичность, здесь заложен взрывной материал не меньше, чем в конституции Н. Муравьева.

Крестьянин, имеющий вдоволь земли (ведь его доля увеличится от трети до половины всех российских земель), будет, тем не менее, жить натуральным хозяйством. На значительной части территории России у него не найдется ни времени, ни денег, ни технических средств, чтобы обработать намного больше земли, чем он обрабатывал до этого. Учтём очень короткий сельскохозяйственный период в холодной России. Землю, которую он имеет в распоряжении, он не сможет ни заложить, ни продать. Такой крестьянин будет худо бедно кормиться сам, но не даст товарного хлеба для нужд города, армии и государства, и никогда не пойдет в батраки к крупному землевладельцу, ведущему товарное хозяйство.

Помещик, который ранее давал товарное зерно, теперь лишится рабочей силы — ни крепостных, как раньше, ни батраков у него не будет. Последнее, что помещику осталось бы, это продавать оставшиеся земли за бесценок. Но государство с пустой казной вряд ли стало бы покупать эту землю. И будет зарастать быльем вторая половина России.

В районах с благоприятными условиями для земледелия, где помещичья земля будет что-то стоить, местным помещикам вряд ли понравятся земельные конфискации — жди вооруженного сопротивления. Не будем забывать, что помещики тогда представляли собой единственный образованный и способный к войне класс. Произошло бы возмущение воинской касты, помещиков, равное по силе нескольким смутам начала XVII в. Жди вооруженного сопротивления и от крестьян, у которых государство будет заниматься реквизицией хлеба для нужд города и армии. Пока диктатор рубил бы головы фрондирующих землевладельцев и добывал хлеб из мужиков, «личная свобода» должна была сохраняться где-то в идеальном законсервированном виде.

Кардинально решал Пестель и национальный вопрос. Им предлагалось переселение кавказских народов вглубь России и выселение евреев в Малую Азию. Пестель изрядно походил на смесь Робеспьера и Бонапарта. Но Робеспьер опирался так или иначе на радикальные круги французской буржуазии, успешно вызревшие в торговой и плодородной Франции. А Бонапарт возглавил созревание французской буржуазной нации, которой доставлял величие, военную добычу и контрибуции. В России ничего подобного Пестеля не ожидало. И вряд ли военные и организационные таланты Пестеля были сравнимы с корсиканским гением.

Заметим, что будущие декабристы не могли договориться между собой ни в своих программных установках, ни, как показал декабрь 1825, в реальных действиях. А теперь пред-

---

ставим, что в одной части страны возобладали муравьевцы, в другой пестелевцы; в одной отбирают землю у крестьян, в другой у дворян, в одной провозглашают федерацию из пятнадцати Держав, в другой «единую и неделимую», в одной дают независимость Польше вместе со всеми землями, которые понадобились польским братьям, в другой переселяют кавказские народы в центр России... И при этом кавардаке, согласно революционному «Манифесту русского народа», отменяется постоянная армия.

Победа декабристов в 1825-м ввергла бы страну в хаос, больший, чем она претерпела в 1917-м, потому что не было бы даже большевиков и железных дорог, которые не дали бы стране окончательно развалиться. И уж «передовые страны» (они же по совместительству колониальные хищники) не замедлили бы воспользоваться Декабристской Смутой. Появись любой мало-мальски оснащенный пушками колонизатор, и делай из порядком обезлюдившей России образцовые колонии.

Поскольку польские националисты упорно представляли свою страну как форпост Запада, противостоящий «азиатской» России, то совершенно естественно, что все российские свобододолюбцы видели в Польше своего лучшего союзника, оплот вольности, для которого ничего не жалко. Дворянские революционеры — представители сословия, созданного под влиянием польской концепции «золотых вольностей» шляхетства, — не были исключением. На рылеевский «глас свободы» декабристы хотели помчаться вместе с польскими гусарами.

Очевидно, тем звеном, которое связало польские антиросийские группировки и южную организацию декабристов, являлось «Общество соединенных славян». Отцами-основателями его были два польских шляхтича: Ю.Люблинский и В.Росцишевский. Первый дал группе малороссийских дворян и чиновников, страдающих мазепинскими идеями, название и идею, второй возглавил организацию. Надпись «Jedное Slowianska», украшавшая герб «Соединенных славян», не оставляет сомнений в польском происхождении этого общества. Конечно же, польских националистов не интересовала судьба православных болгар и сербов, страдающих под турецким игом. Наоборот, все антиросийские шляхетские конфедерации в Польше 1772—1795 гг. были в союзе с Османской империей. «Соединенным славянам» предстояло разделить классические польские представления о славянском «братстве», в котором православные хлопы горбатятся на утонченного европейца польского шляхтича.

Знатная декабристоведа Нечкина написала, что «Южное общество» внезапно обнаружило «Соединенных Славян» и приняло их к себе как коллективного члена. Но А.Пыпин и ряд других историков, напротив, считали, что эта группировка успела оказать серьезное идейное воздействие на южных декабристов.

Члены «Южного общества» вместе с «Соединенными славянами» входили в ряд малороссийских масонских лож и автономистских организаций, где идеологически господствовала польская шляхта. К их числу относились киевское и бориспольское «Общества малороссов», киевский филиал «Польского патриотического общества», житомирские ложи «Рассеянного мрака» и «Тамплиеров», полтавская ложа «Любовь к истине». В этой ложе, наряду с членами «Союза Благоденствия» М.Новиковым, В.Глинкой и С.Муравьевым-Апостолом, находились влиятельные малороссийские дворяне, губернские судьи и дворянские предводители. М.Новиков не только одно время предводительствовал этой ложей, но и был начальником канцелярии у фактического правителя Малороссии, князя Н. Репнина.

На следствии в 1825 г. Муравьев-Апостол называет полтавскую ложу «рассадником тайного общества» и сообщает о Новикове, что «он в оную принимал дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество, называемое «Союз Благоденствия».

После Новикова руководство полтавской ложей перешло к некоему Лукашевичу, в 1812-м содействовавшему войскам Наполеона в России, про которого декабрист М.Бестужев-Рюмин сказал, что «цель оного (сколь она мне известна) — присоединение Малороссии к Польше».

Члены «Южного общества» и близкие к ним по своим воззрениям люди фактически находились в высшем эшелоне власти в Малороссии. Киевский генерал-губернатор Репнин, близкий родственник видного декабриста С.Волконского, был в свое время связан с заговорщиками, убившими императора Павла, и, по мнению некоторых исследователей, имел причастность к распространению «Истории русов», которая разохла в некоторых малороссийских дворянах мазепинские настроения. При дворе Репнина вертелись Пестель, Бестужев-Рюмин и такой идеолог малороссийского сепаратизма, как сочинитель вышеупомянутой фальшивки В.Полетика.

Руководители польских тайных обществ, граф Солтык и полковник Крыжановский, засвидетельствовали на следствии после разгрома польского восстания 1830—1831 гг.,

---

что мысль о необходимости контакта с русскими тайными обществами возникла у них еще в 1820-м. По всей видимости, у поляков тогда уже имелась необходимая информация об антигосударственных организациях в России. А Бестужев-Рюмин после разгрома декабристского восстания поведал следователям, что между Директорией «Южного общества» и польским «Патриотическим обществом» в 1824 г. было заключено соглашение, по которому, поляки обязывались «восстать в то же самое время, как и мы» и координировать свои действия с русскими повстанцами.

«Истинные сыны отечества» оказались весьма щедры с польскими партнерами. По соглашению от 1824 г., «Южное общество» обещало полякам Волынскую, Минскую, Гродненскую и части Виленской губернии. Так легко и непринужденно российские «свободолюбцы» отдавали миллионы своих православных братьев католическим панам. (Впрочем, кого на самом деле воспитанники масонов и иезуитов считали братьями?..)

К.Рылеев на следствии витиевато сообщил, что слышал от Корниловича и Трубецкого (главы «Северного общества»), что тот имел на руках копию договора между поляками и «Южным обществом», определяющего будущие русско-польские границы. Трубецкой так же сообщил Рылееву, что *«Южное общество» через одного из своих членов имеет с оными (поляками) постоянные сношения, что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции Литву, Подолию и Волынь»*. Показания эти заслуживают доверия. Нет ни одного свидетельства о том, что по отношению к декабристам применялись пытки и прочие средства выдавливания показаний.

Согласно исследованиям С.Щеголева, в 1824 г. князь Яблоновский, представитель «Польского патриотического общества», начал энергичные переговоры с декабристами. Результатом его усилий явился съезд польских и русских заговорщиков в Житомире в начале 1825 года. Присутствовал там и «северянин» К.Рылеев. На съезде был поставлен и одобрен вопрос о независимости Малороссии, каковую поляки считали необходимой «для дела общей свободы». Вслед за тем можно было начать повторное присоединение западнорусского края к Польше.

Нет сомнений, что приди декабристы к власти, поляки получили бы свой куш. Польские националисты всегда элегантно соединяли тезис о свободе с территориальным переделом России, ни на день, ни на час не забывая о своей главной

цели — восстановления Польши в старых границах, «от моря до моря».

Сепаратистские и пропольские настроения, господствовавшие среди «южан», закладывали еще одну мину под существование единого Российского государства, которое и так подрывалось проектами политического и хозяйственного переустройства, подготовленными «Южным» и «Северным обществами».

Было бы уместно провести параллель между гипотетической «декабристской Россией» и Латинской Америкой 1810—1820 гг. Там, собственно, воплотились в жизнь мечты декабристов. Парламент, многопартийность, декларированные свободы. А местная олигархия, почти сплошь масонская, освободилась от власти испанского монарха. Вооруженные силы Испании в Латинской Америке были окончательно разбиты к концу 1824-го. При деятельном участии английского капитала, нанятых на английский деньги наемников, купленного на английские деньги вооружения и прямом содействии английского флота. В течение последующих нескольких лет англичане сделали всё от них зависящее, чтобы все проекты по созданию единой Латинской Америки провалились.

Парламентско-представительная система, многопартийность, выборные процедуры и прочие как бы прекрасные вещи оказались лишь декорациями, за которыми работали внешние силы, в первую очередь Англия и США, превращая эти страны в рынок сбыта для собственной промышленности, источник дешевого сырья и дешевой рабочей силы. Ценой всего этого был распад нескольких весьма обширных испанских колоний Нового Света на части и бесконечные пограничные войны между постколониальными республиками. Банковская система Латинской Америки с самого начала оказалась под контролем английских финансистов, рынки латиноамериканских стран были захвачены английскими товарами, задавившими местную промышленность. Во всех латиноамериканских странах утвердилось грубое господство земельной олигархии. Львиная доля возделываемых земель (в некоторых странах до 98%) оказалась в руках кучки латифундистов и плантаторов. Одновременно произошло обезземеливание крестьянства, уделом которого стал пеонаж — фактически долговое рабство, пожизненное и наследственное. Нищета кабальных арендаторов-пеонов была непреодолимой.

Латиноамериканские страны демонстрировали беззащитное разграбление природных ресурсов со стороны иност-

---

ранного капитала, наглую эксплуатацию крестьянства и пролетариата. Под контроль иностранного капитала переходили не только плантации и рудники, но и дороги, порты, таможи, нацбанки. Во внутренней политике хозяйничали иностранные державы, иностранные компании, а то и просто иностранные авантюристы (т.н. флибустьеры). Во всех образованных республиках на фоне республиканского и конституционного декора в высшие органы власти десятилетиями «избирались» латифундисты, плантаторы и компрადоры. А в правительствах сидели люди, представлявшие интересы иностранных правительств и компаний.

Николай I не отменил крепостное право, однако многое сделал для его ослабления, при нем оно обрело публично-правовой характер, была устранена большая часть отвратительных заимствований частно-правового характера из польского крепостного права, которые были сделаны в предыдущий век. Даже такой русофоб, как Карл Маркс, заметил, что при Николае I в результате быстрого разорения дворянских имений и заклада их в государственные кредитные организации крепостные крестьяне переходили в разряд государственных крестьян и что область применения крепостного права постоянно сужалась. При Николае I численность государственного крестьянства (получившего все гражданские права и обширное самоуправление благодаря реформам П.Киселева) намного превысила численность крепостных крестьян. При нем начался подъем торговой инициативы крестьянства, которое (включая крепостных) могло торговать даже на биржах, на которых держались такие огромные ярмарки, как Нижегородская. При нем фактически начался промышленный подъем — в легкой промышленности шел настоящий бум. Причем не за счет вотчинных фабрик с использованием труда крепостных, которые почти полностью исчезли, а за счет производств, основанных нередко крестьянами с применением вольного труда (который тогда оплачивался лучше, чем через полвека, когда Россия стала резервуаром дешевой рабочей силы для западного капитала). При нём была построена большая часть всех дореволюционных дорог с твердым покрытием. При нём была проведена большая часть работ дореволюционного времени по обустройству водных путей. При нём Россия сильно прирастила территорию и население.

И даже неудачная борьба с двумя крупнейшими колониальными хищниками, Британией и Францией, завершилась ничтожной территориальной потерей в южной Бессарабии; Запад получил ноль контрибуции с России. (Для сравнения

Пруссия взяла с Франции в 1871 г. 5 миллиардов золотых франков.) Очевидно, что западные страны и их союзники-османы, взяв только несколько прибрежных пунктов на Черном море и южную сторону Севастополя и безвозвратно потеряв при этом 166 646 чел. (российские потери 129 477 чел.), а также наблюдая русские войска в глубине Турции, сочли свои прежние планы по отторжению от России Причерноморья и Кавказа нереализуемыми.

Дело декабристов продолжили дворяне-реформаторы, которые провели либеральные реформы 1860-х по «освобождению» крепостного крестьянства, отчего крестьяне потеряли значительную часть своих земельных наделов, получили малоземелье и выкупные платежи, растянувшиеся на десятилетия, а вместе с тем и масштабную нищету. Их наследники-февралисты 1917-го ухитрились за несколько месяцев развалить страну и ее хозяйство, на радость своим англо-американским спонсорам, и еще изрядно повоевать в Гражданскую войну. Их наследники, либеральные интеллигенты 1960—1990-х, успешно развалили великую страну, создававшуюся столетиями, и провели прихватизацию средств производства, что стало причиной невиданной в мирное время депопуляции русского народа. Все эти наследники всюду эксплуатировали декабристский миф. Будут декабристским мифом триста и сейчас, в условиях фактической мировой войны, которую США ведут за сохранение своей военно-политической и финансовой гегемонии, для чего им требуется слом и распад России. И это особенно опасно, ввиду того, что нынешнее идейное пространство России фактически заполнено либеральной мифологией.

Национальный Медиа-Союз

ИДЕОЛОГИЯ НЕНАВИСТИ «НАЦИОНАЛЬНО СВИДОМЫХ»

На Новороссию вот уже в течение шести лет направлен десятилетиями взращиваемый, непреодолимый, неистощимый дух антирусской ненависти. Человеческим умом почти невозможно понять: отчего невообразимая злоба, которая нацелена киевской властью на русский Донбасс с годами не иссякает? «Никогда мы не будем братьями»... Но ведь психологически проявление всякой ненависти имеет временные пределы. Эта разрушительная эмоция, будучи переведена из области представлений о каком-то объекте в конкретные агрессивные действия, неизбежно должна утрачивать свой эффективный накал, естественно должна утрачиваться и ее целенаправленность. На смену эмоции ненависти после ее психологического выгорания неизбежно должна приходиться обыкновенная эмоциональная усталость. В духовном плане после выгорания ненависти наступает смирение, примирение. «И победу торжествует как прощенье над врагом» — так емко и точно определял А.С. Пушкин в стихотворении «Пир Петра Первого» психологическую динамику от неприятия и ненависти до признания и примирения.

РУССКИЙ МИР

Но что же так неиссякаемо питает непотребную, непереносимую русофобскую ненависть киевской власти, что даже европейские «форматы», не способные ввести ее в цивилизованное русло? Пятнадцать тысяч убитых! И почему эта ненависть по-прежнему является основным, фактически неиссякаемым источником развития политической жизни Украины?

Конечно же, первое что наглядно напрашивается в ответе на этот вопрос — это полное отсутствие всяческой содержательной победы у киевской власти. В оперативном плане — одни только «жабы прыжки» и безжалостные обстрелы мирного населения. А в стратегическом плане — обман и самообман, затуманивание массового сознания возбуждающей ложью, отравление его суетными, мнимыми смыслами, ненавистническое самонакручивание, назидательное подавление инакомыслия, убийство несогласных, духовная мстительность, политическое приспособленчество и т.д. Да разве эти бесконечные, самопорождающиеся проявления ненавистнической истерии могут привести к «победе»?!

Другой фактор неиссякаемости русофобской ненависти менее очевиден, он заложен в самом толковании и понимании «истинной украинской истории». Здесь русофобская ненависть к русским «братьям», к Русскому миру — это «священная», десятилетиями взращиваемая «культурная традиция» «истинной украинской истории», ее базовый вектор, ее идейный источник. На ней выросла и тьма бандеровщины, на ней базируется и нынешняя безумная тяга к «европейскому пути развития». На ней держится психологическая уверенность «національно свідомых українців» (т.е. истинных, сознательных) в своей иллюзорной культурно-исторической исключительности. Эта ненависть к Русскому миру им жизненно необходима. Ее истоки заложены в самом историческом порождении «національної свідомости».

Наверное, для того, чтобы понять политическую силу и временные сроки проявления этой ненавистнической тьмы по отношению к Донбассу, есть смысл рассмотреть историческую биографию, политическую инициацию, идеологическую основу появления этой тьмы и ее психологические последствия.

Русофобия «національно свідомых»

Как долго и старательно скрывалась европейскими историками «работа» самых известных австрийских концлагерей для русских: «Талергоф» (близ австрийского города Грац)

и «Терезин» (гарнизонный городок в 40 км от Праги). С сентября 1914-го по май 1917-го здесь проходила масштабная этническая чистка, физическое уничтожение древнего русского народа, безудержный, невообразимый для нормального сознания **геноцид русских людей**. Австро-Венгерская монархия выдвинула им массовое обвинение в пособничестве Российской империи. Допускалось убийство и по месту жительства, и просто заподозренных в симпатии к России (их называли «русофилы», «москвофилы»). Всё это станет обычным способом утверждения «высшей расы» только через двадцать шесть лет. В мае 1945-го Великая Победа русского народа всё же остановит расползание этой тьмы. А в начале Первой мировой Талергоф и Терезин стали в просвещенной Европе первым опытом масштабного расово-этнического и религиозного уничтожения. Концлагерь в Терезинской крепости продолжит свою «работу» уничтожения и в период фашистской оккупации (освобожден Красной Армией 9 мая 1945).

До конца так и «не оцененный» историей вклад в трагедию массового уничтожения русских людей — русинов — внесли так называемые «украинофилы», что в советский период стало, уже с нашей стороны, еще одним поводом для умолчания этого массового преступления.

Те, что проживали и еще проживают на территории Галиции, в Прикарпатье, называют себя «русинами». Красивый, жизнерадостный, трудолюбивый, поэтичный народ. Само Галицкое княжество еще девять веков назад, до распада Киевской Руси, в начале XII века называлось Червонная Русь. Русские населяли и граничащую с ней Угорскую Русь. Широкою площадью исторического заселения русин, ныне расположенную на территории современной Западной Украины, принято называть еще и Прикарпатской Русью (в некоторых огласовках — «Подкарпатской»). Удивительно, но за эти долгие века чужеродного владычества (поляки, венгры, австрийцы, чехи) русины смогли сохранить свою исконную православную веру, свой язык, свои культурные обычаи, национальные традиции и т.д. И это несмотря на всегдашнее жесткое давление Ватикана, притеснения польской администрации, несмотря на подлость культурного отступничества местной знати.

До двадцати-тридцати (по некоторым подсчетам — сорока) тысяч русских людей за три года «работы» концлагеря были обращены в пыль. В первую очередь, это православные священники, богословы, студенты, публицисты, писатели, адвокаты, львовская профессура, даже гимназисты, сельские интеллигенты, простые крестьяне и крестьянки и их дети,

---

жители целых поселений и др. Впоследствии, через 20 лет, кладбище талергофских мучеников было полностью уничтожено при строительстве на его месте аэропорта. После Второй мировой войны часть захоронений (около двух тысяч) всё же была перенесена массовым порядком в трех цинковых гробах в одну из близлежащих церквей. И больше о судьбе узников Талергофа в Европе никто не вспоминал. О том, что одна из взлетных полос аэропорта города Грац расположена на территории захоронений, стало известно широкой общественности только в 2007 году, через 90 лет после ликвидации Талергофа. Один только скромный памятник, поставленный в 1934-м году во Львове на Лычаковском кладбище, был до этого времени открытым напоминанием о талергофской трагедии («Жертвам Талергофа. 1914—1918. Галицкая Русь»). Про другие австрийские концлагеря для русских (их было около тридцати), менее масштабные, до сих пор ничего не известно.

Издавательства над пленниками, избиения, пытки, голод, катастрофическое распространение болезней, ежедневные убийства заключенных надсмотрщиками лагеря за малейшую провинность ежедневно выкашивали от несколько десятков до сотни совершенно беспомощных, беззащитных людей. Особенно много узников умерло в первые месяцы, ведь людей вывезли фактически в открытое поле. Еще около ста двадцати тысяч были просто убиты, повешены по приговорам австрийских военно-полевых судов по месту своего проживания в городках и селах Галиции, Буковины и Закарпатья, в тюрьмах Львова или застрелены, заколоты штыками, зарублены так называемыми «сечевыми стрельцами» по пути своего следования в концлагеря. Для того чтобы тебя объявили военным преступником, достаточно было только говорить по-русски, читать на русском, чтить свою православную веру, соблюдать обычаи и обряды предков. Так, у мадьяр, отличавшихся особой жестокостью, в ходу был даже такой «тест» определения врага империи — требование прочитать «Отче наш». Если ты читал на латинском, то проходи, если на русском, то ты будешь арестован. А в период наступления Русской армии на Галицию даже зажженная крестьянином в ночи свеча считалась у австрийцев и мадьяр сигналом для противника. За то, что крестьяне только разрешали русским солдатам пользоваться своим колодезем, их после судили и расстреливали целыми семьями.

Русская Галиция никогда не оставляла надежды на воссоединение с Русью, с Россией. Борьба православных народов против турок и тевтонов в ходе Первой мировой стала толч-

---

ком для возрождения православия. «Единая Русь от Карпат до Камчатки» — этот лозунг стал верой и надеждой для русинов, многие шли с ним на казнь. Русские солдаты и офицеры были сильно удивлены, встретив в далеком Прикарпатье людей одной с ними веры, людей, говоривших на совершенно понятном для русского человека языке. Недолгий (около года) приход Русской армии в 1915 г. в Прикарпатье вызвал у галичан волну надежд на воссоединение с единоверцами и на восстановление гуманного правления. В русском генеральном штабе были даже разработаны планы присоединения Галиции к России. Но этим надеждам и планам так и не суждено было сбыться.

Отступление Русской армии, понятно, неизбежно должно было вызвать репрессии по отношению к «русофилам», что определило заметный исход русинов из Галиции. Воссоединение более полутора сотен тысяч галицийцев с русским народом состоялось уже в СССР

Пропаганда мазепенства как истинно национальных чувств

Еще в XV веке было начато «окатоличивание» и «ополячивание» населения Галицко-Волынского княжества папскими иезуитами и польской шляхтой, но в период распада Речи Посполитой активность такого способа «окультуривания» русских заметно упала. А в 1772 году после «первого раздела Польши» Галиция вошла в уже состав Австро-Венгрии. Таким образом, целый русский народ, населявший правобережье Днепра, снова отошел к враждебному для него по вере и по истории государству, был заключен административно в пространство другого мира — к австрийцам и венграм. Это была крупная, говоря современным языком, геополитическая ошибка Екатерины Великой. Если, конечно же, иметь в перспективе единство и целостность Русского мира. Но великодержавность мыслит совсем другими категориями, к тому же она не совершает и «не может совершать ошибок», что якобы является уделом лишь неокрепших и периферийных образований, тех, кто пытается выжить, выстоять, сохранить себя, приспособиться, встроиться и т.д. Великодержавность же сама задает норму своего бытия, как внутри себя, так и снаружи. И, соответственно, великодержавность ориентируется, строит всякий политический расчет на понимании соответствия и поддержании своего величия.

До середины XIX века австрийское правительство признавало единство галичан с остальным Русским миром. Их офи-

---

циально называли *Russen* — то есть русскими или русинами. Австро-венгерская монархия не прибегала к прямому притеснению многочисленных народов, ее населяющих, но весьма умело пользовалась и управляла теми конфликтами и противоречиями, которые неизбежно всегда сопутствуют межнациональным отношениям. Политика лицемерного благочестия являлась основой имперской австро-венгерской власти. Политические отношения Вены с Москвой всегда были натянутыми. Австрийцы, попросту говоря, регулярно предавали русских, если сами были в силе, а когда их дела складывались плохо (как, например, в период наполеоновских войн, восстания 1848 года), то смиренно оббивали порог русского трона. Но они панически боялись усиления русского влияния в Европе. В венгерском восстании 1848 г. крупные польские землевладельцы Галиции, вопреки общей политической ориентации Польши, выступили в поддержку австрийского императора Франца Иосифа. И в благодарность за эту преданность австрийские власти после подавления восстания передали польской шляхте полную, практически безраздельную социальную и религиозную власть над русским населением Галиции.

Галицийские польские магнаты явно были нацелены на перспективу полной и окончательной полонизации Галиции, что со временем само по себе решило бы главный для них тогда вопрос — о геополитической принадлежности Галиции. Этим их интересам абсолютно отвечала и сама русофобская направленность политики австро-венгерской монархии. Уже нужно было применять более эффективные методы иезуитского «окультуривания» русинов, которые сводились бы уже не только к хитроумным диспутам о догматах веры, не к бесконечным проповедям об «истинности и праведности католицизма», не только к хамскому шляхетскому унижению русской культуры и православия, не только к властному и экономическому давлению... Эту политику грубой, наступательной русофобии можно назвать первым этапом колонизации Червонной Руси. Замышлялось духовно расколоть русский народ, взрастить в нем самом отступничество от своей веры и культуры. Прежде применяемая политика прямой полонизации и окатоличивания коренного русского населения, конечно же, не исчезла, но стала проводиться с еще более невиданной прежде иезуитской изощренностью в информационно-идеологическом плане, с более глубокой культурно-духовной разрушительностью.

Теперь в ход вступили и постоянно совершенствовались новые социально-политические, пропагандистские приемы:

масштабная фабрикация «нужных» исторических событий, регулярные политические провокации, коренное «реформирование» русского просвещения и образования, системное формирование заинтересованного корпуса национальных предателей, тотальная дерусификация церковной жизни, печатных изданий и т.д. Идейным базисом этого нового подхода («политтехнологического», как можно сказать по-современному), предназначенного для радикального раскола и окончательного уничтожения русских и православной веры, стало активное распространение в Галиции идеологии «*мазепенства*», получившей свое название от имени известного предателя и вероотступника Ивана Мазепы, фигуры, весьма популярной в европейской и русской романтической литературе еще с XIX века.

Личность, следует признать, незаурядная, наделенная скрытыми страстями и большим обаянием. Он был прекрасен, по европейски образован, много путешествовал. Мазепа с юных лет был до глубины прельщен пышностью, утонченным интриганством и властолюбивым «величием» польского престола. Мазепа, в противоположность всему украинскому гетманству, обладал аристократическим лоском и придворными манерами, знал большинство европейских языков. Любимым европейским писателем Мазепы был Николо Макиавелли. И больше всего на свете он любил власть, гетманские почести, богатство, являясь при этом богатейшим помещиком Украины. Ради достижения этих своих идеалов он способен был пойти на всё, на любое предательство, даже на убийство своих сторонников или, например, на продажу в рабство крымскому хану запорожских казаков и т.д. В зависимости от жизненных обстоятельств он менял свою приверженность вере: то православный, то католик. Однако при всех своих грязных поступках и предательствах он был весьма красноречив и необычайно убедителен, доказывая, что совершает их ради одной «великой» цели — обретения Украинной силы и самостоятельности. Он сумел убедить в своей абсолютной преданности России и православию даже царя Петра I, который абсолютно ему доверял, всячески превозносил его, наградил его Орденом Андрея Первозванного («За веру и верность»).

Исчерпывающую психологическую характеристику этому «историческому герою» нынешней Украины дал в свое время автор поэмы «Полтава» А.С. Пушкин: «Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» И весь этот

парад нравственных ценностей был проявлен Мазепой в начале XVIII века в его отношениях с Россией и с украинским казачеством. Эта подлая демонстрация Мазепой его преданности Москве была всего лишь временем для чуткого поиска сильного господина, для того, чтобы удержать свою гетманскую власть и затем получить воеводство. Он выжидал только наиболее удобного момента для достижения своей политической и материальной выгоды.

Нападение шведов на Россию было совершено в крайне критический момент для нее, когда она была ослаблена войнами и истощена экономически. В шведско-европейских планах предполагалось полное уничтожение Русского государства, даже разрушение его столиц. И Мазепа наконец сделал ставку на Карла, на Европу. Ради протекции шведского короля Карла Великого он предал польского короля, с которым ранее вел тайные переговоры. Мазепа после непосредственной встречи с Карлом быстро разочаровался в нем как в серьезном стратеге и даже попытался пойти на поклон к Петру, так что шведы были вынуждены взять гетмана под караул. А после поражения Карла Мазепа предал уже и другого польского короля. Вот в этом — подлая, неблагодарная судьба почти всего украинского гетманства, этого псевдогосударственного способа управления Украиной, ловко скроенного поляками для удержания в повиновении казацкого войска. И ведь никто, никто не может четко объяснить: а что же сделал хорошего Мазепа для столь «любимой» им Украины?..

Торговля национальным, политическим, культурным, духовным предательством («зрадой»), торговля ненавистью к России, духовно-нравственное флюгерство — вот исчерпывающая идейная суть мазепенства как историко-политического, нравственного явления. А необратимым итогом такого рода «патриотизма» становится анафема Мазепы, символическое сожжение его чучела, сопровождаемое награждением его Орденом Иуды, смерть на чужбине от невообразимого скопища вшей. «Хероям слава!»

Правоверным носителем мазепенства поляками был определен «особый народ» — *«украинский»*. Пропагандистский миф о его исключительном культурно-историческом происхождении искусно создавался иезуитами и польской шляхтой (основной автор — граф Ян Потоцкий) с середины XIX века. Малороссия стала именоваться поляками «Украиной». А в качестве материального наполнения исторической пробырки выступил сформированный за века польского владычества корпус пособников, предателей и отступников, на-

---

бранный из числа самих галичан, которые прельстились пропагандой превосходства католицизма над православной верой, открыто называемой польской шляхтой «холопской», которые не устояли перед иезуитским внушением культурного превосходства полячества над русскостью.

Это «благородное собрание» культурных избранников от Украины, естественно, стремилось к своему политическому объединению и оформлению. Для этого польской администрацией были созданы соответствующие печатные издания, школы, общественные объединения и т.д., придавшие «украинофильству» необходимые ему форму и силу публичности. А со временем весьма умело был сооружен даже и «научный» каркас исторической биографии «украинского народа» (главный разработчик исторического базиса этого «культурного проекта» — Михаил Грушевский). Это позволит создать уже и главную цель всего этого «проекта» для нынешнего времени — соответствующий аналог национально-культурной идентификации (разработчик «проекта» — Степан Бандера, исполнитель — Петр Порошенко). Исходная русофобская основа всего этого «блистательного» в прагматическом отношении «культурного проекта» разрабатывалась и проводилась при полном контроле и высоком одобрении со стороны австрийско-немецкого генерального штаба («Украину создал я!» — заявил генерал Гофман). Об этом тогда, на период Первой мировой войны и после нее, в России было хорошо и широко известно. А потом вспоминать об этом стало неприлично, неполицкорректно. И — «Слава Украине!»

Идея «національно свідомых галичан-українців», т.е. знающих свое особое культурное, историческое происхождение, идея их особого языка, истории, обособленной от Руси, будет умело и интенсивно разрабатываться от середины XIX века до самого начала Первой мировой войны. Содержанием этой высокой идеологии, кроме обязательного откровенного предательства России, со временем станет и истовая, испепеляющая, надуманная вера в свою цивилизационную исключительность, в свою культурную суверенность, оголтелая вера в прямую причастность «украинцев» к основным событиям европейской истории. В дальнейшем «національно свідомые» уже сами займутся разработкой *идеи культурно-исторического украинского мессианства*. Это, конечно же, уже никак не могло интересовать отцов «культурного украинофильского проекта», заполучивших свой русофобский выигрыш. А со временем, после отторжения в 1920 году Западной Украины Польшей, даже стало явно противоречить ее интересам геополитического доминирования.

И развитие «культурно-исторического украинофильского проекта» после окончания Первой мировой войны шло уже за счет самих его внутренних ресурсов. Машина по «культурно-историческому» производству русофобии и национал-предателей набрала обороты и уже могла действовать в режиме самопроизводства. И всё шло строго поэтапно: от Грушевского, первого президента свободной Украины, — до большевиков-«боротьбистов», перекрашенных эсеров; от большевиков — до Бандеры; от Бандеры — до «революции достоинства» 2014 года; от «революции достоинства» 2014 года — до Порошенко; от несгибаемого русофоба Порошенко — до сверхгибкого Зеленского, сумевшего стать лакеем не только Америки, но даже еще и Польши (Жива, жива оказалась заведенная поляками «культурная традиция!» «Польша не сгинела!»). И во все времена неизменно остаются главные идеологические постулаты «свідомости» — политическая продажность, предательство России, лакейская служба своему очередному хозяину (поляки, австрийцы, немцы, теперь — американцы...).

И как эмоциональное оправдание этого своего «культурно-исторического» предательства — лютая, неостываемая, постоянно возжигаемая ненависть к Русскому миру, к «москалям», к их великой культуре, к их нестигаемой православной вере, к их сложной и неповторимой истории. Если перефразировать призыв крупнейшего тактика Великой французской революции Дантона («Чтобы победить врага нужна смелость! Еще раз смелость! Всегда смелость! И Франция будет спасена»), то кредо «революции достоинства» может выглядеть так: «Ненависть к москалям! Еще раз — ненависть! Всегда — ненависть! И «нэзалэжная» будет спасена!». Эта «культурно-политическая эмоция» была и остается характерологической чертой «свідомых», их маркером, их опознавательным знаком, их мышлением, их духовной основой, их психологической питательной средой.

Эти две «культурные ценности» — предательство и ненависть — сложились у «національно свідомых галичан-українців» в период кровавого подавления движения русофильства в Галиции и стали исходной основой их политической биографии и их будущего политического облика.

Продажность как вид патриотизма и политической самостийности

Галичан в процессе их украинизации в конце XIX века начинают называть «украино-русским» населением, а затем

и просто «украинским». Малая Россия уже окончательно обращается в «Украину», а Галиция становится Западной Украиной. И с начала XX века эта лексика становится уже официальной в делопроизводстве австрийского правительства. Всех инакомыслящих «патриоты-украинцы» объявляют «москалями» и «агентами Москвы», нанятыми за «царские рубли». Об этом ясно и недвусмысленно пишется в многочисленных доносах местным властям. За представителями западнорусской интеллигенции, выступающей против насильственной украинизации, устанавливают слежку, организуются кампании репрессий против инакомыслящих. Однако, подавляющее большинство жителей Галицкой Руси по-прежнему называет себя русскими или русинами, а свой язык, представляющий собою галицко-русское наречие, — русским языком.

В 1894 году «научно-историческую базу», необходимую для обоснования и проведения украинофильской, антирусской политики в Галиции, создаст историк Михаил Грушевский, написавший первую книгу по истории «украинского народа». А в 1899 г. при финансовой поддержке австро-венгерских властей глава униатской церкви митрополит Андрей Шептицкий, польский граф, тайный советник по «украинским делам» при императоре Австро-Венгрии Франце Иосифе, по совместительству еще и германский шпион, организовал «Украинскую народно-демократическую партию», основу которой составило украинофильское униатское духовенство, воспитанное им самим. К началу Первой мировой войны австрийские власти именно на основании доносов «національно свідомых галичан-українців» арестовывают почти всю русскую интеллигенцию Галиции, а также и тысячи простых крестьян. Доносами были заполнены все газеты украинских партий и в Галичине, и в Буковине, «свідомые», по сути, становятся добровольно-пристрастными информаторами австрийской полиции и военных штабов, они выступают и как «нужные» свидетели на судебных процессах.

К государственной измене приравнивается обучение русскому литературному языку и чтение газет из России, идет искоренение русского языка во всех учебных, благотворительных и просветительных учреждениях. После начала войны на русских галичан австрийские власти возлагают всю тяжесть вины за свои поражения на восточном фронте. По доносам украинствующих и в отместку за свои неудачи отступающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи крестьян. И вершиной этой «работы» по дерусификации Галиции в 1914 г. становится организация кон-

---

цлагерей, главным из которых стал Талергоф. Чтобы избежать репрессий или быть отпущенным после ареста, достаточно было записать себя украинцем. Но тогда ты неизбежно становишься на путь вероотступничества, предательства своего народа, своей веры, и среди русинов таких оказалось немало.

Только благодаря добровольному сотрудничеству «національно свідомых галичан-українців» с австрийскими властями, их продажности и их нечеловеческой ненависти к Русскому миру масштаб австро-венгерского военного-политического террора и принял столь массовый и бесчеловечный характер. Именно в период бедствий и разрухи Первой мировой войны и последовавшей вслед за ней Гражданской войной идеология «мазепенства» вышла за пределы Галиции и распространилась на территории Малороссии, к тому времени окончательно называемой уже Восточной Украиной. В этот период мазепенство стало утверждаться уже и не только как кровавый украинофильский, антирусский разгул, но и как оформившаяся военно-политическая сила, имеющая выраженный криминальный дух. Она, эта сила, со временем расплодится по территории всей Украины, навсегда отравив и сковав ее «галицийским смрадом» — диким «украинским» национализмом, стремлением к криминальному насилию над всеми «иными», к политической продажности, к национальному ненавистничеству.

Мазепенство, таким образом, из внешнего исторического явления, из сконструированного и распропагандированного идеологического клише стало внутренним приобретением, т.е. вошло в содержание характера «національно свідомых галичан-українців», стало их *неотъемлемой индивидуально-психологической особенностью*. В этот период — от конца XIX до начала Первой мировой войны — окончательно на примере Червонной Руси сложилась и была испытана схема непримиримой борьбы с Русским миром, тактика тотальной русофобии, которая будет совершенствоваться лишь в деталях, а в основных своих положениях неизбежно будет стремиться к достижению своего агрессивного предела. Ее суть — притеснение православной веры, этническое унижение русских, научно-политическая разработка сценариев исторической лжи, активное ущемление, а затем — ликвидация русского образования и печатных изданий, разгром общественных организаций, запрет русского языка и прочее. А в процессе этого потока «культурных» мероприятий вполне возможной и психологически допустимой для массового сознания становится уже и физическая ликвидация «русофилов». И всё

это — под пристальным попечением и руководством своего очередного хозяина.

Наиболее полным выражением мазепенства и взращенной на ее основе русофобии после «октябрьской смуты» станет петлоровщина, с ее неистребимой ненавистью к москалям, с ее страшными еврейскими погромами, с ее продажностью польскому диктатору Пилсудскому — очередному, хоть и не долговому, хозяину «свідомых українців». А со временем смрадное явление мазепенства станет проявляться не только в форме кровавого националистического брожения в смутные «революционные» времена, но обретет и четкие черты предельно агрессивной, экстремистской политической идеологии — *бандеровщины*. В ней ненависть к «москалям» и иным народам Украины (полякам, евреям, простым, не свідомым, украинцам) дойдет до своего нечеловеческого предела, а прислужничество своим новым хозяевам — фашистским оккупантам — станет основным и даже единственным способом политического и жизненно-хозяйственного существования «свідомых українців» (проведение карательных операций, охрана концлагерей, погромы, грабеж и т.д.).

«Культурный проект» «національно свідомых»

По итогам передела мира после окончания Первой мировой территория Галиции, Волыни и др. без малого двадцать лет целиком находилась под управлением оккупировавшей их Польши, под властью предельно националистически настроенной польской администрации. Полонизация этих земель могла проводиться теперь простым, бесхитростным методом — принудительным, административно-правовым. Культурно-исторический проект украинизации русских уже для Польши, для крайне агрессивного националистического режима маршала Пилсудского утратил всякий свой политический смысл, украинизация стала ей не только не нужна, но теперь уже в корне противоречила ее государственным интересам. Ополячиванию, причем теперь прямому, тотальному и весьма жесткому, подвергалось без всяких ограничений уже всё население этих земель, в том числе и то, которое прежде считало себя вполне лояльным по отношению к полонизации, т.е. украинофильское. И «украинские активисты» начали предприимчиво выстраивать отношения с фашистской Германией, своим будущим хозяином. Это жесткое, истинно европеизированное «окультуривание» Польшей и просто украинцев, и «украинофилов», и «національно свідомых галичан-українців», а также болезненная потеря после-

---

дними прежнего политического хозяина вызывали у них теперь вполне естественные реакции социального ожесточения и политической консолидации (что ускорило оформление бандеровской идеологии). А по прежней традиции утверждения собственной идентичности, сложившейся для «украинофилов», это породило и реакции, предельно насыщенные эмоциями ненависти и мстительности. Этот эмоциональный запал даст свои кровавые всходы сначала в виде организации широкого террора в 1930-е гг. против польской администрации, а затем и в других событиях после начала Второй мировой войны.

Присоединение Западной Украины к СССР в сентябре 1939 года будет почти два года наполнено для «свідомых українців» тревожным подпольным выжиданием. А уже после начала немецкой оккупации в июне 1941-го их «священная борьба» за свою идентичность примет теперь уже свои естественные проявления и формы — обыкновенного, конвейерного убийства поляков, евреев, русских, не «свідомых» украинцев и других. Первым этапом этой «священной борьбы» следует считать начало масштабного львовского еврейского погрома в начале июля 1941-го, проведенного даже еще до прихода немцев во Львов. А в 1943 году «борьба» уже развернется в событие, которое теперь квалифицируется польским сеймом как *геноцид*, проводимый ОУН-УПА (запрещенные в РФ организации) на территории Волыни, Галиции, Полесья, Холмщины. Это событие, во имя соблюдения режима «дружбы народов», замалчивалось в течение почти шестидесяти лет, но теперь оно широко известно под своим страшным названием: «Волынская резня».

Трудно себе представить, но такое мутное, античеловеческое явление, как насильственная украинизация и подавление русофильства, практически утратившее свое значение в 1920-е годы на территории Западной Украины, на территории же Восточной Украины получило такую огромную государственно-политическую инициацию и поддержку, что масштаб и темпы этого явления ни с чем сравнить нельзя. Речь идет о реализации политической большевистской программы под названием «коренизация».

В начале 1920-х гг. до середины 1930-х большевики для того, чтобы укрепить свою власть на национальных окраинах, активно продвигали так называемую «программу коренизации». Многие партийные и советские функционеры на местах не знали языка местного нерусского населения и нередко пренебрежительно относились к его традициям и культуре, демонстрируя недопустимый, знакомый местному на-

---

селению по былым годам так называемый «великорусский буржуазный шовинизм». Это вступало в явное противоречие с ростом национального самосознания нерусского населения. У высшего большевистского руководства выраженная «русская» языковая и этнокультурная доминанта вызывала опасение в правильном решении «вопроса развития национальных культур». Идеологической основой «коренизации» стала провозглашённая еще в октябре 1917-го «Декларация прав народов России».

В апреле 1923 г. «коренизация» при одобрении ее со стороны Ленина была объявлена официальным курсом партии в национальном вопросе. Суть «коренизации» заключалась в том, чтобы в администрации, в образовании и в сфере культуры национальных республик и автономий заменить русский язык на языки национальных меньшинств. Последовало массовое выдвижение на руководящие партийные и административные посты различных уровней местных национальных кадров. Попытки заставить уже имеющиеся русскоязычные партийные и административные кадры в национальных окраинах освоить язык местного населения были малоудачными, поэтому их пришлось заменять «коренными» кадрами. Эта политическая и культурная кампания советской власти в национальном вопросе была призвана «сгладить» противоречия между центральной властью и нерусским населением СССР.

Тема «коренизации», понимание ее политического и исторического значения, как можно судить, еще только начинает разрабатываться в современной российской историографии. По вполне понятным причинам она полностью замалчивалась последние восемьдесят—девяносто лет. Но при этом в политическом плане всегда представляла интерес для западных историков, являясь одной из стратегических основ ведения информационной войны против современной России — сначала со стороны фашистской Германии, а за тем и «коллективного Запада». Однако эта тема на сегодня уже достаточно широко освещена в разного рода информационных, публицистических материалах, чтобы можно было определить ее основную историческую проблематику и понять ее основные культурные итоги.

В рамках этой «программы» уже для всего «украинского народа» была окончательно заложена ставшая впоследствии неистребимой культурно-историческая традиция насильственной украинизации всех и вся. В рамках этой искусственно сформированной «традиции» уже вполне естественным путем выросло понятие «самостийности». И уже восточ-

---

ным «украинофилам» даже не требовалось, как «западникам» во времена власти поляков и австрийцев, каких-то мутно-предательских метаний, выжиданий, написания доносов, совершения преступлений и т.д. Для этого только и осталось, что сделать естественную, саму собой напрашивающуюся политическую перестановку — заменить запутанную марксистско-большевистскую идеологию «права нации на самоопределение» и восторженную «Декларацию прав народов России» на простую и ясную идеологию украинского национализма. И на волне «культурных» итогов «программы коренизации» произошло спокойное и уверенное соединение идейных платформ западных националистов-радикалов и поначалу умеренных восточных националистов — «національно свідомых галичан-українців» и восточных «украинофилов».

Еще одним «культурным итогом» «программы коренизации» стало полное завершение движения русофильства на Западной Украине, окончательное решение там «русского вопроса», которое, как это ни парадоксально звучит, наступило сразу после присоединения ее к составу СССР.

В рамках этой политически рукотворной русофобской идиллии, сотворенной украинскими большевиками-националистами, и стал складываться будущий *политический класс Украины*, который в начале 1990-х и привел ее наконец к «самостийности» и «нэзалэжности». А затем — традиционно, следуя уже выработанной европейской традиции, для «національно свідомых українців» наступила эра испепеляющей русофобии («Украина — не Россия!»), отвечающей строгим правилам европейского политического «этикета» и политической продажности. И в этих условиях уже естественным историческим приобретением «нэзалэжной» Украины стала ее фашизация, экономическая разруха и развязывание ею почти шестилетнего тотального террора в отношении своего бывшего населения — ДНР. «Смелость! Еще раз смелость! Всегда смелость!»

Триумф дерусификации или «коренная» национализация

«Коренизация», опираясь на методы большевистской борьбы, очень быстро набрала такую силу, масштабы и темпы, что с сегодняшних позиций ее можно скорее назвать интенсивной кампанией за беспощадное искоренение русского языка. Кампания эта проявилась на Украине с особенной, просто неописуемой силой, получив более конкретное и

точное название — «украинизация». В первую очередь нужно было опровергнуть утверждение, что «украинская нация — выдумка немцев». Вслед за решениями X съезда РКП(б) 1921 года, в которых сказано: «Украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов» и «...если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы», украинские ЦИК и Совнарком приняли постановление об украинизации своих госструктур и предприятий. Программу «украинизации Украины» планировалось полностью завершить до 1 января 1926 года. Все рабочие и служащие предприятий и учреждений (вплоть до обслуживающего персонала) были обязаны выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы, причем за свой счет (!). Всем рабочим и служащим необходимо было сдать экзамен на знание языка, иначе выгоняли с работы. Специальное разрешение особо ценным работникам могла выдать только комиссия по украинизации. За пять лет, конечно же, никак не смогли уложиться, т.к. практически всё население Украины к ее украинизации отнеслось весьма несерьезно. Малороссийское чувство юмора, описанное еще Гоголем, спасало от накатившего абсурда многих. Для достижения необходимых идеологических результатов явно нужно было применение более жестких и прямолинейных подходов.

И эта линия партии стала продвигаться с приходом на пост генсека КП(б)У Л.М. Кагановича в 1926 году. До него этот процесс еще предполагал какую-то адекватность — подготовку педагогических кадров, создание обучающих организаций и т.д. При Лазаре Моисеевиче тезис о невозможности противостояния «крепостей» перед большевиками получил свое реальное воплощение. Полностью украинизировались школы, детские сады, украинизировались газеты, радиовещание, вузы, театры, учреждения, даже надписи, вывески и т.д. Преподавание, делопроизводство и любое написание должно было производиться только на украинском языке. Специальные комиссии следили за тем, чтобы это выполнялось неукоснительно, они следили даже за тем, чтобы работники учреждений и в быту пользовались только украинским языком. Изучение русского языка приравнивалось к изучению иностранного.

К 1930 г. на Украине остались только три большие русскоязычные газеты. Представление о Малороссии, об украинцах как южной ветви русского языка и русской культуры было полностью вытравлено из исторического сознания народонаселения Украины и СССР. И это была не истеричная западная пропаганда русофобии, а голая, реальная, предель-

---

но жесткая партийно-идеологическая практика настоящего русофобского беспредела. «Смелость! Еще раз смелость! Всегда смелость! И дело революции будет спасено!»

Около 70% населения Советской Украины были русскими. Украинцы занимали только до 8-10 процентов, а в промышленных городах, таких, как, например, Харьков или Днепропетровск, и того меньше — всего лишь до 2-3-х процентов. При этом в качестве украинского языка был выдвинут не разговорный украинский язык, а так называемый «*галицийский литературный язык*». Язык, не всегда понятный даже самим украинцам, к тому же вызывавший у них ассоциации с недавней немецкой оккупацией. Учебников по этому языку на Украине не было, и нередко использовались те, которые были напечатаны еще австрийцами для галицийских школ, в них даже красовались портреты «найяснішого пана цісаря» Франца Иосифа. В этом языке полно было чуждых для русско-малороссийского уха полонизмов, германизмов, польских и немецких слов. Недовольными и протестующими родителями школьников очень серьезно занимались местные чекисты. В украинский новояз вводились даже придуманные слова, сотнями, тысячами внедряемые специальным составом украинских «академиков» в постоянно издаваемые словари. Базовым критерием создания неологизмов являлось якобы отсутствие аналога изобретенного слова в русском языке и его диалектах. На образцовом «литературном украинском» не могли писать даже украинские писатели, за что их по партийной линии обвиняли в «буржуазности», в «рабской зависимости от русской языковой традиции» (по сути — тоже «буржуазной»). Так был окончательно создан современный украинский язык.

Вся эта абсурдная политика украинизация Украины, а также партийным способом внедряемый национализм и идеологически вскипячённый украинский гонор вызывали у самих украинцев недоумение, враждебность и даже самую настоящую ненависть, порождающую презрение ко всему украинскому, к украинской литературе, к украинским культурным, ментальным особенностям. В той абсурдной ситуации большинство селян считало и открыто называло себя русскими. Селяне на своих собраниях часто просили «приписать себя к РСФСР». Особенно сложно великое дело украинизации продвигалось на Донбассе, где процентная доля русского пролетариата была высока, как нигде, и украинизация здесь проходила скомканно, фрагментарно. Пришлось ограничиться выдачей паспортов с соответствующей записью в графе национальность — «украинец».

Необходимо прибавить к этому феномену украинизации Украины и тот невообразимый факт, что при активном давлении КП(б)У в 1920-х — начале 1930-х годов проводилась украинизация населения смежных с Украинной территорий исторически до определенной степени заселённых выходцами с Украины: Кубани, Ставропольского края, части Северного Кавказа, Курской и Воронежской областей РСФСР. В приказном порядке школы, организации, предприятия, газеты переводились здесь на украинский язык обучения и общения. Украинизация затронула и ряд областей Северного Казахстана, на тот момент являющегося автономией в составе РСФСР. Так, почти все школы Фёдоровского района Кустанайского округа в 1930—1932 гг. были переведены на украинский язык, а сама украинизация в районе была закреплена за Харьковским Обкомом партии.

Понятно, что столь абсурдное «планов громадьє» не могло сбыться, т.к. невозможно по приказу и к тому же быстро поменять свои культурно-языковые ориентации. И, соответственно, насильственная украинизация вызвала крайнее недовольство населения Украины и прилегающих к ней регионов. Для выравнивания чудовищного культурно-языкового перекоса постановлением ЦК КП(б)У от 19 апреля 1927 было всё же решено «признать особое значение русского языка». Однако в некоторых областях Украины большевики-националисты, наоборот, пошли путем ужесточения мер по политике «коренизации». Так, в июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации».

В результате такой политики даже в партийных кругах КП(б)У наметилось расхождение мнений. И вот уже в августе 1932 года И.В. Сталин заявил о серьёзном неблагополучии в украинских партийных организациях и о «засилье в них скрытых националистов и иностранных агентов». Во имя «борьбы с буржуазным национализмом», политику украинизации наконец начинают свёртывать. Последовал, как это несложно предположить, многочисленный ряд арестов коммунистов с «украинским уклоном». Но несмотря на репрессивные меры, остановить набранные темпы реализации «права на самоопределение» украинской нации сразу не удалось. И наряду с критикой политики украинизации продолжали ставиться задачи ее дальнейшего проведения в УССР. В частности, на XIII съезде КП(б)У, проходившем в 1937 году, С.В. Косиор говорил

о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» по тем же направлениям, что и десять лет назад. Однако уже 10 апреля 1938 года на заседании Политбюро ЦК КП(б)У рассматривался вопрос о реорганизации национальных школ, и с 1 сентября 1938 года русский язык в качестве предмета преподавания был введен во всех школах Украины. В том же году стала выходить газета «Правда Украины» на русском языке. Эти события и принято считать завершением предвоенной, самой масштабной и «коренной», украинизации Украины.

В целом кампания «коренизации», невзирая на ее явную антирусскую подоплеку и направленность, принесла свои очевидные позитивные политические результаты — укрепление советской власти в национальных образованиях. Но никто и никогда не обращал внимания на негативные культурные, социальные, психологические последствия кампании «коренизации». А ведь эти «последствия» явно носили (и не могло быть иначе) длительный, непреходящий характер, скрывая в себе глубокий, «тёмный» потенциал реального развития межнациональных отношений.

Национальная политика государства, в которой один народ становился «политическим средством», а другой являлся «культурной целью», никак не могла быть устойчивой, ясной, взаимообогащающей, паритетной и т.д. Все политические огрехи и культурные искажения до развала СССР успешно нейтрализовались мощной партийной пропагандой о «братской семье советских народов». За этой пропагандой «братства» и классового взгляда на устройство мира пропадал из внимания животворный опыт исторического добрососедства, сотрудничества; утрачивалась ценность истинного этнического взаимоуважения, взаимопомощи; размывались реальные границы зон национальной терпимости; отрицалось влияние культурных кодов на межэтническое поведение и т.д.

Политика «коренизации» в национальных образованиях завершилась в СССР в 1937—1939 годах возвратом к русификации. Нигде больше, как на Украине, политика «коренизации» не имела такого сильного идеологического воздействия на умонастроения коренного населения и таких разрушительных культурных последствий.

«Политические результаты» и неуправляемая динамика скрытых сил

Сплетенные в один узел дерусификация и насильственная украинизация пришли к своему однозначному результату — вытоптанному культурному полю, которое стало стихийно

зарастать сорной травой украинской националистической идеологии. Украинизация, непримиримая борьба с русофильским влиянием после проведения «программы коренизации» стала прямо-таки этнокультурной традицией Украины. Она фактически возродится на период немецкой оккупации Украины, ее всплески будут явственно наблюдаться после передачи Н.С. Хрущевым в 1956 году Украине Крыма. Особенно усилятся попытки украинизации непокорного полуострова в период после распада СССР, но уже ни идеологического запала ни элементарно «грошей» для этого явно не хватало.

Под патронажем «коренизации» стихийное, фрагментарное движение «самостийной» украинской культуры, языка, этноистории получило свой собственный «культурно-политический» антураж, глубоко проникло в жизнь общества, получило свою реальную общественную динамику. Оно стало для Украины каким-то всеобъемлющим смыслообразующим явлением, некой самореализующейся социальной смысловой системой, ложной по своему содержанию, т.к. она носила откровенно антикультурный, антидуховный генезис и обладала деструктивным характером. Но эта «система» по умолчанию всегда поддерживалась на республиканском властно-политическом уровне, стремилась к самораспространению и утверждению на государственном уровне и этим, безусловно, способна была влиять на все стороны общественной, политической жизни как Украины, так и всего советского государства.

Чудовищный идеологический проект «коренизации» взвихрил украинский национализм на всех уровнях — от бытового до властно-политического. «Коренизация» взлелеяла и неявно возвела на политическую вершину самый злобный и ядовитый элемент в жизни русско-украинского народа — *«галицийский смрад»*, который в той или иной степени проник теперь уже во все сферы жизни Украины. Он незримо стал здесь самой активной теневой политической силой. Он вытравил или уничтожил пытливую, глубоко патриотичную гуманитарную украинскую интеллигенцию, извратил истинные культурные коды прекрасного народа. На место развития и поддержания теплой, добросердечной национальной культуры выступило жесткое возвращение национальной обособленности и гордыни, что подавляло в украинском характере свойственные ему черты теплоты, мягкости, юмора. В этом характере усиленно стали развиваться не самые симпатичные его черты: рефлексивное заикливание («Думы, мои думы...»), погруженность в переживание своих обид, затайнность, хитрость, мелочный прагматизм. Обычное для

украинцев насмешничество над обычаями москалей стало нередко переходить в настороженность, в скрытое глумление над всяческим проявлением русскости.

Сформированная программой «коренизации» за полтора десятка лет насильственное украинское культурно-языковое доминирование не способно было породить ничего содержательного, что неизбежно привило украинскому народу **глубинный комплекс культурной неполноценности**. На динамике его психологического преодоления в постсоветский период сформировалась целая субкультура антимоסקальского «гумора» и злобного зубоскальства. А в «майданный» период антирусский тренд приобрел уже не просто характер напряженной научно-политической серьезности, но предельно острой русофобии, доведенной до степени даже расистского, колониалистского отношения к русскому населению Украины. И уже раскрученная националистическая ненависть «свідомых» неизбежно привела к способности убивать.

Червоная Русь — жертва «программы коренизации»

«Коренизация» определила крайне непримиримое отношение советской политической власти к западно-украинским «русофилам». Что накануне неизбежной войны с Германией было явно опророчивым тактическим шагом.

Присоединение в 1939 году Западной Украины к СССР поначалу породило там надежды у «русофилов», т.к. «идея культурного единства русских племен», несмотря на страшные репрессии 1914—1918 годов, была всё еще сильна в умах русско-галицийской интеллигенции, православного духовенства и русинского крестьянства. Но приход Советской армии на эту древнюю русскую землю в итоге, наоборот, стал окончательным крушением всяких надежд на воссоединение с великороссами.

Ленинско-большевистская идеология «коренизации» Украины не могла отнестись к «русофильству» иначе как только к остаткам «царской», «великодержавной», «белогвардейской» идеологии, как только к наследию «великорусского буржуазного шовинизма». Понятно, что никакой поддержки не могло ожидать здесь и православие. Здесь даже была распущена компартия, а также шло активное «очищение от вражеского элемента» силами НКВД. И присоединение Западной Украины к СССР никак не могло стать соединением русин с русским народом, а Прикарпатской Руси — с Россией. «Русский вопрос» в Галиции, в Западной Украине не

ставился и не обсуждался советской властью на политическом уровне. И как это ни парадоксально, но фактически советизация Западной Украины не вступала в открытое политическое противоречие ни с насильственной «украинизацией» Прикарпатской Руси накануне Первой мировой войны, ни с насильственной ее полонизацией накануне Второй мировой войны (кстати сказать, совсем иная ситуация наблюдалась в Западной Белоруссии).

И неудивительно, что в начале немецкого наступления советская власть не получила на Западной Украине серьезной поддержки местного населения, которое присматривалось к «русским» только с точки зрения получения возможных экономических выгод. Почти все призывники, набранные накануне войны с этой территории в Красную Армию, оказались или дезертирами или предателями. А части ОУН оказывали открытое сопротивление Красной Армии, хотя до начала немецкой оккупации вели себя очень осторожно и скрытно. Фактически вся Западная Украина оказалась зоной массового коллаборационизма.

Червоная Русь, прикарпатское звено могучей древнерусской цепи, тихо и незаметно выпало из пространства Русского мира. Окончательно запертая во враждебное идеологическое, в антикультурное, в антирусское пространство, она сникла, уснула, замолчала, растаяла в историческом времени. «Русский огонек» здесь погас. А позже прикарпатский голос «тихой моей родины» совсем перестал быть слышимым в триумфальном вихре ансамбля «братских народов», чтобы уже после развала Союза и последовавшего за ним аффективного накручивания «самостийности» умолкнуть и вовсе.

Итоги программы «коренизации»

Кампания «коренизации» нанесла очевидный антикультурный, антицивилизационный удар по Русскому миру. Она поставила русское и русскоязычное население в национальных образования СССР в положение политического инструмента, идеологического материала, в положение «исполнительских кадров». Это не могло не иметь психологических и социальных последствий для положения русских людей в межнациональных отношениях.

Использование, фактическое принижение русского языка, русской культуры в политических, идеологических целях, в первую очередь, объективно подрывало и уважение русской нации к самой себе, к своей великой культуре, к своей великой истории. Нет сомнений, что «коренизация» спо-

---

собствовала росту бытового и социального национализма в тщательно оберегаемых, вскармливаемых большевистской партией и властью национальных образованиях. Что со временем дало внутренне обусловленный стимул для масштабного разгорания и развязывания национальных конфликтов (особенно на Кавказе) в периоды горбачевской «перестройки» и ельцинского развала СССР. Последовавшая за этими конфликтами расправа над русскоязычным населением, их прямое и фактическое ограбление, затем политизация национализма, демонстративно-агрессивное формирование национальных элит и гордый «парад суверенитетов» преопределили массовый исход русских из национальных окраин. Об этом крайне редко сообщалось в СМИ и никогда не допускалось обсуждать это на властно-политическом уровне. После исхода русских из азиатских национальных окраин в конце 1980-х — начале 1990-х как самого квалифицированного и «толерантного» населения там образовался социальный хаос, возникла настоящая гуманитарная катастрофа. Что сразу же дало повод Западу предложить здесь свою «гуманитарную помощь». А у местного террористического подполья появилась возможность жестко распространить там свое информационное влияние и военное присутствие.

«Коренизация» как неуклонная линия партии отражала и утверждала крайне несправедливую тенденцию в национальной политике советского государства, поддерживаемую на всех уровнях власти, — решать все основные политические и экономические вопросы в первую очередь за счет людских и экономических ресурсов русского народа, за счет его интеллектуального потенциала и энергии, за счет дарения образовавшимся республикам его исконных территорий, исторически завоеванных и освоенных. При этом любая, даже самая глухая апелляция к социальной «справедливости», к национальному равноправию со стороны русских однозначно рассматривалась как проявление национализма, «великодержавного шовинизма» и т.д. Со времени горбачевской «перестройки» считалось непреложным политическим правилом предохранять Россию от главного ее зла — «бессмысленного и беспощадного» «русского бунта», фактического проявления которого, однако, никто не мог ясно указать. При этом рост националистических настроений в национальных республиках принято было рассматривать как рост самосознания. Давление идеологического прессинга против «русского бунта» отнимало у русскоязычного населения возможность зрелого осмысления наступившего социально-политического хаоса, стирало в нем остатки самоуважения, порождая

криминальные, «скинхедовские» эксцессы, широко и демонстративно освещаемые в прессе.

Гуманитарная российская интеллигенция в большинстве своем открыто дистанцировалась от всяческой принадлежности к русскости, от идентификации с русской культурой, что было высоко оценено и хорошо оплачено Западом. Идеологическая борьба с «русским национализмом», даже просто с проявлениями русской национальной культуры в постперестроечной России была базисом для демонстрации политкорректности, признаком внутрироссийской и европейской рукопожатности, без чего было просто невозможно построить политическую и творческую карьеру.

Абсурдно, но до сих пор принято выставлять русскому народу обвинение в «имперских амбициях». СССР, вопреки всякой исторической логике, был, как говорят историки, «империей наоборот» — т.н. «угнетающий народ» стоял не на вершине власти, а у ее основания. «Руководящая роль» «старшего брата» в «великой семье народов» была не всеобъемлющей, а, наоборот, всекормящей. Такого рода узаконенное донорство титульной нации в среде «братских народов» объективно и неизбежно порождало неуважительное, пренебрежительное, потребительское, даже паразитарное отношение к русскому народу. Этот чудовищный перекося в «национальном вопросе» активно нейтрализовался неиссякаемой пропагандой о «великой дружбе народов».

Но в период «перестройки», а затем и распада СССР взлелеянная партией ответственность «старшего брата» за всё и вся стала однозначно рассматриваться национальными элитами уже как его безусловная виновность во всех своих бедах. А прекращение его экономического донорства стало расцениваться как политическое давление, как этническое насилие. Вчера еще «братские народы» с началом перестроечного хаоса и последовавшего вслед за ним развала «великой семьи народов» как-то уж совсем просто и без подключения анализа и критики вписались, массово включились в общеевропейский русофобский тренд. Хоровод республик стал распадаться. И в историческом плане жизнь в круге «великой дружбы народов» получила такую европейски ориентированную политическую формулировку, как «оккупация» со стороны русских. Систематически вырабатываемое пропагандой со стороны национальных элит только что образовавшихся этнократических государств и всего «цивилизованного сообщества» чувство вины и неполноценности русского народа на фоне подорванного у него чувства самоуважения стало идеальной основой для эффективного ведения

против него со стороны коллективного Запада кампании исторической лжи и информационной войны. Никакой народ в истории не испытал такого чудовищного информационно-идеологического давления.

В самих национальных образованиях, пущенных уже в долгожданное свободное плавание, на психологическом уровне прерывание национальной политики донорства, вызванное развалом СССР, сформировало сначала всепоглощающий национальный восторг, а затем, после неизбежных социальных и экономических потрясений, — тяжелые фрустрации, острые обиды, растерянность и пр. Всё это настраивало на поиск «виновного», в итоге выливаясь чаще всего в упреки и неосознаваемую ненависть по отношению к России. А уже с помощью разного рода правозащитных организаций легко вписалось в готовые форматы антироссийских политических требований, экономических претензий, политического пресмыкательства и т.д. И как главный политический итог «великой дружбы братских народов» становилось стимулом для участия современных национальных элит в информационных, «исторических» войнах против России.

И в деле морально-психологического подавления России участие и инициативность «нэзалэжной» невероятно велика. Настолько велика, что это поглотило, полностью растворило в себе жизнь новой Украины, тем самым определив ее социальное самочувствие, ее политический уклад, ее экономику, ее культурное самоопределение, ее государственное строительство, всю ее сегодняшнюю политическую историю и т.д. И всё это ради одного деструктивного тезиса — *«Никакого русского мира на Украине не будет»!* Предельно агрессивно выступая против ценностей Русского мира — соборности, взаимности, православия, идеологии суверенности и нестяжательства, духовного, а не политического критерия построения жизни и т.д. — «свідомые» заслуженно получили и последовательно отрабатывают свое вождельное место в русофобском ансамбле «коллективного Запада».

«Крымская весна» вскрыла животный страх Европы и российского либерализма перед реальностью и перспективой воссоединения Русского мира. Вся сила этой непримиримой ненависти уже в течение шести лет направлена теперь на Донбасс. Более века взращиваемая культурная традиция русофобии «свідомых» явно оказывается сильнее всякого рода сдерживающих ее европейских «форматов» и договоренностей.

г. Томск

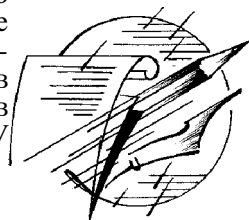
ИХ ЛЮБОВЬ К СОБЧАКУ

Спонсированная любовь к Собчаку от самых высоких начальников России заставляет усомниться в реальности этой любви питерцев к бывшему мэру. Нет у моих земляков к нему любви! Не за что!

И как бы ни старались вдова и дочь убедить народ в том, что их Анатолий Александрович был идеальным управителем города на Неве, поверить в это невозможно. Сама жизнь доказывала обратное.

Покойный Анатолий Собчак — «учитель» Владимира Путина, научный руководитель Дмитрия Медведева в бытность его студентом Ленинградского университета. Это не значит, что тому и другому повезло с «учителем», хотя именно это они оба публично и рьяно утверждают.

Собчак — весьма одиозная фигура. Есть серые посредственности (их большинство), а есть яркие, но яркость попугая не делает его соловьем. Собчак по яркости был неповторим. Честолюбие посредственности не знает границ. Прислужники Собчака произвели его аж... в академики. При Собчаке академий в Питере стало больше, чем прежде ПТУ

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

(производственно-технических училищ). Сами ПТУ были переименованы в колледжи и лицеи, а институты — в университеты.

Уровень образования в Питере за время правления Собчака снизился до провинциального. В научной легковесности конкретного Анатолия Александровича можно убедиться, заглянув в «Алфавитный каталог» Национальной публичной библиотеки, что я однажды и сделал. Политической дребедени вроде «Хождения во власть» было много под его именем, но фундаментальных научных исследований я там не обнаружил. Наткнулся лишь на брошюру — реферат о юридических разработках трудовых норм в целлюлозно-бумажной промышленности. Вот и всё научное наследие. Для профессора не густо, для академика — тем более.

Профессия юриста в советские времена не была престижной, социалистическое общество было многократно добропорядчнее капиталистического, нарушения норм морали и правопорядка были редкими и не столь опасными, как нынче. Судов было меньше, милиции было меньше в три раза. На юристов очень мал был спрос. На юрфак большей частью шли девчонки и, увы, не самые одаренные. Однажды я записал на диктофон выступление Собчака на каком-то митинге; дома стал переводить сказанное на бумагу. В словесном потоке не было ни одной мысли. Сплошное фанфаронство. Лист бумаги остался чистым.

Когда я учился в Ленинградском университете, то имел огромное счастье слушать лекции блистательных ученых. Любимцем студентов был сам ректор, выдающийся математик (позже — академик РАН) Александр Данилович Александров (1912—1999). Что он говорил о Собчаке? Вот фрагмент из его выступления в период выборов А.Собчака в мэры Петербурга на второй срок: «Я буду голосовать против Собчака потому, что он оскверняет наш великий город, который всегда населяли труженики, где бы они ни работали. А кого расплодил Собчак? Преступников всех мастей, от которых житья нет. Но мэр доволен: растет класс предпринимателей... Зачем ломать голову над тем, как поднять промышленность, науку, если можно безбедно, как «чижик-пыжик», порхать по границам и презентациям? Неужели такого человека вы хотите видеть главой города? Я не хочу!»

И питерцы так же отвергли Собчака, не выбрали его на второй срок, не смотря на самые влиятельные политические силы, его поддерживавшие. Кстати, сам Собчак родом из Читы, а детство провел в Узбекистане, учился в Ленинграде, а работал в Ставрополе и в Калининграде. Это для тех, кто

восторгается собачьим «питерским лоском»... Манерность, дешевая театральщина — эти черты присущи всему собачьему семейству.

Войдя в питерскую власть, Собчак, прежде всего стал рьяно решать задачу собственного обогащения. Он поддерживал исключительно богатых людей. Вероятно, из любви к «высокому искусству»... Собчак, например, способствовал созданию банка «Россия». Газеты тогда писали, что банк объединил все грязные коммерческие силы города: контроль за ним осуществлял некий «вор в законе» Миша Кутаисский (Мерилашвили).

О фантастической квартире Собчаков уже написаны романы. Он переселился в такие апартаменты, что молва о них покатила по всей Руси великой. Всё было в особо крупных размерах... Квартиры в Питере, в Москве, на Западе... Аппетит на недвижимость у всего собачьего семейства был чудовищный. Далеко не прозрачными были отношения Собчака с фирмой «Ренессанс», с АО «Балтийское морское пароходство», арестованный директор которого Харченко оказался приятелем Собчаков. Словом, так или иначе, столкновение этого семейства с правосудием было неизбежным. Появились серьезные обвинения в превышении должностных полномочий, сопряженных с любовью к подношениям. Прокуратура завела уголовное дело против Собчака по статьям «Взятка» и «Превышение должностных полномочий». Персоной мэра занимался непосредственно генеральный прокурор Скуратов. И когда был готов проект ордера на арест, за Собчака вступились очень высокие силы, его пришлось прятать в больнице. Сюжет развивался, как в детективе. На частном самолете Собчака переправили в Париж, где он долго и аппетитно лечил все свои политические и коммерческие «заболевания».

Я разговаривал с теми людьми, кто при Собчаке работал в Смольном. Первое качество мэра, которое не нравилось его коллегам, это недоверие. Теперь оно всем понятно. Не мог Собчак доверять людям, когда они в любой момент имели возможность вывести своего начальника на чистую воду. Уезжая за границу, Собчак увозил с собой все рабочие бумаги, которые обязаны были иметь определенный ход. Не подписанная бумага часто останавливала конкретные важные дела. А ездить по заграницам Собчак любил, всюду читал лекции, понося наше прошлое, гонорары за них запрашивал тоже фантастические, не случайно же за ним закрепилось прозвище «валютный лектор».

Можно было бы и не вспоминать эту почившую в бозе посредственность, если бы демолибералы не возносили Собча-

---

ка до небес, не загрязняли бы русскую землю его отражением. Он у них «гений и романтик, настоящий петербуржец и защитник справедливости»...

Помнится, в феврале 2010-го, когда исполнилось десять лет со дня смерти Собчака, все центральные телеканалы взбивали пену мэрской похвальбы. Народ вновь увидел маскарадную маску Собчака. Ни одной отрицательной черты... За кадром осталось всё — собачье лицемерие, мздоимство, фанфаронство, чванство, иудин грех... Почти все к тому времени уже забыли, как Собчак рьяно защищал своего соратника, бывшего генерала КГБ СССР Олега Калугина, который с 50-х годов тайно работал на американскую разведку. «По-разному можно относиться к опальному генералу КГБ Олегу Калугину, но назвать законным лишение его наград и пенсии невозможно» — так символ демократии защищал махрового врага России, которому в итоге Верховный суд заочно вынес суровый приговор за шпионаж в пользу США и за измену Родине — 15 лет строгого режима. Кстати, Олег Калугин был ещё и членом координационного совета движения «Демократическая Россия». И, по всей видимости, не без помощи таких собчаков предатель сбежал из России и окопался в США.

Генерал армии Игорь Родионов, бывший министр обороны, громогласно называл Собчака американским пособником. Значит, были на то основания. Было бы очень интересно узнать, за какие конкретные доблести Собчак стал почётным гражданином города Индианаполиса (1992 г.), почётным гражданином штата Мэриленд (1993 г.), почётным гражданином Оклахомы (1994 г.)... Ко всему прочему, Собчак был ещё и почетным гражданином города Тбилиси... За что так любят в США президента Грузии Саакашвили? За то же самое, что было в Собчаке... За угодничество перед администрацией США и ЦРУ.

Собчак объединил вокруг себя всю питерскую т.н. «демократию». Телевизионная политиканша Белла Куркова, ещё «не отмытая добела» от обвинений в махинациях с приватизацией госсобственности, очень быстро нашла общий язык с А. Собчаком. Он всегда имел под рукой телевизионную трибуну. По протекции Собчака многие пакостники, шарлатаны и лихоимцы стали наводнять Питер. Вся эта «демократия» пришла на похороны Собчака. Траурные речи были настолько пышны, что его стали сравнивать чуть ли не с Петром Великим. И только Чубайс был краток: «Умер наш товарищ...»

О Собчаке можно судить по его дочери Ксении Собчак. На телевидении она — «звезда». Но что это за работа такая —

звездить, если человек непоправимо бездарен? Звездить — значит создать телепередачу «Дом-2»... В доме, в котором живут какие-то безликие людишки, изрыгающие пошлятину.

С годами материе телевизионщики все-таки пообтесали Ксению, подобрали эффектные очки к бесцветной физиономии, но из гадкого утенка лебедя так и не сделали. Её всеядность уникальна. Она не брезговала выставляться в неглиже в печатных изданиях, хотя и того не понимает, что показывать-то нечего... Её речь, как у отца, не насыщена мыслью, зато спеси и алчности не занимать. Говорят, что она ещё и «писательница»...

Посредственность всегда будет кричать о себе громче всех. Когда-то «Ксюша» хотела стать балериной, училась у хороших педагогов. Увы... В журналистике у неё тот же самый «балет», который востребован такой же невзыскательной публикой, которую она убажает. Бездарность плодит бездарность. Посредственность, вознесенная на пьедестал, тем опасна, что невольно становится примером для подражания. Не слишком взыскательный зритель, перекормленный собачьей пошлостью и цинизмом, может признать кривлянье «Ксюши» за эталон поведения. Таких телеведущих телемагнаты ставят на социально взрывные темы. Родную власть они пощекочут и не более...

Когда человек берется не за своё дело, то результат будет отвратительный. Явно не за своё дело взялась и мать Ксении (вдова Собчака) Людмила Нарусова, её тоже тележурналистика заморозила... Она вела передачу «Свобода слова» или что-то в этом роде. Она приглашала в студию известного человека и задавала ему вопросы. Увы... Одна умная женщина, посмотрев пару передач с Нарусовой, только одну фразу и сказала о всей её кухне: «Ей бы паспортисткой в ЖЭКе работать». Столь примитивны были вопросы.

Людмила Нарусова была сенатором от республики Тыва. И жила бы в Тыве... Не хотела. А хотела иметь (почти из прихоти) сенаторское кресло в московском «сенатории». Особых ее свершений никто не помнит, но вот одно выступление перед тувимцами в октябре 2004 г. помнят многие: сенатор Нарусова предложила легализовать наркобизнес в Тыве... Она поведала, что решением проблем наркомании занимается давно и пришла к выводу, что заросли конопли, из которой делают марихуану, уничтожать не следует. ГТРК «Тыва» речь Нарусовой пустила в эфир: «Нужно эту проблему постараться использовать для блага республики. А именно — узаконить сбор конопли как сбор лекарственного сырья для медицинской промышленности, для фармацевтики и постав-

---

лять в те страны, где это узаконено, например, в Голландию...» Ясное дело, деньги не пахнут...

Нарусовой очень хотелось быть политическим деятелем. И она им стала... В 2010 году закончился срок сенаторства в Тыве. И тут же ей заготовили другое сенаторское кресло — от Брянской области. Захотелось ей стать профессором... Пожалуйста! Правда, не ясно каких наук. Нарусова, вероятно, частенько думает: «И чего бы мне ещё захотеть?» Исполнение желаний, как в сказке «О рыбаке и рыбке». Возьмет и позвонит «ученикам» своего покойного мужа с вопросом: не стать ли мне столбовой дворянкой или владычицей морскою? Но, видать, забыла сенаторша, что русская сказка кончается разбитым корытом...

Истинный талант Нарусовой проявился в уникальном деле — в установке памятников мужу. Первый памятник Собчаку был поставлен опять же в Тбилиси... Собчак и Шеварднадзе поддерживал, и помогал его последователю Саакашвили подставить грузин под ярмо США. Чаяния Собчака сбылись: американские инструкторы обучали грузинских солдат на грузинской земле, как надо воевать против русских. Натовские спецслужбы готовили грузинское воинство к войне против Абхазии и Южной Осетии. И тому, вероятно, учили, как надо уничтожать мирное население, не щадя женщин и детей.

Самый «выдающийся» (точнее — самый высокий) памятник Собчаку поставлен на Никольском кладбище Александр-Невской лавры. Видимо, он подчеркивает природную «скромность» собачьего рода. У входа на кладбище над всеми прочими могилами возвышается ещё и железный столб со стрелой-указателем, на которой та же фамилия: «Собчак». Будто на старейшем кладбище все прочие покойные — просто тени, мешающие увидеть «великого» Собчака, который с брезгливой усмешкой смотрит на приходящих.

Демократы водят к могиле Собчака экскурсии. Толпе долдонят одни и те же слова: «Романтик... Пламенный борец за демократию... Возродил...» Услышишь обрывки этих фраз и невольно вспоминаются моменты его биографии: коммунистическая активность (1988—1990 гг.), митинговое фанфаронство 1991-го, порхание по заграницам, трусость и эйфория спасенного от кары за смертные грехи. И... закономерное наказание презрением горожан.

На том же кладбище похоронен истинно великий человек нашего времени, духовный просветитель — владыка Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Он ушел от нас явно преждевременно, оттого что не выдержало сердце от переживаний за русский народ. С сердечным приступом

его увезли в больницу из приемной мэра Собчака (40 минут «не могли» дозвониться до «скорой помощи» собачьей помощники).

На могиле владыки Иоанна стоит крест, не выделяющийся из всех прочих. Но что примечательно: всегда здесь горит свеча и стоит кто-то из его прихожан, бывает двое-трое. Не чудо ли?! Ведь не по приглашению идут сюда люди, не по расписанию, а живой ручеек не прерывается. Здесь не бывает экскурсовода, стоит удивительная тишина, идет общение души с душой, иногда тихо звучит молитва. Одна земля вобрала прах таких двух разных людей. Память об одном — живет в русских душах, о другом — в летописи черных дел.

Летом 2006 года Собчаку поставили памятник на Васильевском острове Питера. «Злые языки» говорят, что богатая вдова «символа демократии», наняла специального человека, который систематически меняет цветы у изваяния. Таким образом, символизируется «всемирная любовь» горожан к Собчаку.

В первые дни нового 2011 года по местному каналу ТВ я услышал сообщение о том, что над памятником Собчаку, который на Васильевском острове, установлено видеонаблюдение, но нашлись смельчаки, которые облили бывшего мэра краской. И снова Собчака пришлось отмывать. Вот такая любовь...

Нет в городе памятников ни академику Александру Даниловичу Александрову, ни академику Кириллу Яковлевичу Кондратьеву — бывшим ректорам университета, действительно выдающимся ученым. Многим корифеям науки прошлых веков нет памятников, а воинствующей посредственности Собчаку — пожалуйста. Времена ложных ценностей порождают ложных кумиров.

Впрочем, это явление можно назвать ещё и торжеством демократии — уникальной формы общественного устройства, лишённого совести. Где ещё поставить чугунного Собчака? По иронии судьбы «чижику-пыжику», который «на Фонтанке водку пил», чем и прославился, тоже поставили памятник. Ставили в одно время — «чижику-пыжику» и Собчаку.

Такие «чижики-пыжики» и правили Россией в дни её тяжких испытаний. Что они сделали полезного? Они умели только разрушать, и, разрушая, обогащаться. Демократия гарантировала им полную свободу и безнаказанность.

Отсюда «дефолты», «волшебные» пирамиды, безудержный рост цен, незатухающая инфляция, растрепанная молодежь и... депопуляция на грани геноцида русского народа. За несколько лет демократических преобразований город потерял почти полмиллиона жителей, без артобстрелов и блокады. И это

невзирая на гигантский приток мигрантов (узбеков, таджиков, китайцев). В трудные послевоенные годы, в период восстановления разрушенных фашистами городов и сёл страны во всех республиках СССР, включая Россию и Ленинград, обозначился мощный демографический подъем, который продолжался почти до конца 80-х. В 1988 году в Ленинграде количество жителей перешагнуло пятимиллионный рубеж. Это событие в городе стало большим праздником.

В марте 1992 года начальник паспортной службы Петербурга обозначил отметку начала питерского геноцида. С 1991 года в городе стало умирать народу больше, чем рождаться, а в 1992 году пятимиллионный житель тихо исчез. В период правления Собчака смертность была очень высокой, тогда возник термин «сверхизбыточная смертность», и градоначальника Питера стали звать «мор Собчак». Ревнителю демократии мне могут заметить, что не Собчак виноват в том, что в стране утвердился затяжной демографический кризис. Скажу точнее: и Собчак. В том-то и беда России, что имя этим собачкам — легион! Саранчу, уничтожившую урожай на возделанном поле, поштучно пересчитать невозможно.

В российском демократическом бедламе телевизионных «звезд» хоть пруд пруди. Их теперь делают на эстрадных «фабриках», как табуретки. Несколько слов или междометий некая дива пропищит перед микрофоном, подрыгает ногами, покрутит задом — и, пожалуйста, она уже «звезда». Если эта «звезда» споет за рубежом шлягер из трех слов и тридцати междометий — она «звезда мирового масштаба».

Ликует посредственность, лютуют рейдеры, пляшут звезданутые, пиарят ангажированные СМИ. Взаимное обливание грязью демолибералы называют весьма романтично — войной компроматов. Есть даже специалисты по пиару, их зовут политехнологами, сам Кремль их прикармливает, они особо востребованы в период предвыборных кампаний, чтобы электорат полюбил «всенародноизбранных».

При вопиющей деградации общества толпа всегда требует хлеба и зрелищ. И тогда талантливая певица перевоплощается в вульгарную шоуменшу, Арлекино разучивается плакать, перестает быть грустным и смешным, становится злым и подлым. Ожиревший балаганщик Жванецкий возомнил о себе, что он великий писатель, и сам себя сравнивает с Чеховым... А как иначе?! Жванецкого очень любил слушать всегда изрядно «начитанный» Ельцин, именем которого назван Всероссийский библиотечный фонд.

Демократия — беспорный триумф посредственности, как наверху (во власти), так и внизу, среди огромной части де-

---

градивавшего населения. Что бы ни говорили демолибералы об имперских периодах нашей истории (о царском и советском), эти периоды так искрили талантами, что их светом живут до сего дня все добропорядочные люди России.

Простые люди думают о хлебе насущном, а захребетники, вылупившиеся из самых вульгарных слоев одемокраченной интеллигенции, погружены в липкую жижу капиталистического «рая». Общество постепенно теряет способность воспринимать духовную пищу. И ничего нет удивительного в том, что реформированная демократическая Россия стала криминальным государством, и другим она быть не могла, потому что её фундамент создавали махровые карьеристы, оборотни, лгуны, жулики и мародёры. Они же проникли в сферы, формирующие духовный мир человека. Шоу-бизнес убивает подлинное искусство, с кичем не могут существовать рядом истинные шедевры.

На чьей же стороне нынешняя российская либерал-демократия? Уже абсолютно ясно: она — прислуга дьявола, потому что постоянно отравляет человеческие души дьявольскими искушениями.

Стоит им поддаться — и сам не заметишь, как окажешься в пасти змия-людоеда, который выгрызает всё самое ценное, что заложено в человеке Создателем. Змий-искуситель лязгает челюстями телевизионных каналов, деформирует наши мозги, убивает духовные и нравственные силы будущих поколений. Это плод чужой идеологии потребительства, которая порождает эгоизм и делает людей склонными к наживе любой ценой.

г. Санкт-Петербург

НАС ПРИЗВАЛИ ПОКАЯТЬСЯ

Европейский парламент подвел итог Второй мировой в своей официальной резолюции. Теперь, согласно их новым установкам, не было никакой Победы советского народа в мае 1945-го, не было десятков миллионов убитых русских мирных жителей, не было панфиловцев, Сталинграда, Курской битвы и взятия Берлина. Фашизм у них приравняется к коммунизму, а от русских и немцев, согласно новой доктрине, пострадали евреи, негры и педерасты. Теперь они требуют запретить любое иное «мнение», переписать учебники и главное — для «успешного сотрудничества» Москва должна официально покаяться за «преступления советского режима», то есть отказаться от Победы и плюнуть дедам на могилы.

Вот и подошла к логическому концу истерия вокруг русофобии в Восточной Европе. Истерия заказная — теперь уже можем говорить открыто, так как ее подводили к осенней сессии Европейского парламента (не путать с пустой говорильней ПАСЕ — Европарламент как раз наоборот, обладает достаточной властью внутри ЕС). Итак, Европейский парламент *«отдал дань памяти жертвам сталинизма, нацизма и других тотали-*

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

тарных и авторитарных режимов» — говорится в резолюции, принятой 535 голосами «за», 66 голосами «против» и 52 воздержавшимися. То есть уже совершенно официально заявлено, что теперь любое упоминание советских воинов-освободителей будет запрещаться и трактоваться как «искажение истории». Помимо этого депутаты ЕС призвали Россию покаяться за преступное освобождение мира от нацизма. Документ опубликован на официальном сайте Европарламента.

«В 80-ю годовщину начала Второй мировой войны Парламент настаивает на важности сохранения «памяти о трагическом прошлом Европы для обеспечения ее будущего. 80 лет спустя после заключения нацистско-советского договора (названного пактом Молотова—Риббентропа) депутаты Европарламента призывают к «общей культуре памяти» как способу повышения устойчивости европейцев к современным угрозам демократии. Они напоминают, что европейская интеграция с самого начала была реакцией на страдания, причиненные двумя мировыми войнами, и строилась как модель мира и примирения, основанная на ценностях, общих для всех государств-членов. Поэтому Европейский Союз несет особую ответственность за обеспечение демократии, уважения прав человека и верховенства права. Парламент хочет, чтобы государства-члены содействовали, особенно среди молодого поколения, просвещению по нашей общей европейской истории путем включения истории и анализа последствий тоталитарных режимов в учебные программы и учебники всех школ ЕС», — сообщает первая часть резолюции.

Итак, отказ признавать Мюнхенский стовор между Чехословакией, Даладье, Муссолини и Гитлером о передаче Германии области Чехословакии как пролог к пакту Молотова—Риббентропа Европарламент просто списывает на стовор «диктаторов». А ведь с момента прихода Гитлера был еще и «Договор четырех» в 1933 году, подписанный представителями Италии, Великобритании, Германии и Франции, о «политическом сотрудничестве», был англо-германский морской договор 1935 года, а еще 15 марта 1939 года было подписано «Дюссельдорфское соглашение», которое оговаривало экономический раздел Европы между монополиями Германии и Англии. Как видим, свое, «демократическое», у них не пахнет.

Особенно симптоматично тут сказано про демократию — это ведь крайне демократично запрещать любую иную точку зрения, особенно в учебниках истории... Более того, теперь там эти учебники проверять будут, дабы какой-нибудь болгарский русофил или не совсем отшибленный латыш не взял и не вписал туда про «воина-освободителя». Куда там — никакого освобождения, конечно же, не было. Победа в 1945

году угрожает сегодня демократии в ЕС чуть ли не сильнее, чем сам Гитлер. В резолюции это говорится уже открыто.

«Депутаты Европарламента выражают обеспокоенность попытками нынешнего российского руководства обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и рассматривают их как «опасный компонент информационной войны, развязанной против демократической Европы». Они также осуждают экстремистские и ксенофобские политические силы и организации в Европе за искажение исторических фактов и использование символики и риторики тоталитарной пропаганды, включая расизм, антисемитизм и ненависть к сексуальным и другим меньшинствам», — пишут дальше европейские депутаты.

Уточним, здесь речь не идет о «сталинских репрессиях». Речь идет о «попытках обелить преступления» совершенные советской армией в годы Великой Отечественной. То есть от нас, точнее, от нашего руководства официально требуют встать на пути «Бессмертного полка» и сказать, что все эти миллионы советских воинов на фотографиях — преступники. Оказывается, их подвиг — это *«опасный компонент информационной войны, развязанной против демократической Европы»*. Более того, эти евродепутаты теперь требуют и символы нашей победы запретить как тоталитарные... То-то у нас на шествиях «Бессмертного полка» запрещаются портреты Сталина... Выходит, их организаторы работают на опережение пожеланий «европейцев»...

Верхом цинизма осталось основание нового праздника в ЕС. *«Евродепутаты предлагают учредить 25 мая как Международный День героев борьбы с тоталитаризмом (годовщина расстрела Освенцимского героя Ротамастера Витольда Пилецкого), чтобы дать будущим поколениям «наглядный пример правильного отношения к происходящему перед лицом угрозы тоталитарного порабощения», —* отмечается в резолюции. И какое значение имеет такая мелочь: нынешние евродегенераты никогда не узнали бы про Витольда, не освободи Освенцим тот самый русский «тоталитарный» солдат. Сожгли бы немцы свидетелей его подпольной деятельности вместе с остальными, кто дожил до прихода «оккупантов». Но теперь и за освобождение концлагерей, по убеждению евродегенератов, мы должны будем каяться...

Но что Бог ни делает — всё правильно. Своей резолюцией европейские парламентарии провели четкий и ясный водораздел между ними и нашей страной. Осталось только хорошенько это уразуметь руководству России.

РИА «Катюша»

С ЧЬЕГО «ГОЛОСА»?..

«Битва за мечту начинается. Новый сезон. Перезагрузка». Узнали? Конечно, это — «Голос»! Тот самый телевизионный проект, который вызвал в своё время не только огромный интерес телезрителей России, но и дал повод для надежд на культурную перезагрузку хотя бы на государственных каналах. Казалось, теперь-то мы точно услышим новые красивые голоса, увидим молодые светлые таланты, которые сменят надоевшую попсовую голубоэкрannую камарилью. И зазвучат, наконец, повсюду душевные, лирические мелодии, о которых вспоминал владыка Тихон Шевкунов, заявив, что в советское время песня нам заменяла молитву. Мы поверили в новый проект, ведь недаром же в наставники был приглашён Александр Градский. А присутствие Пелагеи обещало возвращение в эфир фольклора народов России, иначе ведь и не должно быть в многонациональной стране.

И вот Первый эфир 5 октября 2012 года. Открылся он песней группы The Beatles «Let it be», которую браво исполнили наставники: Дима Билан, Пелагея, Александр Градский и Леонид Агутин. Конечно, песня эта была выбрана организаторами совсем не случайно, но мало кто из телезрителей понимал, почему ключевым словом проекта является «перезагрузка». Перегружали не телевизионный эфир, а сознание телезрителей.

Достаточно сравнить количество песен на русском и иностранных языках (конечно, в основном на английском), прозвучавших за прошедшие шесть сезонов, чтобы убедиться в плановой динамике процесса уменьшения числа песен отечественных.

Картина станет ещё неприглядней, если отсмотреть статистику следующего этапа «перегрузки» — конкурса «Голос дети». Организаторы не щадили юных вокалистов, заставляя их истерить и визжать до разрыва аорты так же, как это делают взрослые шоу-звёзды. И, конечно же, на всё том же английском, изредка на французском.

Обезьянье подражание западным исполнителям с хвастаньем произношением продолжилось и у пожилых самодеятельных вокалистов (Видимо, так решили подсластить пенсионную «реформу»...)

Какая музыка звучит над Россией, что слышим мы, когда гуляем семьями в парках и скверах, когда сидим в кафе, когда заходим в торговые центры? В основном иноязычная. Почему в День города Красnodара в сквере Жукова звучит «Hotel California» или «Dancing Queen»? А на Красной площади в Новогодье, во Внуково (Новая Москва) на детском празднике для самых маленьких? Рэп, хип-хоп, кантри, техно... Не раз я спрашивала устроителей: почему? Во Внуково мне ответили, что причиной — авторские права. Якобы с отечественными музыкантами договориться сложнее. И «нарезку» сделать — проблематично. Согласитесь, звучит очень странно.

Мы привыкли к тому, что подростки и молодёжь сплошь в наушниках — в транспорте, на улицах, даже в учебных аудиториях. Что они слушают? Сомневаться не приходится. Прибавьте вывески наших городов и сёл (!) на тотальной латинице. Какой образ Родины формируется с раннего детства у нашей молодёжи? Покорённой, оккупированной, без права на свои песни, чувства, мысли.

Но вернёмся к «Голосу». «Перезагрузка» прошла успешно: новых открытий всё меньше. Таланты, конечно, есть, только они больше похожи на падающие звёзды — сверкнули и исчезли. Так что эфир по-прежнему принадлежит примитивной попсе и тюремному шансону (передача «Три аккорда» — апогей блатной музыки на ТВ), жиденько разбавляемыми афроамериканским джазом. Последним особенно отмечен канал «Культура FM», который может полдня «травить» население примитивными фанками и соулами в мажорных тональностях. Как будто исполняется завет Геббельса, рекомендовавшего транслировать на оккупированную территорию только весёлую музыку.

Всё это сочетается с новыми «гуманными» установками в нашем образовании: никого не грузить, не напрягать, не огорчать — ни в коем случае не дать понять лодырю, что он лодырь, а неучу — что он неуч. Учение должно быть сплошным развлечением и фаном.

За этими тотальными «весельем» и «гуманизмом» явно просматривается чья-то конкретная задача: из наследника великой русской культуры вырастить придурка с пустой головой, в которую всегда можно будет заливать всё, что требуется. Впрочем, «придурак» — это неполиткорректно. Выработан нейтральный, ничего не объясняющий, но красиво звучащий термин — «альтернативно одарённый». Кому-то очень нужен «альтернативный» — противоположный своей истории, своей вере, своей цивилизации, тот, кому можно впаривать любые, самые бесполезные товары и втюхивать любые, сколь угодно фантастические политические утки. Альтернативный вечный недоросль.

И уже выращено такое поколение недорослей, абсолютно не знающее не только истории, но и географии: ведь они не разрисовывали контурные карты и не выучивали «советские глупости» вроде высоты гор, названий областей, не чертили указкой линии по границе между Европой и Азией. Зачем? Надо будет — погуглят. Такой «альтернативный», не имеющий базовой информации в собственной голове, а не в компьютере, — не может самостоятельно мыслить. Ему просто нечем мыслить, не из чего строить свои рассуждения — материала нет. Значит, задача выполнена.

В мире без мелодий — отсутствуют эмоции, значит, не живёт, не развивается, усыхает душа. «Музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием», — писал Владимир Васильевич Стасов. И продолжал: «Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве, силе и разнообразии, как у нас».

Но, увы, похоже, это в прошлом теперь. Из нашей жизни уже совершенно изгнали мелодию, служившую выразителем больших, сильных, красивых чувств, из песенных текстов убрали мысль, лишили песню национального содержания.

«Перезагрузка» продолжается. И, согласно ее изначальному плану, теперь уже не нужен ни Градский, ни Пелагея. А безголосого Лепса теперь заменил Шнур... Всё по плану.

г. Краснодар

Андрей СОШЕНКО

«АНТИХРИСТ УЖЕ В ИЗРАИЛЕ...»

Как проинформировал 21 февраля сайт «Нет электронному концлагерю», вечером 15 февраля 2020 года раввин Яков Цисгольц на израильском радио «Radio 2000» потряс важным сообщением, которое он «должен был донести до публики». Некие «скрытые праведники» призвали его начать информировать общественность о скором появлении мессии. В интервью раввин говорит: *«Распространение информации о том, что мессия ближе, чем когда-либо, является вопросом жизни и смерти. Разве вы не слышали о Гоге и Магоге? Это то, что произойдет очень*

скоро. Прямо сейчас ситуация взрывоопасна больше, чем вы можете себе даже представить». Затем раввин Циссгольц пересказал несколько недавних заявлений раввина Хаима Каневского — одного из самых авторитетных раввинов Израиля. В частности, около пяти лет назад он сказал, что «мессия уже у двери», а сейчас раввин Каневский сообщает, что «мессия уже здесь» и что он с ним каким-то невероятным образом общается.

Из «пророчеств» скрытых *праведников* раввин Циссгольц заключает: сейчас пришёл час войны физической, и все военные операции предыдущих лет по сравнению с этой войной будут как мелкие брызги перед потоком; будет война с Ираном, но Израиль в неё не вовлечется напрямую; продолжатся стихийные бедствия по всему миру, на фоне которых будет свирепствовать коронавирус; приближается еще одна катастрофа, которая должна произойти в атмосфере.

Раввин Циссгольц также говорит: *«Я больше не путешествую за пределы Израиля. Мессия настолько близко, что я боюсь, что могу пропустить его прибытие. Раввин Каневский сказал, что мессия здесь, в Израиле, но он не дал точного времени, когда он откроется. То есть мессия здесь, но у него пока нет всей той силы, в которой он нуждается, чтобы действовать как мессия. Все знамения и знаки, данные в Талмуде в еврейской традиции, уже сбылись».*

Перечислим некоторые сбывшиеся иудейские «знамения».

Президент США Дональд Трамп признал Иерусалим единой и неделимой столицей Израиля. Признание США Иерусалима столицей Израиля является «исполнением обетования о приходе мессии» (машиаха), содержащемся в еврейских священных писаниях, чему должно сопутствовать возведение третьего храма.

Как сообщала Русская народная линия в сентябре 2018 года, Институт Храма — научно-исследовательский институт, музей и учебный центр в Иерусалиме — опубликовал заявление, в котором говорится, что 28 августа 2018 года в Израиле родилась полностью красная телка, которая якобы тоже является символом восстановления третьего храма. Специалисты-раввины провели всестороннее обследование животного. Они пришли к выводу, что новорождённая телка является реальной кандидатурой для выполнения роли жертвенной красной коровы — «пара адума», о которой говорится в 19-й главе книги Чисел. До разрушения второго храма было забито только девять красных коров, о десятой красной корове написано следующее: «Десятую красную телицу принесёт в жертву царь, мессия...» Последователи иудаизма связывают рождение красной телицы не только с возрождением Иерусалимского храма, но и с пришествием их мессии. Эти верования разделяют и некоторые американские протестан-

---

ты. Они полагают, что второе пришествие Христа не произойдет, пока в Иерусалиме не будет возведен третий храм. «С точки зрения православных христиан, мессия, которого ждут иудеи как спасителя мира, это — антихрист, поэтому все новости о третьем храме вызывают интерес и тревогу в православной среде» — один из выводов сообщения РНЛ 2018 года.

В ноябре того же 2018 года из стены плача выползла змея. Чуть ранее в Мёртвом море, где не должно быть ничего живого, впервые заметили живую рыбу. «Рыба, змея и корова — сбылось третье пророчество» — отмечали СМИ.

Раввин гробницы царя Давида на горе Сион Йосеф Бергер, недавно инициировал специальный проект по созданию золотой короны, которая будет представлена царю-мессии во время его вхождения в Иерусалим. Хотя сообщения о создании короны для машиаха были и до этого, начиная с 2018 года.

Осталось — возведение третьего храма. Напомним, на иерусалимской Храмовой горе, на фундаменте храма царя Соломона (второго храма, разрушенного римлянами) находятся сейчас мусульманские святыни — мечети Аль-Акса и Купол Скалы. Для возведения третьего храма нужно окончательно разобраться с палестинцами, в более масштабном плане — мусульманами и христианами и другими «неизбранными». Для этого — войны, эпидемии и иные глобальные катастрофы. Апокалипсис, иными словами.

Материал на сайте «Нет электронному концлагерю», с моей точки зрения, всё же несколько преувеличивает, утверждая, что «пророчества христиан, мусульман и евреев, во многом противоречащие друг другу, сходятся в одну историческую линию, что практически наступают последние времена». «Так что остается только следить за развитием событий и ждать Судного Дня» — делается вывод в статье.

Однако православному мировоззрению свойственна гораздо большая трезвость в осмыслении последних времен. Мы отчетливо должны понимать, что соответствующие мировые силы (находящиеся в основном в Израиле и США, в частности, — иудеи-каббалисты и масоны всех мастей) практическими методами (информационными, психологическими, иными) подталкивают развитие ситуации в удобном для них направлении, пытаются представить в виде *сакрального* и *неминуемого* свои спекуляции и инспирируемые ими же события.

Так, например, по «пророчествам» и «знамениям» появлению мессии должны предшествовать большие потрясения и настоящая крупномасштабная война. Про коронавирус многое уже сказано, есть все основания полагать, что он рукотворен. В этом вопросе важно квалифицированным образом представить всему миру варианты появления вируса, сконцентрироваться на

поиске его не мифических, а реальных источников. Говоря о войне, речь в настоящее время идет о ситуации в Сирии и предполагаемом скором нанесении ударов США по Ирану.

Многое, если не всё, зависит от России. От крепости веры православной — в первую очередь. Прочитую лишь малую толику из одного современного документа: «*В соединении с Православием государство должно нести мистическую функцию Удерживающего, препятствующую «тайне беззакония». Необходимо стремление в нашем обществе к симфонии веры, власти и народа, симфонии светской и церковной власти, симфонии духовного и материального... Миссия Русской цивилизации для всего мира — нести идеи правды, справедливости и любви, представлять собой образец всечеловечности в отличие от западной «общечеловечности»... Мы признаём неизменность и нетленность во времени знаменитой формулы: «Москва — Третий Рим, а четвертому не быти»... Россия явит всему миру пример альтернативного и единственно верного для всех народов и государств мира праведного развития мировой цивилизации!»* И только от России зависит, воплотятся ли планы врагов рода человеческого в ближайшее время.

Екатерина МЕЛЬНИКОВА

ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Семенной фонд сельскохозяйственных растений, который собирался в течение 114 лет, залог продовольственной безопасности России, вывозится за границу.

Под угрозой исчезновения оказалась уникальная коллекция семян, которую начал собирать еще в 1904 году известный ученый-генетик, ботаник, селекционер Н.И. Вавилов, сообщает РИА Катюша.

Как отмечает издание со ссылкой на сведения источников, знакомых с ситуацией, из Всероссийского института растениеводства (ВИР) им. Н.И. Вавилова в Санкт-Петербурге якобы под покровительством его бывшего директора Николая Дзюбенко в течение нескольких лет за рубеж вывозятся семена, являющиеся национальным достоянием России и залогом ее продовольственной безопасности. Часть

коллекции отправлялась в генный банк на Шпицбергене, построенный на деньги Ротшильдов и Рокфеллеров, а также в государственные хранилища Китая.

Причем вывоз осуществляется легально, под видом обмена на другие семена. Никого не заботит, что этот обмен — совершенно неравноценный, с коэффициентом 1:10. И это, учитывая, что стоимость коллекции ВИР, как не имеющего аналогов генетического материала, может быть сопоставима с художественными ценностями России.

Сообщается, что 1 марта 2018 года Дзюбенко был снят с должности, но его помощники продолжают готовить к отправке более 2,5 тысяч образцов сортов и гибридов семян из российской коллекции в Норвежский генетический банк. Причем наиболее ценных, довоенных образцов, неповторимых по своим хозяйственно-ценным признакам (зимостойкость, засухо- и холодостойкость, устойчивость к вредным патогенам и вредителям, высокое содержание биологически активных веществ, обеспечивающих естественные натуральные нутриенты, важные для здоровья человека). Главный аргумент для вывоза — плохие условия хранения в ВИРе. Но в Якутии уже построено хранилище, отвечающее всем необходимым требованиям и ничуть не уступающее хранилищу Шпицбергена. Так что коллекцию семян можно было бы перевезти туда.

Семенной фонд, собранный российскими специалистами более чем за столетие, оценивается в 8 триллионов долларов. Редкие образцы семян множества сельскохозяйственных растений удалось сохранить даже во время Великой Отечественной войны во время блокады Ленинграда. А сейчас в мирное время ее расхищают, что может привести к настоящей катастрофе — зависимости России от Ротшильдовской «Monsanto», которая навязывает всему миру свои ГМО-семена. Эта компания сильно заинтересована в том, чтобы изъять из оборота открытого земледелия натуральные семена и заменить их на трансгенные. Такие семена позволяют остановить селекцию растений и семенной оборот. Растения «Monsanto» не воспроизводятся, так как от них будут получены семена, из которых невозможно получить новые растения. Так что для каждого нового посева придется покупать семена только у этой компании. Таким образом, возникает мировая монополия на все сорта. В США Monsanto контролирует 80% рынка генно-модифицированной кукурузы и 93% рынка трансгенной сои. Компания также ведет активное продвижение в сегменте обычных культур. По ряду оценок, на долю Monsanto приходится около 40% от рынка семян традиционных культур в США и 20% — во всем мире.

А «Хранилище судного дня» на Шпицбергене скорее можно рассматривать как гарантию монополии, подтверждающую, что весь первоначальный генофонд растений находится в одних руках — частных руках миллиардеров из США, а совсем не как продовольственную безопасность для всего мира.

В коллекции ВИР хранятся семена многочисленных сортов сельскохозяйственных растений из разных стран мира, и многие из этих растений уже не произрастают на Земле. С 1923 по 1940 год Н.И. Вавиловым и другими сотрудниками было совершено 180 экспедиций, из них 40 — в 65 зарубежных стран. Результатом этих экспедиций стало создание самой богатой в мире коллекции культурных растений, насчитывавшей в 1940 году 250 тысяч образцов. Она не только нашла широкое применение в селекционной практике, но и стала первым и крупнейшим в мире банком генов.

ВИР пока еще имеет стратегический актив для России, для ее экономической безопасности, так как сохраняет для селекции созданный природой Земли генетический материал. В частности, сохранены уникальные староместные сорта зерновых культур. Они есть только в России, в других странах были утрачены. К тому же создавать генетические банки в других государствах начали только в 70-е годы прошлого века. К тому времени многие семена уже были ослаблены из-за техногенных факторов. В своей первозданности они остались только в нашей стране.

Необходимо учитывать и то, что часть уникального засухо- и жаростойкого семенного генетического материала, который хранился в генетическом банке в Сирии, уничтожена во время войны.

По сведениям РИА Катюша, пытаясь остановить вывоз семян, бывший директор ВИРа, академик Виктор Драгавцев отправил обращения во все компетентные органы с требованиями приостановить этот беспредел и создать Государственную комиссию с привлечением СМИ и беспристрастных профессионалов для оценки работы бывших руководителей ВИРа, а также провести тщательную проверку (аудит) состояния всей коллекции ВИР.

Но есть и еще одна опасность. Если Россия подпишет Международное соглашение по растительным генетическим ресурсам для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, то вывоз семенного материала будет узаконен под видом «обмена».

В настоящее время РАН готовит свое заключение о целесообразности ратификации этого договора. Он должен быть подвергнут всестороннему анализу с учетом всех геополитических рисков сохранности бесценных национальных растительных генетических ресурсов России.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Февраль — март)

***

27 апреля 1961 года президент США Джон Кеннеди выступил перед американскими журналистами в гостинице Уолдорф-Астория в Нью-Йорке. Вот выдержка из этого выступления:

«...По всему миру мы противостоям монолитному и беспощадному тайному заговору, который полагается, прежде всего, на скрытые средства для расширения своей сферы влияния — на постепенное внедрение вместо вторжения, на контролируемые назначения вместо демократических выборов, на запугивание вместо свободного выбора, на террористов ночи вместо солдат дня. Это система, в которой задействовано громадное число людей и очень большие материальные ресурсы с целью создания отлаженного, эффективного механизма, посредством которого можно осуществлять любые военные, дипломатические, разведывательные, экономические, научные и политические операции.

Приготовления этих организаций скрыты, они не преданы огласке. Их

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ошибки скрываются, а не пестреют на заголовках газет. Их диссиденты хранят молчание, а не выходят на трибуну. Вопросы о денежных затратах на всё это не обсуждаются, слухи не печатаются в СМИ, тайны не раскрываются».

Через два года он был убит.

* * *

Очередной теракт на дороге. 9 февраля на 60-м километре автотрассы «Кемерово—Анжеро-Судженск» произошло лобовое столкновение пассажирского автобуса и грузовика. Водитель фуры совершил выезд на полосу встречного движения и столкнулся с междугородним пассажирским автобусом, совершавшим рейс из Анжеро-Судженска в Кемерово. Два человека погибли и 29 — пострадали. По сообщению всезнающих СМИ, водитель фуры не справился с управлением. Не справился он именно в тот момент, не раньше и не позже, когда навстречу шел пассажирский автобус...

Однако те же всезнающие СМИ ни национальности, ни имени, ни фамилии водителя фуры не сообщили. Что «не справился с управлением» — знают, но ни имени, ни фамилии — не знают.

* * *

Поздним вечером 10 февраля на соловьёвском политическом шоу Карен Шахназаров со страстным упорством пытался доказать телезрителям и русским оппонентам ненужность упоминания русского народа в российской Конституции. «Это развалит страну! Это вызовет недовольство других народов, населяющих Россию! Нельзя этого делать!» — эмоционально кричал он, размахивая руками.

Чего же так испугался господин Шахназаров, по отцу армянин, обласканный советско-российскими властями, щедро награжденный орденами, государственными премиями и званиями и прописавшийся почти в ежедневных телеэфирах? А испугался он своей нерусскости, т.е. сознания того, что он — нерусский. С дрожью в голосе испугался. Ведь если русский народ будет упомянут в Конституции, то он, Карен Шахназаров, окажется непричастным к этому народу. А следовательно, почувствует в себе некий комплекс... И сколько бы он ни глушил в себе этот комплекс, всё равно заглушить до конца не сможет... «Да, я прекрасно понимаю, что русские — это государствообразующий народ, что он скрепляет все нации страны, но говорить об этом не надо, и узаконивать это не надо», — настаивал Шахназаров.

На русские деньги, выделенные из бюджета России, Карен Шахназаров (в точности — Шахназарян) снял все свои

фильмы. Не говоря уже о том, что на русские деньги он бес­платно учился во ВГИКе. Но русский народ в Основном За­коне упоминать нельзя — убежденно считает армянин Шах­назаров. Или, может быть, он ради сохранения и укрепления своего привилегированного положения в России выполняет космополитический заказ?..

И ведь нынешняя российская «культурная элита» — в ос­новном вся такова. Почти вся она без капли сомнения считает, что народ, на теле которого она произросла и от которого — пи­тается, нигде упоминать нельзя. О нём можно только молчать.

* * *

В который уже раз 14 февраля ФСБ России задержала миг­ранта, проживавшего в Московской области и организовав­шего сбор денег для запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство». По сообщению Центра общественных связей ФСБ «в ходе оперативно-розыскных мероприятий выявлены схема и ме­ханизмы финансирования боевиков, посредством которых на их нужды было направлено более 25 млн. рублей».

И сколько уже было таких сообщений! Но воз и ныне там. Ни на кого в кремлевских кабинетах, как видно, они не дей­ствуют. И останавливать поток азиатских мигрантов в Рос­сию никто там не собирается. Игиловские агенты рассредо­точились по всей стране в огромном количестве без всяких препятствий. Одного в очередной раз выявили, но сотни дру­гих продолжают вербовать здесь новых боевиков и гнать рос­сийские деньги террористическим организациям, в том чис­ле убивающим наших военных контрактников в Сирии. И попробуйте что-либо сказать против этих «мигрантов»!.. Ли­беральные СМИ и органы власти быстренько напомнят вам о «толерантности» и вашей «ксенофобии»...

Год рождения подмосковного финансиста террора в ФСБ сообщили — 1986-й. А вот его имя и фамилию почему-то скрыли... Видимо, чтобы не возбуждать нашего недовольства.

Поразительно, даже эпидемия коронавируса не заставила российские власти остановить поток мигрантов к нам из Средней Азии!

* * *

Путинские объятия с Эрдоганом закончились тем, чем и должны были закончиться, — бесцеремонным вторжением Турции в Сирию и прямыми столкновениями двух армий — сирийской и турецкой. Точно так же, как каждое объятие Путина с Нетаньяху оборачивается скорым ракетным уда-

---

ром Израиля по Сирии. И на всех пресс-конференциях ВВП неустанно, неизменно и удовлетворённо называет Турцию и Израиль «друзьями России»...

* * *

Вот оно, «социальное» российское государство и вот она, «на-родосберегающая» российская власть: **ежемесячно** кремлевские менеджеры вкладывают в американские облигации **миллиарды долларов**. А на лечение тяжелобольных детей — просят деньги у населения. И при этом главный кремлевский менеджер и его министры ежедневно по ящику с умным видом нам что-то вещают о совести, доброте, духовности, нравственности и честности...

* * *

Нам долгое время политологи объясняли, что есть какие-то нормальные, добродушные «украинцы», которые отторгают озлобленных бандеровцев и упёртых укронацистов. И нам действительно хотелось верить в то, что они есть у наших южных несговорчивых соседей, населяющих Украину. Но верилось с каждым годом всё меньше и меньше. Однако то, что мы увидели в теленовостях 20 февраля, у многих из нас эту веру добило окончательно.

Мы увидели человеконенавистническую, перекошенную рожу тупого, озверевшего хохлятства, которую упорно скрывала от нас во все времена идеологическая демагогия как советского, так и российского государства. Рожа эта то и дело давала о себе знать, но обнаруживать ее нам было запрещено всяческими преследованиями — от административных до уголовных. Слова «хохлятство» и «хохлы» считались оскорбительными и неуместными к употреблению.

Но эта рожа пробивала себе путь сквозь все наши запреты вместе с русофобско-бандеровскими лозунгами, вместе с укронацистскими плакатами и речёвками, вместе с фарионовскими человеконенавистническими телеуроками, вместе с залпами крупнокалиберных минометов по мирным городам и селам Донбасса. И 20 февраля пробилась-таки наконец и сквозь нашу властную демагогию: даже представители власти и телеведущие обозвали эту рожу скотской нелюдью, полным дурдомом, озверением и т.п.

То, что вытворял т.н. «украинский народ» при встрече 45 своих сограждан, прибывших из Китая, причём абсолютно здоровых, в нормальной человеческой голове уложиться никак не могло. Сначала самолет с ними отказался принимать Харьков. Самолет сделал 35 кругов над аэропортом и вынужден был лететь в Киев. Чуть ли не вся укрохохлятская «нэнь-

---

ка» поднялась, прямо-таки восстала против приема этих людей в «нэзалэжной». На пути следования автобуса в карантинный санаторий под Полтавой «украинский» народ устраивал заслоны из людских пикетов, горящих покрывал и озлобленно орущих толп. В автобус летели камни, палки и горящие факелы. В церквях молились, чтобы этот автобус до них не доехал. Медики в больнице пели украинский гимн, желая тем самым показать свою солидарность с населением, протестующим против прибытия на их родину 45 здоровых соотечественников из Китая. «В Чернобыль их, а лучше в Донбасс!», «Сжечь автобус!» — орала толпа «добродушных украинцев».

Создавалось полное впечатление, что это не иначе как больные, не иначе как зараженные бешенством ума **зомби** встречают здоровых и потому, по их понятию, прокаженных собратьев.

Какая-то «украинская» депутатка написала в Фейсбуке: «Надо было их самолет сбить, как сбили малазийский «Боинг!» В ярости не сообразив, что тем самым призвалась в уничтожении малазийского «Боинга» Украиной...

Вот они, реальные, истинные, естественные и «добродушные» «украинцы»... Вот он, «один с нами народ», как часто повторяет В.Путин.

Нет, господа, это уже давно не один с нами народ. Это действительно, реально другая нация. Она сама себя назвала украинцами. Но стала она — укрохохлами. И никем другим она больше не является. Причём поголовно. Взлелеяв в себе злобу ко всем, укрохохлы возненавидели всех, в том числе и себе подобных. И их «поэтессы» стихотворно это доказывают: «Никогда мы не будем братьями» — при всеобщем их гоготе и аплодисментах. Прошу не смешивать их с русскими, живущими на Украине, — с теми русскими, которые сознают себя таковыми.

В тот же вечер, 20-го, у В.Соловьева все участники политического шоу, кроме, естественно, дегенерата Ковтуна, уже без самоцензурных сдерживаний констатировали факт оскотинивания, озверения и безнадежного, окончательного отупения некогда «одного с нами народа». Правда, они же почему-то решили, что произошло это за последние шесть лет в результате нацистско-бандеровского «майдана». К сожалению, они ошибаются: это оскотинивание, озверение и отупление началось гораздо раньше.

Нет, не коронавирус грозит т.н. «Украине». Она давно уже охвачена эпидемией ненависти. Этот вирус поразил мозг и душу тех, кого мы по инерции называем «украинцами». И самостоятельно излечиться они уже не смогут.

Мы долго искренне удивлялись: где эти нормальные «украинцы», почему они помалкивают, когда их соплеменники ру-

---

шат памятники и сбивают барельефы героям Великой войны? Теперь же, после дня «украинского» позора 20 февраля 2020 года, стало абсолютно ясно: их уже давно нет в природе, или их осталось настолько мало, что говорить просто не о чем и надеяться всерьёз не на что, вернее, не на кого. Вот потому-то их не было слышно и видно, когда расстреливали Донбасс. Вот потому-то они, «нормальные украинцы», никак не проявлялись, когда укронацисты устраивали факельные шествия в Киеве и во Львове. Не проявлялись по причине их отсутствия. И наоборот, все нынешние крокодилы радовались, злорадствовали, получали моральное удовольствие от созерцания этих шествий. Моральное уродство, злорадный цинизм и душевная убогость стали их основной, уже не скрываемой чертой.

«Ще не вмэрла Украина», — до сих пор в качестве бессмысленного гимна поют зомбированные и окончательно потерявшие разум крохотуряне. Увы, вмэрла. И все мы присутствуем на ее затянувшихся похоронах.

* * *

Чтобы хоть как-то угодить «патриотам», Путин снисходительно позволил ввести в Конституцию понятие «государствообразующего народа». Но при этом — без обозначения конкретного народа. И многие обрадовались: ну, наконец-то! Мол, все и так понимают, какой народ подразумевается под словом «государствообразующий». Хитрость эта, конечно же, не случайна. Что мы читаем в предложенном президентом тексте? «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа». Во-первых, при такой трактовке неизбежно появится повод для либерального ёрничания: «А разве русский язык — это язык только русского народа?.. И татары, и якуты, и калмыки, и даже узбеки говорят по-русски...» Во-вторых, под государствообразующим без конкретного указания при желании можно понимать и подразумевать какой угодно народ. И в-третьих, лет через пятьдесят, а то и раньше, русский народ при его демографических проблемах, т.е. при его темпах вымирания (и одновременно при нынешних темпах заселения страны азиатами), вполне возможно, уже не сможет иметь сегодняшнего большинства. И тогда ему просто-напросто будет отказано в значении государствообразующего. А ведь всё к этому идет. И отказ власти от конкретного обозначения «государствообразующего народа» эту ее хитрость проясняет и более того — способствует и ускоряет процесс демографического подавления русского народа.

Сколько бы наивные и в особенности литературные «патриоты» ни обращались с помощью коллективных писем в администрацию президента, излагая свои аргументы о необходимости упоминания русских в Конституции, нынешняя власть никогда на это не пойдет.

* * *

С новыми поправками к Конституции происходит один конфуз за другим. То вдруг неведомые нам «эксперты» детей назовут «достоянием государства» (того государства, которое лицемерно выклянчивает деньги на лечение тяжелобольных детей у населения), но затем, словно спохватившись, отказываются от слова «достояние» и заменяют его на «приоритет». То начинают мудрить с заграничной недвижимостью у госчиновников. Так, поначалу в одной из поправок было заявлено о запрещении нашим чиновникам иметь имущество и недвижимость за границей. И Путин публично с этим согласился. Но когда эти поправки поступили для утверждения в Думу, то оказалось, что никаких подобных запретов в них нет.

Вся эта скороспелость, непродуманность и хаотичность новых поправок к Конституции говорит о том, что цель всей этой компании по реформированию Основного Закона заключается в чём-то ином, но никак не в самих этих поправках... Но в чём? И ради чего затевалась срочная «конституционная реформа»?.. В скором времени мы узнаем...

* * *

Вот и получили мы ответы на наши вопросы. 10 марта на дневном заседании Госдумы Валентина Терешкова по причине «фактически новой Конституции» озвучила идею «обнуления президентских сроков». Со стороны депутатов зачитанное по бумажке предложение Терешковой возражений почти не имело. В Думу срочно приехал Путин. В своем выступлении он с небольшими оговорками согласился с предложением «первой женщины-космонавта», уточнив лишь, что по этой поправке к Конституции свой вердикт должен вынести Конституционный суд, а затем она должна быть вынесена на «всенародное голосование». Депутаты Госдумы проводили президента продолжительными аплодисментами. В принципе, вся эта комедия — от неожиданной отставки правительства и скоропалительных «поправок» к Конституции до озвучивания «обнулительной» идеи 80-летней Терешковой — согласно категориям политологии, называется конституционным переворотом.

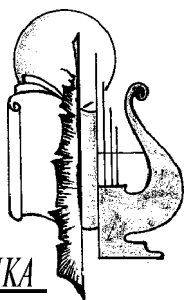
«ЧЁРНЫЙ ВЕЧЕР. БЕЛЫЙ СНЕГ»

(О пьесе Василия Дворцова «С нами Бог»)

Чёрный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
А. Блок

Пало Русское Царство, рухнула Советская Империя, с трудом встала на ноги Российская Федерация, прежде чем мы начали задумываться над причинами этих крушений и нашего нравственного страдания. Только сейчас мы стали изыскивать ту меру, которой можно измерить содержание социально-политических ошибок, осознавать, что эта мера не является мелкой, рациональной, человеческой, но определяется степенью религиозно-сознания, критерием богочеловеческого в человеке, «христустремлённостью» человеческой души. Только спустя век мы начали исследовать причины русских катастроф трагического XX века, постепенно понимая, что не политика дает ответ на вопрос «кто виноват?», что не в рассуждениях профессиональных историков выявляются подоплеку наших поражений, но этот вопрос имеет духовно-нравственное содержание.

И современная **русская** литература, как и прежде, когда она исследовала критерий «всё позволено», когда говорила, что «поле битвы — сердце людское», берет на себя ответственность рассказать правду о человеке, доказать, что смута социальная является следствием смуты

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

душевной. Без этой правды невозможно понять ни механику социальных столкновений, ни новую-новейшую историю, особенно тот ее период, когда русского человека *насилъно* «приобщали к новой вере» и он, отринув тысячелетнюю традицию, на удивление быстро поверил в марксизм-ленинизм, подчинился кровавым большевистским комиссарам, предал своего Царя, ввязался в братоубийственную Гражданскую войну. Но так ли уж насильно приобщился? И так ли уж быстро? И кто ему помог в этом?

Новая пьеса драматурга, прозаика, поэта, публициста Василия Дворцова «С нами Бог! Сцены начала XX века», исследующая события столетней давности, отвечает на эти и многие другие современные вопросы, объясняет нынешние социально-политические нестроения через прошлые событийные аналогии, через образы реальных исторических личностей, через тысячелетние библейские смыслы. Если говорить кратко о предмете произведения, то оно посвящено имени, жизненному примеру и святительскому подвигу великого подвижника, святого Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Тихона (Василия Беллавина). Подвигу — не кратковременному, но соразмерному всей его жизни, подвигу не только молитвенному, в келье монастыря, но миссионерскому, свершавшемуся в дальних землях, подвигу жертвенному, произошедшему в богоборческой стране во спасение Отечества.

Для решения такой сложной задачи автор выбрал и сложную форму своего исследования — драматургическую. Как известно, пьеса, в большинстве случаев, не содержит авторской речи, а значит, и явно выраженной авторской позиции. Не задаваясь целью создания только исторической ретроспективы и разъяснения конфликта, Василий Дворцов берет в соавторство читателя, будит его душевное зрение, заставляя выработать свое суждение на событие, осознать происходящее как элемент собственной судьбы. Автор усложняет задачу, он не вводит в число реально действующих лиц главного героя — канонизированного Патриарха Тихона. Это оправдано не только тем, что по церковным канонам не допускается прямой речи святого в художественном произведении или изображения его актером, но и тем, что в таких условиях более напряженным и проникновенным становится духовное видение зрителя (читателя), должного через концентрацию духа, через преодоление бытийности увидеть невидимое, стать главным «анализатором» текста, не надеясь на подсказку автора. Драматург, осозная, что *смотреть* и *видеть* — понятия разные, совокупностью художественных приемов добивается того, что субъективное человеческое прочтение выходит на объективные закономерности, между автором и читателем выстраивается сложная система взаимосвязей, позволяющая увидеть в сопряжении времён вечностные смыслы.

Оценка времени и современников выявляется через поступки и взаимоотношения действующих лиц пьесы. Именно этот жанр позволяет автору добиться максимальной наглядности, создания «эффекта присутствия», активного душевного содействия

зрителя. Собственно действие пьесы становится выражением содержания, писателю удается отразить те стороны жизни, в которых он видит наиболее острые проявления жизненных противоречий, наиболее значимые общественные и психологические конфликты, так что драматургическое произведение, посвященное революционным временам, анализу причин, приведших к сокрушению Российской империи, приобретает актуальные, трагические и эпические смыслы. Во многом это достигается сценичностью. Именно на сцене произведение достигает наибольшей выразительности и достоверности, максимальной силы воздействия. Так что о сочинении Василия Дворцова можно говорить не только как о литературно-историческом исследовании, не как о пьесе, имеющей просветительское содержание, но как о произведении, коммулятивного жанра, многократно усиливающего действие смысловый первоосновы.

Идеологическая сущность произведения сложна, многослойна. Концепция нарастания смыслов 2-хактовой пьесы выражается через ее ступенчатую архитектуру, состоящую из ряда, на первый взгляд, независимых, но исторически связанных сцен, которые драматург называет картинами, тем подчеркивая реальность происходящего и свое художественное мастерство отражения мира. Живописен романтический пролог, где дается характеристика личности епископа Тихона, просветителя Америки, через оценку его деятельности местным населением — алеутами Северной Америки. С первых слов пьесы, которые автор вкладывает в уста молодого алеута, создаётся настроение радости преодоления, торжества любви. Молодой человек поет песню победы в снежной, ледяной ночи: этой метафорой, созвучной с блоковским «*черный вечер, белый снег*», с указанием точной даты происходящего 5 ноября 1901 года, определяется событийный период, заявляется направленность к документальности, акцентируется проблематика отражения исторического времени. Автору удается вместить в произведение времена и эпохи, отстоящие друг от друга не только на века, но на тысячелетия, и максимально приблизить их к современности.

Кажется подлинно-историческим эпизод, в котором по просьбе соплеменников крещёный Кемейя, духовный сын русского просветителя, рассказывает про своего любимого Доброго отца Тихо. Зритель, знающий историю Церкви, узнаёт в отце Тихо святителя Тихона, будущего Митрополита Московского и Святейшего Патриарха всея Руси, спасителя Русской Православной Церкви. В начале своей епископской деятельности он совершил миссионерский подвиг, просветил светом православной веры тысячи человек коренного населения Аляски и Северной Америки. При его управлении Алеутско-Аляскинской епархией было возведено множество православных храмов, причем без необходимой финансовой помощи Святейшего Синода Российской империи, он наладил работу православных школ и училищ, а главное, оставил добрую память среди просвещенного светом Православия местного населения, существующую поныне.

Менее осведомленным зрителям для понимания того, что речь идет о выдающемся человеке духовного сана, помогают яркие поэтические метафоры богословского содержания. *«Он видит Небо, которое выше неба»* — говорит умудренный жизнью, но молодой в Православии алеут, по-детски восхищенный своим новым духовным знанием. *«У Доброго отца Тихо глаза в сердце, такими он смотрит. Такими он тебя сразу знает. Насквозь, как будто ты тонкий лёд».*

Радость и свет истины наполняют сцену пролога, хотя действие происходит в непогоду, герои объаты чёрным вечером, ветром, белым снегом. Но и в таких трудных условиях устойчив в крепости православной веры человек. А в России, где начинается смутное время, по блоковскому свидетельству, *на ногах не стоит человек.* Почему? Это понимают не все герои пьесы, но должны понять все зрители. Алеут Кемейя, например, силу своего народа поясняет библейской притчей о «Блудном сыне», услышанной от отца Тихо: *«...один охотник спросил Доброго отца: «У меня три сына, но младший не желал слушать меня, он взял гарпун и лодку, и ушёл из моего дома кочевать один. Забыть мне его?» Добрый отец ответил: «Терпи и жди: младший сын узнает горе и голод, отчего повзрослеет и станет умным. Тогда вернётся. В тот день ты отпразднуешь полноту своего рода. Ты сварьешь много мяса, позовёшь соседей и скажешь: «Мой сын был мёртвым, а стал живым».*

О том, что значит «быть мёртвым» и как можно «стать живым» — драматург рассказывает в основных картинах пьесы, развивая и переплетая сложные нравственные, политические, социальные темы, среди которых тема жертвоприношения — основная. На протяжении действия почти все герои находятся в условиях выбора, в необходимости жертвования. Одни, отдавая себя в служение Богу, жертвуют именем и жизненными благами, другие во имя призрачной личной свободы жертвуют Отечеством, некоторые приносят в жертву жизнь за други своя. Жизнь и смерть оказываются двумя неразрывными процессами, координатами, в которых протекает действие пьесы. И это закономерно, так как смерть — непосредственная характеристика жизни, она онтологически необходима жизни. Как доказывает современная наука, смерть запрограммирована генетически и является свойством существования биологических организмов. Но, несмотря на то, что жизнь конечна, человек верит в бессмертие, наверное, помня, что Адам и Ева были сотворены бессмертными. Бессмертие для них было божественным даром, обеспеченным плодами Древа Жизни, но первые люди поддались на вкушение плодов от Древа познания, увлеклись поисками собственной жизненной свободы и потеряли богообщение, и привнесли в мир тление и распад. Но Бог милостив, и Его Сын Христос, «перенец из мертвых» Своей жертвой показал, что нарушение законов Божественной любви и справедливости будет преодолено Воскресением, мечта о «жизни вечной» станет реальностью.

Многие герои пьесы Василия Дворцова о чём-то мечтают, им всем кажется, что они мечтают о благе, о спасении, об истинной

свободе, главное, о новой жизни. Образ *новой жизни* — сквозной образ произведения. В пьесе постепенно выявляются и опровергаются слабые концепции, ошибочные установки: новая жизнь — это не революция, не «новая» Церковь, не накопление сокровищ, не утверждение модных истин, не проникновение в русскую жизнь «прогрессивной» идеологии западного мира, даже не технический прогресс. Высоким смыслом обновления жизни является новая человеческая жизнь, ребенок — великое богатство в мире, возможное вместилище духовных сокровищ, истинный критерий оценки бытия.

В начале пьесы автор рассказывает о двух маленьких жизнях. Одну, ещё не рожденную, но уже существующую, вынашивает в молитвенной тишине монастырской кельи Наталья, жена келейника Патриарха Тихона Якова Полозова. Другую — крошку алетуку Илу ее отец язычник охотник Нунак принес в жертву своим богам, оставил умирать на морозе во имя хорошей семейной охоты. Так в пьесе на первых страницах задаются амплитудные уровни человеческого бытия — ад и рай. Ад там, где из ощущений изъят Бог, в раю — ощущения исполнены Богом. Или, как говорит преподобный Иустин (Попович), «Человеческое ощущение — в истинном смысле ощущение только с Богом, Христом, то есть Богоощущением, Христопопослушанием. Без Бога Слова оно безмолвствует, корчится и умирает в страстях, в грехах, в бреде, в бессмыслии, в бесновании, в отчаянии, в эгоизме, в вечном существовании и вечной нереализованности. Всегда пытаюсь осуществиться, оно никогда не осуществляется действительно, цельно» (преподобный Иустин). Высшими смыслами являются — вера и любовь. В пьесе это не постулируется, но подтверждается исторической объективностью, посредством разоблачения ошибочных мнений представителей разных слоев общества, носителей различных мировоззрений.

Почти все действующие лица в пьесе — персонажи исторические. Драматург показывает обновленческие искания разных социальных групп, создает как будто хаотичную картину идеологических поисков и заблуждений, за которой на самом деле стоит работа глубинных антироссийских и русофобских сил. Но эти силы до поры конспирированы или наделены, на первый взгляд, симпатичными ролями, направленными на внедрение в умы каждого россиянина развращающей революционной идеологии. В связи с этим вспоминается откровение Льва Троцкого, который в мемуарах признавался: «На каждом заводе, в каждом цеху, в каждой роте, в каждой чайной, в военном лазарете, на этапном пункте, даже в обезлюженной деревне шла **молекулярная работа** революционной мысли. Везде были свои истолкователи событий, главным образом из рабочих... Элементы опыта, критики, инициативы, самоотвержения пронизывали массу и составляли внутреннюю, недоступную поверхностному взгляду, но, тем не менее, решающую механику революционного движения как сознательного процесса».

Пример такой «молекулярной работы» автор показывает в символической сцене свидания и длительной беседы, состояв-

---

шихся, как отмечено в ремарке, 15 июля 1904 года, т.е. в разгар Русско-японской войны. Участники — жена русского государственного деятеля Матильда Ивановна Витте (Матильда Исааковна Нурок, принявшая Православие перед первым браком) и известный издатель, критик и публицист, человек нетрадиционных плотских пристрастий, красавец Дмитрий Философов. Последний, обуреваемый не только поисками новых литературных тем и идей, ловит с жадностью слова опытной светской дамы. Оба они — единомышленники, и в ожидании перемен, новой жизни, притока воздуха свободы не стесняются в откровениях. Но если молодой, неопытный в политике литератор — личность рефлексирующая, озабоченная собственным литературным успехом, переживает лишь эмоции, в его ожиданиях больше модной театральности, то его визави — женщина, знающая не только методы и средства революционной работы, но и главные направления, по которым должны быть нанесены основные удары разрушителями Российской империи. Если Дмитрия Философова, ярчайшего представителя самовлюблённой интеллигенции, больше волнует абстрактная «революция духа», которую он видит в реформировании Церкви, то Матильда Витте — конкретные действия по разрушению всех основ русского государства, она жаждет крови. В ее уста драматург вкладывает популярные во все времена в среде разрушителей Империи тезисы. Светская дама последовательна в своей ненависти к России, ей не жалко русской крови:

«— Этой бедной России для развития реформ следует испытать несколько военных неудач. Тогда руководящие круги разом утратят заносчивость. Станут сговорчивее».

«— Пусть террор ужасен, но без него невозможны гуманные перемены. Оглянитесь: затхлая российская косность требует встряски. Кровь — высшая жертва. Всегда. Везде. Как же без неё? Без неё ничего не случается».

«— Ясно, что этому физиологическому антисемиту Плеве смерть неминуема. Но ещё нужно как-то убрать, стереть в порошок пса Победоносцева».

Философов, исполненный романтических идей, пытается оппонировать:

«— Нет! Нет! Если стрелять, то нужно стрелять идеями, бомбить идеалами, нужно выжигать суеверную тьму факелом разума! Обновления в свободном духе — вот чего жаждет наша рабская Россия. И только мы, философы и поэты, только мы этот час приближаем».

Но Матильда не слышит, настаивает на своём:

«— Надо говорить о преобразованиях в Церкви, ибо Русская Церковь в параличе, и ей необходимо обновление. Потребуется контроль над общественной мыслью. Наш полный контроль. Вы, же, Дима, вы же... отныне наш?»

Что значит *наш* — в другой сцене разъясняет Философову Зинаида Гиппиус. Она, при согласии на необходимость революции, однако, понимает, что в кровавой партии за обладание

русским миром сошлись матёрые игроки, имеющие древние знания и опыт, служители антихриста и Ваала. Поэтесса называет всё своими именами.

«— Дима, право, очень похоже, что она тебя уже поработила. Не отмахивайся! Ты же явно ею подавлен. О, да, конечно, эта Эсфирь владеет гипнозом. И сексуальной магией: как легко она завлекает мужчин себе в рабство».

«— За ней её дяди-банкиры. И в Германии, и в Америке. Дяди, всё её дяди! Они ещё поставят Витте диктатором, поставят. Они всегда своего добиваются. Но ты, Дима, ты-то лишь пешка в их игре. Ты — не из них... А вот её дяди-мордохей, те — да, да! Те всех под нож пустят. По трупам, по горам трупов пройдут ради своей корысти. Банкирам всё в прикуп — и подкуп, и террор».

Библейские аналогии здесь относит читателя к ветхозаветной книге Эсфири. Кстати, это единственная книга в Библии, где ни разу не упоминается имя Бога, в ней представлены исторические персонажи с определенным типом поведения. Известный богослов, знаток библейских архетипов митрополит Константин (Горянов) отмечает в своих исследованиях авантюрную историю Эсфири, жены персидского царя Артаксеркса, затеянную по плану ее тайного сожителя Мардохея, как психологическую иллюстрацию к «русской» революции. Тогда амбиции Мардохея не только привели его к желаемому повышению при дворе царя, но и к уничтожению «чужими руками» своего идейного соперника советника Амана. Мардохей с помощью Эсфири оклеветал советника царя Амана. Кроме этого, убили еще десять сыновей Амана. Эсфирь получила во владение дворец Амана, в котором Мардохей стал смотрителем (Есфирь. 8: 1-2).

Как пишет митрополит Константин: «В Российской империи можно найти аналоги таким персонажам, что подтверждает универсальность и вневременность библейских архетипов. Например, в истории прославленной революционной пропагандой народницы, социал-демократки, знакомой революционером С.Г. Нечаева, польской дворянки Веры Засулич, которая террористическими методами вступилась за политического заключенного, народника А.С. Боголюбова. Она намерилась убить петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, который приказал выпороть Боголюбова за демонстративное непочтение к власти. Засулич пришла на приём к Трепову и выстрелила ему два раза в живот, тяжело ранив... И была оправдана судом и присяжными заседателями на радость и под ликование петербургской публики, устроившей в честь этого судебного решения торжественную манифестацию, вылившуюся в политическое действие, направленное на дискредитацию законной власти в России».

Следствием дискредитации российской власти, пропаганды идей сокрушения Российской империи стало убийство заговорщиками сенатора Плеве, так чаемое Матильдой Витте, одобрение поражения России в Русско-японской войне частью русской интеллигенции и членами Государственной Думы, разнужданная травля законного властителя — Помазанника Бо-

---

зия Императора Николая II, оболганного и убитого большевиками по заказу их спонсоров — заокеанских «банкиров-мардохеев». Сегодня мы знаем имена выгодополучателей от русской революции — Шиффа, Парвуса, Рутенберга, братьев Свердловых и мн. др.

Особенно злостным нападкам подвергалась Русская Православная Церковь. История Российской империи неотделима от истории ее Церкви. Она сложна и обширна, как сама Россия. Поэтому для конкретизации драматург находит композиционный прием, рассказывая о политических событиях в тех областях, в тех епархиях России, которые в указанное время возглавлял епископ, архиепископ, митрополит Тихон. Святитель аксиологически присутствует в сцене, происходящей 28 февраля 1907 года в Ярославле, в кабинете губернатора города. Здесь собрались, как они себя называют, русские монархисты. Первая революция завершилась, властью проведены реформы, вышел Манифест 17 октября 1905 года, дарующий многие «требуемые народом» свободы. Кажется, всё хорошо. Но почему взволнованы собравшиеся: губернатор Александр Римский-Корсаков, член Союза русского народа, предприниматель Федор Дурляев, известный врач, председатель Ярославского отделения Союза русского народа Иван Кацуров? Почему вновь говорят они о спасении России? Потому что правильно видят надвигающуюся опасность. Им понятно положение дел, так как на старейшей Ярославской кафедре сейчас находится архиепископ Тихон, деятельный, смелый, он идеологически возглавляет Ярославское отделение патриотической организации Союз русского народа, той самой, которую либералы презрительно и поныне называют черносотенной. Архиепископ Тихон и вся его паства поддержаны словом и вниманием отца Иоанна Кронштадтского. В Ярославль приезжает Император Николай II и увлеченно беседует с архиепископом Тихоном. Народ любит своего Владыку безмерно.

Но участники беседы знают, что в столицах *политика давно уже прописалась в алтаре*, что дух нравственного разложения проник не только в политику, культуру, армию, но и в Церковь. Собеседники, лучшие люди города, боятся провокаций, зная, что:

«— Лондон вновь собирается к нам Минея Губельмана и Якова Свердлова с Менжинским заслать».

«— Атеизм уже нагло в каждой подворотне семечки лузгает, в каждом гимназическом ранце порнография с прокламацией треплются».

И пытаются найти выход:

«— Мы, русские, не на римском праве, а на византийском выросли, у нас не персона составляет сообщество, а соборность определяет личность. Похоже, наступила пора ставить перед Его Величеством вопрос о смещении премьера и правительства. И для этого нам, русским монархистам, сегодня нужно продемонстрировать единство, монолитность».

Действительно, как подчеркивает драматург, первоочередная

задача — это единство единомышленников, спасителей России, это выверенная общая точка зрения, но её нет в среде так называемых монархистов. Например, два присутствующих в сцене лидера патриотической организации, люди всероссийского масштаба, не могут сойтись меж собой и примириться. И причина тому — расколотовое нравственное сознание, отсутствие истинной веры и, как следствие, трагическое непонимание друг друга даже в добрых намерениях.

К чему это приводит, мы видим в сцене, происходящей 11 июня 1917 года в номере столичной Никольской гостиницы. Скоро, 21 июня (с. ст.) 1917 года, здесь, в Москве, Промыслом Божиим в небольшом преимуществе голосов на Московскую кафедру будет избран митрополит Тихон. И далее грядет событие всемирного значения — избрание Патриарха. Свои выгоды в этом вопросе обсуждают (вблизи карточного стола и с бокалами шампанского) Предводитель Московского дворянства, экс-прокурор Святейшего Синода Александр Самарин, профессор богословия, будущий обер-прокурор Святейшего Синода Антон Карташёв, представитель Синода священник Константин Агеев, священники — активисты обновленчества Иоанн Егоров и Александр Боярский. И еще «Некто в черном», уже встречавшийся в предыдущих сценах в виде безмолвного соучастника.

Многие имена должны быть известны зрителям по истории Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 годов, проходивших под покровительством митрополита Антония (Вадковского), но инициированных интеллигенцией, большей частью антиправославной. Интеллигенцией, пытающейся открыть для себя мир русской святости, которую «мыслителям» оказалось легче искать в сектах и ересьях. По их свидетельствам они хотели посредством общения со священством обновить «самое чувство жизни», высказать Церкви свои абстрактные к ней претензии. Это те самые собрания, на которых Мережковский призывал к созданию «Третьего Завета», где пытались сформулировать основы «нового религиозного сознания», в которое бы укладывалось такое убеждение Мережковского: «Если Христос реально и воплощённо есть Царь, то не может быть иного Царя, иного Первосвященника, кроме Христа». Позже Карташёв инициировал Санкт-Петербургское религиозно-философское общество (1907—1917), где затрагивались вопросы упразднения Царя, введения выборного начала в Церкви и др.

Священник Константин Агеев был также одним из учредителей Петербургского религиозно-философского общества и Братства церковного обновления в Петербурге, где он говорил, что «для Церкви установить нормальные или разорвать ненормальные отношения Церкви и государства есть ближайшая судьба Церкви». Сохранились стенограммы выступлений председателя Общества Антона Карташёва, озабоченного в годы Первой мировой войны не положением на фронтах, не победой Отечества, а вопросами реформирования Церкви.

Понятно, что такие религиозно-революционные деятели были готовы на любое обновление, но, как им казалось, это легче всего было сделать в Церкви, так как они знали, что разобщенная часть патриотической интеллигенции им противостоять не будет. В сцене в столичной гостинице звучат соответствующие намерения.

о. Константин Агеев:

«— Именно первопрестольной Москве предстоит обновить Церковь. Выступить лидером в том, что преобразует, оживит, омолодит русское христианство после двухвековой синодальной лютаргии. Петрограду сие не по плечу».

Боярский Самарину:

«— Вы настоящий богослов! И ревнитель Церкви! Совесть нации! Светоч народной мысли! Вы — апостол обновления веры!»

Самарин:

«— ...московское общество новых ревнителей православия совершенно готово к решительным действиям».

Карташёв:

«— Противников реформ осталось немного. Главное: они деморализованы».

о. Константин Агеев:

«— Конечно, есть, но все они, черносотенцы в митрах, уже вне времени! Они — всё, уже прошлое. А мы — настоящее. Мы — будущее! Освободить Церковь от пут монашества».

Карташёв:

«— Для раскрепощения народной совести нужно будет выпустить акт, упраздняющий силу таинства царского миропомазания. Пусть новый патриарх зачеркнёт старого царя».

Само за себя говорит продолжение диалога:

«— Бери бутылочку и вернёмся за ломберный».

«— А закуси, Александр Дмитриевич, северюжинкой. Не устрица, конечно, но что поделаешь — революция! Временные власти, временные трудности. Нет импорта, во всём местные производители».

Потом хором поют:

«— Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног...»

Им подпекает «Некто в чёрном» — впервые ставший полноправным участником сцены.

«Чёрный человек» в истории литературы имеет разные этимологии или разные градусы посвящения. В пьесе Василия Дворцова он предстает в своем дьявольском естестве, он не маскируется, он явно выходит на бой, так как предстоит открытое единоборство с мощной духовной силой — с Православием, так как, будучи посрамленным Христом в пустыне, знает, что люди, идущие со Христом, не искушаемы и непобедимы.

В пьесе «Некто в чёрном» реален, как и тогда, когда его заметил на одном из религиозно-философских собраний А.Бенуа, заглянув за чёрную классную доску: *«Передо мной стояло огромного роста чудовище, похожее на тех чертей, которые меня пре-*

следовали в моих детских кошмарах и какие были изображены на лубочных картинках, представлявших «Страшный Суд». У этой гадины были настоящие волосы на голове и на бороде, а всё тело было покрыто густой чёрной шерстью. Из оскаленной пасти кровавого цвета торчали длинные загнутые клыки... Когда я (Мережковского) свел за доску, он на минуту выразил крайнее изумление, а затем... чуть ли не радостно воскликнул: «Ну, разумеется! Это — он! Надо было ожидать, нечего удивляться...»

Не удивляются этому действующему лицу ни в Летнем саду, где «Некто в чёрном» сопровождает госпожу Витте, ни участники сцены в столичной гостинице, ни сторонник обновленчества монах Илиадор (Труфанов), потому что все они знают, что реален этот посланец деструктивных сил. Это он проводит «молекулярную работу» по разращению каждой податливой души, по обольщению лживыми посулами каждого алчного сердца. Кажется, он поспекает везде — революция это его детище, разрушение — его стихия. Это его союзники — Держинский и Лацис, безжалостные комиссары, не верящие в Бога, но живущие по законам inferнального мира. Держинский поляк, христианин, вспоминал о своём детстве: «Ещё мальчиком я мечтал о шапке-невидимке, чтобы стать невидимым и безнаказанно убить как можно больше русских».

Новые руководители Советской России понимают, что Русская Православная Церковь со Христом и христианским народом — не дадут разграбить сильную, богатую страну. Узурпаторы власти знают, что надо делать:

«— Ждать — не по-большевицки. Надо определить у них лидера или назначить такового. И оказать ему поддержку на условиях полного отказа от исторического православия. Полная реформация. Остальных — под пресс».

Их мысли — от того же, не всегда видимого Человека в чёрном, который в следующей сцене уже прямо искушает расстригу Илиадора:

«— Убей Патриарха. Убей Тихона. Где твоя безносая Хиония? Где твоя Гусева? Пошли её. Свою верную. Свою преданную. Свою страдалицу. Только в этот раз пусть ударит не в пах, а в печень. Острым ножичком. Тоненьким. Прямо в печень. Где, где твоя Хиония?»

Революция — концентрат зла, ненависти и человеческой глупости. Но есть в страдающей России другие, гармоничные стихии, есть силы, противостоящие хаосу, не позволившие, веря в Промысл Божий, свершиться убийству Патриарха. В произведении они изображены экономными выразительными средствами, показаны в количестве небольшом, в своем одухотворённом смирении, непреодолимом для зла. На протяжении пьесы картины, содержащие страстные политические дискуссии, перемежаются с картинами тихой монастырской жизни, со сценами, показывающими личностей немногословных, умудренных верой, истовых в служении Истине, неустанных в своём молитвенном подвиге.

Два действующих лица — крестьянин Яков Полозов, келейник Патриарха Тихона, и его жена Наталия из старинного дворянского рода Друцких-Соколинских, живущие подле Святейшего, олицетворяют мир кроткой праведности, общество верных, понимающих, что происходит с их страной. Это понимание даётся супругам без труда, так как они не делят жизнь на тварную и духовную, так как их свободная воля движется не злом, а любовью. Эти герои, представители разных, доведенных до антагонизма сословий, но соединённые брачным союзом по Патриаршему благословению, отражают православное миропонимание русских людей, в том числе по отношению к политике и власти. На лестнице между земным и небесным они находятся выше многих своей простой, ясной убеждёностью в том, что в центре мира находится Бог. Этим они создают противовес в мировоззренческом противостоянии всем остальным изображённым драматургом героям, которые убеждены, что в центре мира должен располагаться человек со своими хотениями.

Понятно, что искусство не может отражать непосредственно духовную реальность, драматург выражает идеи через поступки героев, через взаимодействие вещей и явлений, заставляет зрителя «мыслить церковно». Это необходимо, так как всё в пьесе выстроено согласно духовной иерархии, отражающейся разным отношением людей к вере. На вершине — Святейший Патриарх Тихон. Задача воплощения идеала православного героя не решается даже для христовцентричной русской классической литературы, и Василий Дворцов, доказывая, что религиозное мировоззрение может быть основой литературного произведения, подвиг Святейшего показывает опосредованно через его присных, через их подвиги, через осмысление их «жизни по Божиим заповедям».

Именно такую жизнь ведут Яков и Наталья. Жизнь семьи многогранна, но автор пьесы выбирает приоритетную, жертвенную ее сторону. Жертва — та эволюционирующая протоидея, которая восходит к жертвоприношению Авраама. Эта реальная история из Ветхого Завета, показывающая наивысший уровень любви к Богу, ради которого Авраам готов принести в жертву своего сына Исаака, достаточно полно изучена богословами. Автор пьесы, понимая вневременной смысл библейских аналогий, рассматривает ее актуальность в реалиях XX века. Яков Полозов жертвует своей жизнью, спасая от рук наемных убийц своего духовного отца, Святейшего Патриарха, которому предназначалось и удалось спасти от обновленчества (гибели) Русскую Православную Церковь. Пусть она была обескровлена, разграблена, ушла в «катакомбы», но сохранилась, выжила и спасала советскую Россию в годы испугательной Великой Отечественной войны.

Но, кажется, причём здесь Авраамова жертва? Мы знаем, что Бог искушал Авраама пожертвовать сыном, но это искушение было во благо, оно было послано во имя перемены души пра-

---

ведника, для возрастания его в вере, для выявления образцовой Авраамовой любви к Господу. Якова Полозова попытался искусить «Некто в чёрном», уговаривал отречься от службы Патриарху — а, значит, и от Бога — ради «сытного будущего» для сына. Всем суемудрым «Некто в чёрном» нашёл свои соблазны, но тут он потерпел неудачу, так как не предусмотрел такой важной составляющей веры, как её простота. Аналитиков, интеллектуалов, привыкших к свободному выбору из нескольких вариантов, оказалось нравственно сломить легче, чем человека, у которого суть жизни определена любовью к Богу. Для Якова Полозова нет сомнений, и решение единственное: выбрав смерть за Патриарха, он оставляет своего сына на попечение не преданного им Бога.

Человеком любви и отцом веры называют праотца Авраама, который стал образом преданности Богу, примером высшей стойкости в вере. Как говорят богословы, подражать святости невозможно, можно усваивать опыт праведников, встав на стезю преемства. Конечно, Яков Полозов, закрывший от убийцы своим телом Патриарха Тихона, не мыслил такими словами. Его поступок стал следствием личного возрастания в вере, пребыванием в любви к Господу. Его подвиг — спасение Патриарха, его жертва — не только своя жизнь, но и жизнь своего крохотного сына, остающегося без отцовского попечения, обреченного в богоборческой стране на гибель. Но келейник Святейшего, как и праотец Церкви Авраам, оправдан Богом. Спасён и сын Полозова, и до времени, Патриарх, и на века — Русская Православная Церковь, и в дальнейшем — Россия, искупившая грех богоотступничества и предательства Помазанника Божия законного Царя Николая II.

Поступок Якова Полозова также свидетельствует о величайших духовных возможностях в простоте смирения даже «маленького» человека, даже не обладающего высокой религиозной компетенцией раба Божия. Драматург доказывает, что евангельский или духовный закон по силам любому человеку, если тот может, по слову Максима Исповедника, «любить ближнего не как себя, а больше себя. Он <закон> предписывает чистую духовную жизнь в Боге и усиливает нравственные требования; но он зато и подаёт человеку обожение». Законодательно стать праведником нельзя, можно только по вере, какая была присуща Аврааму. И можно по любви, которая есть дар Божий, щедро вылитый и на Якова Полозова.

Все эти смыслы присутствуют в произведении Василия Дворцова «Снами Бог!» Пьеса активизирует ум, заставляя разобраться в понимании истинной истории России, что невозможно без церковной идеи. Трагедия, явившаяся триумфом веры, выводит на катарсис, просветляющий души, смягчающий сердца зрителей состраданием к героям, смиренно стоящим пред Богом и смело — пред жизненными испытаниями. Рассказанная Василием Дворцовым подлинная история, воспринимается не как личная временная эмоция, а как современное свидетельство

ство Второй заповеди: «Люби ближнего своего...», как необходимая ипостась бытия — забота о другом человеке.

А ещё это пьеса о любви к Отечеству в его истории и современности. Название произведения свидетельствует об основной идее. Несмотря на то, что взятое в заглавие известное изречение «С нами Бог» имеет библейское происхождение, оно уже на протяжении веков наполнено нашими русскими спасительными смыслами.

Александр Васильевич Суворов на поле воинской брани воодушевлял солдат: «Мы русские! с нами Бог! За нами победа!». Епископ Николай Сербский (Велимирович), устремляя душевный взор ввысь, утверждал: «Мы, земные путешественники, не одиноки на своём пути. С нами Бог и всё небесное Воинство». Во многих своих произведениях современная русская литература, призывая к любви, укрепляющейся в вере во Христа, по Его примеру крушит дела тьмы оружием света. А главное, она учит, что нельзя любить частью сердца, что побеждает и наследует мир только тот, кто любит и верит *всем* своим сердцем.

Вот и автор просвещает нас, своих современников, словами Святейшего Патриарха Тихона, умудрявшего русские сердца в страшные времена начала XX века: «Братья возлюбленные, услышьте голос Церкви. Родина гибнет. И не какие-либо не зависящие от нас несчастья тому причиной, а бездна нашего духовного падения, то опустошение сердца, о котором говорит пророк Иеремия: *«Два зла сотворили люди Мои: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды»*. Совесть народная затуманена противными христианству учениями. Совершаются неслыханные кощунства и святотатства... Православные, именем Церкви Христовой Собор обращается к вам с мольбою. Очнитесь, опомнитесь, **встаньте за Россию**».

Эти слова святого Патриарха звучат актуально и для нашего апостасийного мира. Жизнь и деяния героического Предстоятеля Русской Православной Церкви Тихона (Беллавина) укрепляют веру в высшие смыслы человеческого существования. Как говорил митрополит Антоний Сурожский, пока не увидишь в глазах другого человека свет вечной жизни, ни в какие слова не поверишь. Сегодня, после жестоких десятилетий богоборчества, мы можем видеть этот свет, излучаемый очами молящихся на богослужениях, отражаемый литературными произведениями, глубокими иконописными и блистательными живописными работами современных художников. Этот свет непреходящ, как Авраамова любовь, как Русская Православная Церковь, как Святая Русь.

г. Санкт-Петербург